

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Сборник научных трудов
по материалам
III Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 30 сентября 2014 г.

В пяти частях
Часть III

Белгород
2014

УДК 001
ББК 72
Т 33

Т 33 **Теоретические и прикладные аспекты современной науки :**
сборник научных трудов по материалам III Международной научно-
практической конференции 30 сентября 2014 г.: в 5 ч. / Под общ. ред.
М.Г. Петровой. – Белгород : ИП Петрова М.Г., 2014. Часть III. – 160 с.

ISBN 978-5-9905837-3-3

ISBN 978-5-9905837-6-4 (Часть III)

В сборнике рассматриваются актуальные проблемы различных отраслей научного знания по материалам III Международной научно-практической конференции «Теоретические и прикладные аспекты современной науки» (г. Белгород, 30 сентября 2014 г.).

Представлены научные достижения ведущих ученых, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов по филологии, истории, филологии, социологии, юриспруденции.

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по договору № 1483-07/2014К от 04.07.2014 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте:
www.issledo.ru

УДК 001
ББК 72

ISBN 978-5-9905837-3-3
ISBN 978-5-9905837-6-4 (Часть III)

© Коллектив авторов, 2014
© ИП Петрова М.Г. (АПНИ), 2014

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ».....	5
<i>Алаа Эль Бадри</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ.....	5
<i>Александрова Т.А., Лазовская Н.В., Рудченко Т.Л.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧИМЫХ ЯВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА.....	8
<i>Идразова Э. С-А.</i> ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ.....	10
<i>Кажигалиева Гж.А.</i> ЭМОТИВНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ.....	19
<i>Карапетова И.Н.</i> АУДИТОРИЯ КАК ОСНОВНОЙ ТИПОФОРМИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА	23
<i>Касьянова Ю.А.</i> КАРНАВАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕМОТИВАТОРОВ.....	27
<i>Клёммина Е.Н.</i> ОБРАЗ СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ ЕЛЕНЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ АНГЛОСАКСОВ.....	30
<i>Мартынова Е.В., Кадырова Л.Б.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ	41
<i>Ненарокова М.Р.</i> К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЖАНРОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ	44
<i>Скнарев Д.С.</i> ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ТОВАРА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ СОЗДАНИЯ.....	50
<i>Храмова Ю.А.</i> ОБРАЗ ГОРОДА В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА КОУ «КЛУБ РАКАЛИЙ» ..	56
СЕКЦИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ».....	62
<i>Шаповаленко Е.Ю.</i> ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ЧЕРНИГОВЩИНЫ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1943 ГГ.)	62
СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ».....	66
<i>Гульбин Г.К.</i> О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	66
<i>Семенова В.Г.</i> ПОНЯТИЕ «ИЗМЕНЕНИЕ» В ЛОГИКЕ И ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ	69
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	73
<i>Козлова Н.С., Комарова Е.Н.</i> ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ	73
<i>Лю Шуйцин</i> ОБСУЖДЕНИЕ О ОШИБКАХ МАЛАЗИЙСКИХ АВИАЛИНИЙ В АНТИКРИЗИСНОМ PR-МЕНЕДЖМЕНТЕ.....	75

<i>Майборода Т.А., Строй Г.В., Дрожжина Н.Б.</i> ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНЖЕНЕРОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	78
<i>Малашонок С.Г., Мамедов А.К.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В КИТАЕ: ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА.....	82
<i>Павлов Б.С.</i> ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЬЕ» И «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В СОЗНАНИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НА УРАЛЕ.....	89
<i>Силенко А.Н., Садовникова Л.А.</i> АЛГОРИТМ АПРОБАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ.....	94
<i>Фионова Л.Р.</i> НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В ОРГАНЕ ВЛАСТИ.....	98
<i>Цзи Кайси</i> ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ.....	103
<i>Хазов К.Н.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА.....	105
<i>Чернопятова А.В.</i> СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ.....	108
<i>Шаповал Ж.А.</i> ПОТЕНЦИАЛ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПРОЕКТАХ РЕГИОНА.....	111
<i>Юрова И.Ю.</i> МЕДИЦИНСКАЯ АКТИВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ.....	117
СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»	121
<i>Вашакидзе Г.Т.</i> РЕФЕРЕНДУМ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ.....	121
<i>Демко О.С., Азарков А.Ф.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЛИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	128
<i>Демко О.С., Потапенко М.Ю.</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ.....	131
<i>Зонтов Н.Н.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ.....	133
<i>Карасёва М.Ю.</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ.....	135
<i>Лукьянчикова Е.Ф., Криволапов Д.М.</i> УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ.....	140
<i>Мирошниченко Н.В.</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В РУССКОЙ ПРАВДЕ.....	144
<i>Туманова Е.В.</i> ТЕОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСПАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	147
<i>Щербинина И.В.</i> БЕЗОПАСНЫЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ.....	151

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ**

Алаа Эль Бадри

аспирант каф. иностранных языков и профессиональной коммуникации,
Курский государственный университет,
Россия, г. Курск

В статье рассматривается феномен социальной толерантности в аспекте психолингвистического подхода к значению. Анализируются экспериментальные данные и делается вывод о том, что наблюдение за спецификой вербализации социальной толерантности в ментальном лексиконе позволяет установить приоритетные для человека опоры в процессе поиска исходного предметного образа исследуемого феномена.

Ключевые слова: социальная толерантность, психолингвистика, индивидуальный лексикон, речевая деятельность, образ мира.

Стремительные социальные процессы повлекли за собой значительные изменения в стилистике устной и письменной речи. Ученые получили богатый источник материала для исследований и возможность изучать и обсуждать в печати любую область языкознания. Социальная толерантность как феномен взаимодействия и коммуникации людей изучается многими науками: социологией, психологией, философией, культурологией, лингвистикой, психолингвистикой. Этот факт обуславливает многообразие подходов, множество описаний и определений. В подавляющем большинстве современных исследований, посвященной данной проблеме, авторы отмечают тесную связь понятий «толерантность» и «терпимость», причем иногда между ними ставится знак равенства, иногда – они рассматриваются как близкие по значению, но не тождественные.

В аспекте психолингвистики внимание ученых, естественно, концентрируется, на вербальной толерантности, на способности индивидов взаимодействовать в социуме и культуре посредством определенных лексических единиц. Психолингвистика делает акцент на специфике проявления толерантности в лексиконе человека.

В настоящей статье описывается организация экспериментального исследования особенностей функционирования лексемы *толерантность* в индивидуальном лексиконе с целью выявления факторов, определяющих ее специфику.

Актуальность исследования специфики социальной толерантности в индивидуальном лексиконе определяется значимостью этого феномена в социуме и коммуникативной деятельности человека. Научная новизна исследования заключается в реализации психолингвистического подхода к вербализации социальной толерантности при акцентировании внимания на закономерностях психической деятельности человека в целом и речевой деятельности в частности.

В качестве метода исследования использовалась методика субъективных дефиниций. При организации экспериментального исследования мы стремились привлечь как можно больше испытуемых (далее – ии.) для получения большого массива экспериментальных фактов. Участниками нашего эксперимента были студенты следующих факультетов Курского государственного университета: физико-математического, естественно-географического, индустриально-педагогического, всего – 72 участника; все ии. являются представителями одной возрастной группы и близки по социальному статусу. Ии. было предложено написать, какие определения возникают у них при виде предъявленного слова; основной задачей было при этом не задумываться и не обращаться к помощи словарей и прочих источников. В том случае, если слово казалось испытуемому неизвестным, его следовало пропустить и больше к нему не возвращаться, время работы с бланками не ограничивалось. После проведения вертикального и горизонтального анализа бланков было получено 672 определения, пригодных для интерпретации.

В рамках нашего исследования важно подчеркнуть, что восприятие лексем, а именно, увязываемой с ними информации, определяется и направляется образом мира, сформированным у человека к соответствующему моменту. Известно, что в процессе общения и взаимодействия с миром происходит построение «в сознании индивида образа внешнего многомерного мира, мира как он есть» [2, с. 271]. В работе мы опирались на концепцию Л.В. Сахарного о «текстах-примитивах», согласно которой анализ структур толкований в словарях и в спонтанной речи позволяет весьма эффективно изучать процессы актуализации тех или иных значений слов [4]. Следует уточнить, что под субъективной дефиницией мы понимаем «не дефиницию в строгой лингвистической трактовке этого термина, встречающуюся в словарях, а своеобразный продукт переработки субъективного опыта человека при попытке определить значение слова» [1, с. 223].

Анализ результатов эксперимента позволил нам выделить следующие тематические группы: «Учеба», «Социальные события», «Личная жизнь», «Спорт» «Масс-медиа», «Интернет-коммуникация». В рамках статьи мы не можем привести весь объем фактического материала, поэтому ограничимся наиболее рельефными дефинициями.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ – преподаватель не проявляет терпение, нет у него толерантности; деканат очень толерантный; толерантность – это когда тебя уважают; толерантность – когда тебе хорошо на лекциях; толерантность – это терпение к ближним; толерантность – доброта, мягкость. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что для носителя языка существует значительная вариативность в определении исследуемого феномена. ТОЛЕРАНТНОСТЬ – это агрессия со стороны Запада; толерантность – выступление политиков; надо проявлять толерантность к оплате за квартиру; ЖКХ – это далеко от толерантности; надо быть толерантным к слабым; Эксперимент показал, что индивид также осмысляет недостаточно хорошо понятную область знаний и сферу деятельности через обращение к уже известному опыту. Например, ТОЛЕРАНТНОСТЬ – доброта и мягкость; терпимость к больным и слабым; толерантность – принятие чужой религии; толерантности нет у ислама; христианство – верх толерантности; ТОЛЕРАНТНОСТЬ – это на телевидении; толерантность у телевизора; вся наша жизнь – это толерантность; устойчивость и терпимость; ТОЛЕРАНТНОСТЬ – это сопротивление злу и насилию; толерантности нет на войне; ТОЛЕРАНТНОСТЬ – мягкотелость, слюнявость, ограниченность.

Таким образом, наблюдение за спецификой вербализации социальной толерантности в ментальном лексиконе позволяет установить приоритетные для ии. опоры в процессе поиска ими исходного предметного образа исследуемого феномена. Экспериментальные данные свидетельствуют о том, что осмысление характера социальной сферы и степени воздействия социума на человека выявляет актуальные прагматические смыслы в определенный период жизни социума и личности. Информация, увязываемая с исследуемым понятием, свидетельствует о том, что у человека актуализируются те области знания, которые наиболее знакомы и понятны человеческому сознанию, что способствует более чёткому определению сложных социальных понятий.

Список литературы

1. Лебедева, С.В. Синонимы или проксонимы [Текст] / С.В. Лебедева. – Курск : Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2002б. – 203 с.
2. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии [Текст] / А.Н. Леонтьев – М.: Смысл; КДУ, 2005. – 511 с.
3. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику [Текст] /Л. В. Сахарный – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 178 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧИМЫХ ЯВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Александрова Т.А.

доцент кафедры английского и испанского языков ФГБОУ ВПО «СГЮА»,
канд. филол. наук,
Россия, г. Саратов

Лазовская Н.В.

доцент кафедры английского и испанского языков ФГБОУ ВПО «СГЮА»,
канд. филол. наук,
Россия, г. Саратов

Рудченко Т.Л.

ст. преподаватель кафедры английского и испанского языков
ФГБОУ ВПО «СГЮА», канд. социол. наук,
Россия, г. Саратов

В статье обсуждается несколько современных взглядов на проблему взаимодействия языка и культуры и общества. Рассматривается значимость таких явлений как «социальная дифференциация языка», «стратификационная и ситуативная вариативность».

Ключевые слова: язык, культура, общество, социальная дифференциация языка, социолингвистика.

Социолингвистика как наука, изучающая в общих чертах использование языка в обществе, т.е. в социальном контексте, может интерпретироваться по-разному. В ее сферу входит изучение соотношения языка и диалекта, билингвизма, языковой политики и т.д. Для социолингвистического исследования в равной степени важно как применение методов фонетического, грамматического, лексического и семантического анализа, так и методов исследований, используемых в социальных науках. Влияние социальных факторов, в том числе ситуационных, на речевую деятельность, является также одной из важнейших проблем социолингвистики. Как отмечал Р.А. Будагов, изучение социальной природы языка обуславливает функционирование самой его системы и является важнейшей задачей социолингвистики [1].

Целью социолингвистики как науки является исследование проблем, связанных с социальной обусловленностью языка, взаимодействием общества и языка, с влиянием социальных факторов на развитие языка, его общественных функций, с воздействием языка на развитие общества, отражением в языке общественного сознания. Одной из основных проблем, изучаемых социолингвистикой, является проблема социальной дифференциации языка на всех уровнях

его структуры, и в частности характер взаимосвязей между языковыми и социальными структурами, которые многоаспектны и носят опосредованный характер. Структура социальной дифференциации языка многомерна и включает как стратификационную дифференциацию, обусловленную разнородностью социальной структуры, так и ситуативную дифференциацию, обусловленную многообразием социальных ситуаций [4, с. 481].

Применительно к задаче изучения речи членов языкового коллектива важнейшее внимание должно быть уделено ее социальной вариативности, характеризующейся наличием двух измерений – стратификационного и ситуативного [3, с. 56]. Стратификационная вариативность, непосредственно связанная с социальной структурой общества, находит свое выражение в тех языковых различиях, которые обнаруживаются между представителями различных социальных слоев и групп. Ситуативная вариативность проявляется в преимущественном использовании тех или иных языковых средств в зависимости от социальной ситуации. При этом такого рода вариативность может проявляться в смене элементов языка, и в смене форм существования данного языка (*standard – variety*) [5, с. 76-77].

В настоящее время существует множество социальных факторов, воздействующих на функционирование и развитие языка. Так, Ю.Д. Дешериев к основным из них относит те, которые играют определяющую роль в развитии социальной жизни, т.е. в развитии начального, среднего, высшего образования, науки, техники, культуры, искусства, литературы, экономики, государственной деятельности и т.д. Все эти и другие сферы деятельности человека, общественной жизни в неодинаковой мере отражаются в различных языках [2, с. 56]. Социальные факторы влияют на развитие языка по-разному и в различной степени. Но наиболее полно и разносторонне оно осуществляется через посредство расширения и развития его общественных функций. Любой социальный фактор становится реальностью для общественного сознания и отражается в языке. Ю.Д. Дешериев полагает, что реализация влияния общества, социальных факторов на функционирование и развитие языка происходит главным образом двумя путями: 1) путем стихийного (или самопроизвольного) воздействия социальных факторов на языковую действительность и 2) путем сознательного регулирования обществом процессов языкового развития (там же). Под стихийным воздействием социальных факторов Ю.Д. Дешериев понимает непредпринятое преднамеренно человеком, обществом воздействие социальных факторов на функционирование и развитие языка. Наиболее яркие примеры – это а) территориальная (диалектная) дифференциация языка, обусловленная социальной (территориальной) дифференциацией общества; б) социальная (классовая, сословная) дифференциация (образование социальных диалектов, жаргонов), обусловленная социальной дифференциацией общества; в) профессиональная (тоже социальная в смысле выделения известного коллектива людей) дифференциация языка. Главной особенностью территориальной дифференциации языка

являются внутривидовые изменения (возникновение фонетических, морфологических, синтаксических, лексических вариантов одних и тех же языковых элементов). Этот тип дифференциации может сопровождаться расширением общественных функций языка: у носителей одних диалектов могут развиваться различные ремесла, у представителей других – те или иные отрасли сельского хозяйства. С расширением общественных функций языка всегда бывает связана его социальная и профессиональная дифференциация. Однако процесс этот носит стихийный характер в том смысле, что человек сознательно не принимает каких-либо предварительных мер в целях такого расширения общественных функций языка или регулирования внутривидовых изменений. При сознательном регулировании общественных функций языка определяющее значение имеют социальные факторы, социальная потребность [2, с. 60].

Таким образом, с социолингвистической точки зрения, явление вариативности заслуживает внимания, поскольку разные языковые варианты могут использоваться в зависимости от социальных различий между носителями языка и от условий речевого общения.

Список литературы

1. Будагов, Р.А. История слов в истории общества / Р.А. Будаков. – М.: Просвещение, 1971. – 270 с.
2. Дешериев Ю.Д. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху / Ю.Д. Дешериев, И.Ф. Протченко. – М.: Просвещение, 1968.
3. Домашнев, А.И. Заметки по поводу социолингвистической концепции У. Лабова / А.И. Домашнев // Вопросы языкознания. – 1982. – № 6.
4. Швейцер А.Д. Социолингвистика / А.Д. Швейцер / ЛЭС. – М., 1990. – С. 481-482.
5. Швейцер, А.Д. Введение в социолингвистику / А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский. – М.: Высшая школа, 1978. – 216 с.

ЗАИМСТВОВАННАЯ ЛЕКСИКА В ЧЕЧЕНСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Идрозова Э. С-А.

соискатель кафедры общего языкознания, ассистент кафедры иностранных языков,
Чеченский Государственный Университет,
Россия, г. Грозный

В статье впервые рассматривается заимствованная лексика в чеченских народных сказках. Установлено, что в сказках встречаются тюркские, арабские, персидские заимствования, а также картвелизмы и аланизмы. Причем большая часть заимствованной лексики в чеченских народных сказках – это тюркские заимствования. Выявлено, что многие словарные единицы (встречающиеся в чеченских народных сказках) при заимствовании чеченским языком претерпели значительные изменения в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении.

Ключевые слова: сказка, устное народное творчество, заимствования, картвелизмы, арабизмы, персидские заимствования, тюркизмы, аланизмы.

Несомненно, языки обогащаются, прежде всего, используя свои внутренние ресурсы. Однако «общеуниверсальным же для всех языков мира, независимо от типологических различий, является заимствование. И нет ни одного языка, который был бы свободен от чужеродного, можно говорить лишь о степени проникновения иноязычных элементов» [2: 12].

Теоретическим и практическим вопросам изучения заимствований и их освоения посвящены работы многих ученых (Э.Рихтер [1919], Л.Ю. Гранаткина [1951], Л.П. Крысин [1968], А.М. Кокин [1969], А.А. Брагина [1978], Ю.Г. Коротких [1978], Е.В. Розен [1971; 1976], В.В. Скачкова [1990], Н.В. Бутылова [1998], Э.Ф. Володарская [2001; 2002], Т.В. Баранова [2003], Т.В. Чикова [2003], В.Р. Богославская [2003], Л.М. Гальчук [2004], Т.К. Варенич [2005] и др.).

Несмотря на то, что в современном отечественном и зарубежном языкознании имеются значительное количество публикаций, рассматривающих проблему заимствований, целый ряд вопросов теоретического характера продолжает оставаться дискуссионными. Так, до настоящего времени не сложилось единого определения термина *заимствование*, не существует общепринятого понятия основных детерминирующих признаков заимствованного слова, не нашла окончательного решения проблема классификации иноязычной лексики и т.д.

Что касается проблемы заимствований в чеченоведении, то в ее изучении отмечается значительное отставание. В частности, отсутствует в достаточной мере описание инвентаря заимствований чеченского языка, не выявлена их количественная и качественная характеристика, не описаны основные типы и виды семантических разрядов, отсутствует их классификация. Семантика заимствований как лексическая категория, обладающая специфическими признаками, остается в описании лексики современного чеченского языка определенным пробелом. До сих пор нахская лингвистическая наука не имеет широких исследований обобщающего характера в данной области, хотя необходимость в них давно назрела.

Изучение вопросов заимствований в чеченской лексике представляется предпочтительным, так как проблемы происхождения лексики имеют прямое отношение ко всем остальным разделам чеченской лексикологии. Без изучения смысловых связей и отношений чеченской лексики невозможно исследование многих других актуальных проблем в системе чеченской семасиологии.

Как известно, языковые контакты тюркских и кавказских народов уходят в глубокую древность. Исследованием этих контактов с давних пор занимались и тюркологи, и кавказоведы. Необходимость фиксации заимствований отмечал еще А. Дирр (1905, 1915). А в свое время Н.Я. Марр писал о длительных исторических контактах тюркских языков с яфетическими (кавказскими) языками [6: 43].

Многие исследователи, работающие в области языковых контактов, разделяют заимствования на тематические группы, что показывает наиболее интенсивные сферы взаимодействия (Берецки 1957; Бертагаев 1974; Вяри 1954; Газизов 1960; Федотов 1969; Иваницкая 1981; Илимбетов 1975; Исанбаев 1978; Коляденков 1946; Кубанова 1967; Мосин 1967; Уфимцева 1962; Тараканов 1986 и др.).

Мы также, придерживаемся точки зрения данных исследователей (тем более, что нами рассматриваются заимствования употребляемые в определенном, конкретном ареале, т.е. в чеченских народных сказках), но не умаляя важности и необходимости других аспектов изучения.

Как уже было сказано выше, чеченский народ издавна вступал в различные контакты со своими иноязычными соседями. Соприкасаясь с социально-экономической, государственно-экономической и духовной жизнью других народов, чеченский народ заимствовал значительный пласт лексики. Заимствования, функционирующие в чеченских народных сказках, далеко не однородны по семантическому составу. Они отражают разные стороны жизни человека. С точки зрения семантики эти заимствования лучше распределить на несколько больших тематических разрядов: человек и общество; природа и животный мир; материальная и духовная культура; трудовая деятельность человека.

Эти большие разряды распадаются на тематические группы, неодинаковые по количеству охватываемых слов.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

Слова, обозначающие понятия родства.

Хотя терминология родственных отношений относится к наиболее архаичному пласту лексики, в чеченском языке функционирует небольшое количество терминов родства, заимствованных из других языков.

Это объясняется на наш взгляд, тем, что после распада патриархальной семьи происходил частичный процесс архаизации терминологии родства и перехода ее из активного словарного запаса в пассивный. А это, в свою очередь, способствовало утрате данным слоем лексики сопротивляемости к внешним языковым воздействиям.

В рассмотренных нами сказках (более 200) встречается только два заимствования из русского языка – это термины: *мама* и *баба*; и три заимствования из арабского языка – это термин *халкъ* «народ, человечество» < арабское *халкъун* и *къам* «племя» < арабское *къовмун* [1: 117] и *адам* «человек» < арабское *адам*. Они встречаются в сказках: «Т1уьйлиг» [4: 129]: «*Вала-а-лай, мама, вай Сибрех вахана да ц1а кхаьчна! О-о-о, мама, наш высланный в Сибирь отец вернулся*»; «Ч1оьнч1илггий, Ешаппий» [4: 149]: «*Х1окху хенахь бабас лам т1е а йоьдий, цаци чохь хи а дохьий, ч1епалгаш а дой, уьш даадоь вижавора со. В это время, баба, пойдя в гору, в сите принеся воды, сделав чепалгаш, ими накормив, укладывала меня*»; «Г1езаман 1елий, Туллам-Ог1ой» [5:80]: «*Х1еттахь аьхкина баьрзаш “Аьхкинчу-Борзехь” аьхкина ду олуш ду вайн халкъ юкьахь. В то время*

вскопанные холмы (курганы), вскопаны из “Ахкина – Борз” говорится в нашем народе»; «Т1убйлиг» [4: 123]: «Оцу заманчоь акха 1аьрбой бохучу къомо хъаьжц1а боьлхучу нахана новкъаьх т1екхаьчча, церан карахь йолу х1ума а, ахча а доккхуш хилла. В то время называемое “дикими арабами” племя, наткнувшись на поломников, идущих в хадж, забирали (забирало) у них все вещи и деньги.

В чеченских народных сказках нами не были обнаружены такие термины как: *тайпа* «род», *тукхам* «союз», *ажу//ажу* «мама», *бажа* «свойак», которые употребляются в чеченском языке и являются тюркскими заимствованиями.

Слова, обозначающие людей, названия лиц по каким-либо признакам, гражданскую профессию человека и его социальное положение.

Среди терминов этой тематической группы были найдены следующие заимствования: *сардал* «наместник» < кумык. *сардар*, *паша* «паша» < кумык. *паша*, *ялхо* «батрак, слуга, наемник» < кумык. *ярлы* «бедный», *хъаькам* «начальник» < кумык. *гъаким*, *г1арбаи* «раб» < кумык. *къараваи* «раб, невольник», *г1арол* «охрана, караул» < кумык. *къаравул*, *тхъамда* «тамада» < кумык. *тамада*, *хъажа* «паломник» < арабское *хъаджун*, *мут1елам* «ученик медресе» < арабское *мутал1аалимун*, *миск* «бедняк» < арабское *мийскинун*, *пекъар* «бедняга» < арабское *факъир*, *паччахь* < арабское *падэшах1*, *молла* «мулла» < арабское *мовлаьн*, *инарла* «генерал» < русское *генерал*, *эпсар* «офицер» < русское *офицер*, *къеда* «судья» арабское *къадий*.

Соматизмы. Среди данной лексики есть три заимствования (тюркские): *куц* «осанка, фигура» < кумык. *кюц* «облик, лицо», *мекх* «ус» < кумык. *мыйыкъ* [7:30]. и *к1омсар* «бивень, клык, зубец, острый выступ» < кумык. *къамсар* [7:59].

ПРИРОДА И ЖИВОТНЫЙ МИР.

Слова, обозначающие предметы и явления животного мира.

В данной тематической группе объединены заимствования, обозначающие диких и домашних животных, рыб, птиц, пресмыкающихся, насекомых и связанных с ними понятий: *хъайба* «домашнее животное» < арабское *хъайванун*, *моьлкъа* «ящерица» < арабское *мал1ун*, *бад* «утка» < арабское *батт1ун*, *маймал* «обезьяна» < арабское *маймунун*, *газа* «коза» < персидское *гъаьзал*, *лом* «лев» < грузинское *ломи*, *вир* «осел» < грузинское *вири*, *рема* «косяк лошадей» < персидское *рамэ* «стадо», *эса* «теленка» < осетинское *уасс*, *эмалка* «невыезженная лошадь» < осетинское *йамлыкк*, *аттйокх* «кукушка» < тюркское *ат екъ*, *леча* «сокол» < тюркское *лачин* (лочин, лачен), *кхокха* «голубь» < тюркское *гоьгоьрчуьн*, *куьйра* «ястреб» < тюркское *къыргъый*, *айг1ар* «жеребец» < тюркское *айгъыр*, *бекъа* «жеребенок до 3 лет» < тюркское *бакъо*, *дж1аьла* «собака» считается заимствованным из грузинского языка, в котором *дзаг1ли* «собака». Хотя при заимствовании груз. *дз* не дает в чеченском *дж*, а *г1* не переходит в фарингальный *1*; в структурном плане груз. *дзаг1ли* может дать в чеченском только *дзаг1ал* // *дзег1ал* [3:294], возможно, это тюркское заимствование кумык. *чагъал* «шакал» [7:57], *дзуд* «сука» < тюркское *лакское жура*, *бац*. *к1ац1нан* «букв. мать щенка; груз. *дзу* «самка собаки,

волка», *кIеза* «щенок» древнекум. *кэнч*, *чeб.кIазе*, *лезг. кицI* «собачка», *эр* «борзая» тюркский *аьгар//эгер//игар* «охотничья собака», *осет. егар*; *сай* «олень» < тюркское *согун*, *сыгын* «олень, лось», *дIама* «барсук» древнекум. *домар* «поросенок, сви-
нья», *чуьрк* < тюркское *чиркей*, *алаша* «мерин» < тюркское *аьлча*.

Слова, связанные с обозначением растительного мира.

В данную группу вошли слова, называющие деревья, кустарники и их части, травы и связанные с ними понятия: *баIар* «орех» < персидское *бIар*, *дитт* «тутовник, шелковица» < тюркское *тут*, *орам* < тюркское *орнатмакъ* «сажать», *дуга* «рис» < тюркское *дюю*, *хара* «дупло» < грузинское *хари*.

Слова, связанные с обозначением географических понятий. В тематическую группу географических понятий входят слова, обозначающие рельеф местности, полезные ископаемые, атмосферные и природные явления, водоемы: *саьнгар* «окоп» < персидское *сангар*, *хIорд* «море» осетинское *фурд//форд*, *шовда* «родник» осетинское *чуадон//сауадон* «родник, холодная родниковая вода», *ор* «яма» тюркское *уру*, *гIу* «колодец» тюркское *кьюу*, *гечо* «брод» тюркское *гечув.*, *тогIи* «долина» тюркское *тугIай*,

ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.

Слова, связанные с обозначением предметов домашнего обихода.

Все заимствования внутри этой группы являются существительными: *ведар* «ведро» от русского *ведро*, *ьяшка* «ящик» русское *ящик*, *палс* «палас» персидское *паьлас*, *сирник* «спичка» русское *спичка*, *стоьла* «стол» русское *стол*, *тас* «таз» арабское *тазтун*, *шиша* «бутылка» персидское *шише*, *кад* чашка персидское *кадер*, *аьлха* оселок, точильный камень осетинское *алхой*, *алхойна*, *догIа* замок, *ключ* осетинское *дагIал*, *ялгIу* сковородка тюркское *ялгъав*, *кхаба* глиняный горшок тюркское «*хаба*» медный кувшин, *кружка*, «*бошхап*» «тарелка» *бошгъап*, *баттам* медный кувшин для воды тюркское *батман* глиняный кувшин для воды, *гIутах* «коробка, шкатулка» тюркское *кьутукъ*, *юргIа* «одеяло» ювургъа, *хедар* миска тюркское *хадра*, *куьзга* «зеркало» тюркское *гуьзгуь*.

Слова, обозначающие одежду, обувь, украшения и наряды.

Данная тематическая группа включает в себя заимствования чеченским языком для обозначения некоторых видов одежды, материалов для ее изготовления, головных уборов, украшений и нарядов: *киса* «карман» – грузинское *киса* «*кошелек*» – персидское *касэ* – кумыкское *кисе*, *йовлакх* «*платок, шаль*» – тюркское *явлукъ*, *мача* «*обувь*» – тюркское *мачийлер*, *маьхъсеи* «*ичиги*» – тюркское *махси*, *гIовтал* «*бешмет*» – тюркское *кьаптал*, *пес* «*феска*» – тюркское *пес*, *гуьлманди* «*цветной шелковый платок*» – тюркское *гюлмелли*, *бахтар* «*подвязка, ремешок чувяка*» – осетинское *бахтар* «*железная обувь, кошки*».

Слова, связанные с обозначением пищи, приправ, напитков. Тематическая группа включает в себя названия блюд, пищевых продуктов, напитков: *кьаркъа* «*водка*» – арабское *Iаракъун*; *дум* «*курдюк*» – грузинское *дума* – персидское *домбэ*; *хорбаз* «*арбуз*» – персидское *харбозэ* – тюркское *харбуз*, *паст* «*дыня*» – тюркское *пастан*; *худар* «*каша*» – тюркское *худур* «*бурда*».

Слова, относящиеся к культуре, религии; слова, обозначающие обряды, религиозные верования. Большая часть терминов этой группы, являются арабскими заимствованиями: *дола* «молитва» (*дулаун*), *эхарт* «загробный мир» (*эхиратун*), *АлахI* «Бог», *хIайкал* «амулет» – *хIайкалун*, *малик* «ангел» – *малак*, *маъждиг* «мечеть» – *масджидун*, *хъуъжар* «мусульманская школа» – *хъуджератун*, *къуран* «коран» – *къуранун*, *шайтIа* «черт» – *шайтIанун*, *хъажа* «паломник» – *хъбаджун*, *назма* «религиозный напев» – *назмун*, *жин* «дух» – *джинун*, *йилбаз* «дьявол» – *иблисун*, *ламаз* «молитва», *салам* «привет», *ялсамане* «рай» (вероятно заимствовано из греческого языка в скифский период, ср. греч. *Elisium* “поля блаженных (Елисейские поля)”, куда по окончании земной жизни попадают любимые богами герои [З: 320]) *эхарт* «загробный мир» – *ахират*, *эхиратун*, *бисмилах* (*бисмилляхи рахмани рахим*) «С именем, (во имя) Аллаха Милостливого и Милосердного», *мутIелим* «ученик медресе» – *муталIаалимун*, *сагла* «пожертвование» – *садакъа* «милостыня», – *Ассалам Iалайкум* «приветствие, означающее «мир вам» – *Ва Iалайкум салам* «и вам мир», *шарIат* «шариат» -*шатилат-ун* «шариат, мусульманское право».

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА.

Относительно большое количество тюркских слов было заимствовано нахскими языками из области лексики, обозначающей трудовую деятельность человека. В область лексики, обозначающей трудовую деятельность, входят слова и термины, связанные с сельским хозяйством, с обозначением средств передвижения и их принадлежностей, с обозначением ремесел и других занятий человека.

Названия, связанные с орудием труда и сельским хозяйством: *бел* «лопата» тюркское *бел* – персидское *бел*, *муш* «веревка» – тюркское *муш* «рогожа», *диг* «топор» – персидское *дигърэ*, *маха* «иголка» – персидское *мих*, *тай* «нитка, тук материи» – тюркское *тай* «тук кипа».

Названия, связанные с формами поселения, жилищем и его частями: *гIала* «крепость, город» – тюркское *къала*, *юрт* «село» – тюркское *юрт*, *эвла* «аул» – тюркское *авул* «квартал», *кIотар* «хутор» – тюркское *отар*, *шахъар* «город» – персидское *шахIар*, *гIап* «ворота» – тюркское *къапу*, *догла* «замок» – тюркское *тогъас* «засов» – осетинское *дагIал* «ключ», *хIусам* «жилище» – осетинское *фысым//фусым* «дом, квартира, комната», *ков* «ворота» – осетинское *кау* «плетень», *керт* «плетень, двор» – осетинское *карт* «двор», *гIишлуо* «строе-ние, здание» – тюркское *къышлав*, *оти* «каморка, кладовая» тюркское – *отав* «богато убранная комната», *туънкалг* «труба» – тюркское *тюнгюлюк*, *учи* «коридор» – тюркское *уй ичи* «внутренность дома», *урам* «улица» – тюркское *орам*.

Средства передвижения, упряжь: *кема* «самолет, лодка, пароход» – тюркское *гема*, *ворда* «телега» – осетинское *уардон//уардун* «подвода», *пайтон* «каре-та» – русское *фаэтон*.

Названия драгоценных камней, веществ, металлов, минералов: *жовхIар* «жемчуг» – арабское *жовхIарун*, *гIум* «песок» – тюркское *хум*, *чан* «пыль» – тюркское *чанг*, *поппар* «раствор глины» – тюркское *топуракъ* «земля».

Астрономическая терминология, небесные тела, стихии: *хIаваъ* «воздух» – арабское *хIаваун*, *седа* «звезда» – персидское *сэтарэ*, *нур* «свет» – арабское *нурун*, *дуьне* «мир, планета» – арабское *дуьне*.

Военная терминология, названия оружия: *эскар* «армия» – тюркское *асгер*, *тапча* «револьвер» – тюркское *тапанча* «пистолет», *топ* «ружье» – тюркское «*топи*, *туьфэнг*», *герз* «оружие» – осетинское *гарз*.

Этнонимы. Все заимствования этой группы являются тюркскими: *гIебарто* «кабардинец, -ка» (кумык. *къабартылы*), *гIезало* «татарин; казанский» (кумык. *къазанлы*), *гIумки* «кумык, -ка» (кумык. *къумукъ*), *эрмало* «армянин, -ка» (кумык. *эрмели*).

Денежные обозначения. Три термина имеют персидское происхождение: *эппаз* «двадцатикопеечная монета» (*аьппаси*), *шай* «пятак» (*шагъи*), *туьма* «десять рублей» (*туман*). Термин *сом* «рубель» и *ахча* «деньги» является тюркским заимствованием: кумыкское *сом* и *акъча*; термин *кепек* «копейка» заимствован из русского языка *копейка*.

Ономастика. Топонимы.

Большую часть терминов, обозначающих имена собственные и географические названия, встречающиеся в чеченских народных сказках, составляют собственно чеченские термины (имена). Небольшую часть приходится на арабские и тюркские заимствования.

Термины, заимствованные из арабского языка: *Хьасан*, *Ахьмад* (в переводе с арабского «самый прославленный, хвалимый»), *Мовсар* (*Мовсур*) (чеченская форма арабского имени *Муса*), *Мохьмад* (*МогIмад*, *Магомед*), *Муса* (арабский (موسى) вариант имени *Моисей*). Один из 28 пророков *Аллаха*, упоминающихся в Коране), *ЖовхIар*, *Салман*, *Макка*, *Молнесарт* «Насредин», *Сулейман*, *Ибрагим*, *Увайс* (арабское имя (أویس) «волчонок; дар; клюква»).

Термины, заимствованные из тюркских языков: *Баймирза*, *Бексолт* и топоним *Кхошкалде*, что в переводе с кумыкского означает «добро пожаловать».

Слова, обозначающие различные отвлеченные понятия, действия, признаки и состояния. К этой тематической группе относятся термины, обозначающие заимствования социально-экономического и политического характера, а также некоторые другие понятия. Арабизмы: *баркалла* «спасибо» (*баракааллах!*), *Галамат* «чудо» (*Галаьмун*), *ирс* «счастье» (*ирс*), *Гедил* «власть» (*Гадулн*), *миск* «бедняк» (*мийскинун*), *пекъар* «бедняга» (*факъир*), *питана* «кляуза» (*фитнатун*), *рицкъ* «обеспечение» (*разлъун*), *салам* «привет» (*саламун*), *собар* «терпение» (*сабрун*), *хабар* «разговор, известие» (*хабарун*), *зулум* «вред» (*зулмун*), *гIиллакх* «вежливость» (*хилукъун*), *хъарам* «запрет» (*хъарамун*), *жоп* «ответ» (*джавабун*), *бала* «беда» *балаун*, *пайда* «польза» (*файдатун*), *мекарло* «хитрость» (*макрун*), *хIилла* «хитрость, уловка» (*хIиллатун*), *зама* «время»

(заманун), хьал «положение» (хьалун), хьарам «нечестный, грешный, нечистый» (хIарамун), хаза «красивый» (хьаз), дов «драка» (даIвун), омра «приказ» (амрун).

Тюркизмы: оила «мысль» (кумык. ой), сий «честь» (кумык. сый), хьуьнар «энергия, бодрость» (кумык. гьюнер), эхь «стыд» (кумык. ягь «воля, совесть»)

Слова-эмотивы. Все термины заимствованы из тюркских языков: сонта «глупый, безрассудный» (кумык. сонта «нескладный»), тамаша «странный» (кумык. тамаша), осал «боязливый, трусливый» (кумык. осал), пис «жадный» (кумык. пис «гнусный, хитрый»), сутура «скупой» (кумык. сутур), исбаьхьа «изящный» (кумык. исбайы), турпал «богатырь» (кумык. тулпар «силач, богатырь»), куьйса «безбородый» (кумык. кесе «безволосый»).

Рассмотрев употребление заимствований в чеченских народных сказках, мы пришли к следующим выводам:

1. Большую часть заимствованной лексики (в чеченских народных сказках), составляют тюркские заимствования. Это объясняется тем, что вайнахские языки с древнейших времен находились в контакте с так называемой кыпчакской группой тюркских языков

2. Основная часть тюркизмов (в чеченских народных сказках) была заимствована посредством кумыкского языка. Это происходит вследствие того, что в XVII веке чеченцы устанавливают тесные торговые и военные связи с кумыками.

3. Отдельные тюркские слова (встречающиеся в чеченских народных сказках) при заимствовании изменили свою семантику: чеч. тамаша «странный» – кумык. тамаша «помеха, интерес», чеч. осал «боязливый, трусливый» – кумык. осал «бессильный», чеч. пис «жадный» – кумык. пис «гнусный, хитрый».

4. Некоторые тюркские слова в чеченском языке получили определенную фонетическую окраску, подчиняясь фонетическим законам чеченского языка. Так, кумыкскому къ соответствует в чеченском языке заднемягконебная несмычно-гортанная аффриката кх. В сказках это такие слова, как, например: гIутакх – къутукъ «коробка», йовлакх – явлутокъ «платок».

5. Заднемягконебная щелевая звонкая фонема чеченского языка гI постоянно соответствует кумыкской фонеме къ, например: гIорбаиш-къараваш «рабыня». Наблюдается также соответствия согласных хь-гь, х-къ: боишьяп – баишьяп «тарелка», ахча – акъча «деньги».

6. По сравнению с тюркскими языками, арабско-персидские заимствования в чеченском языке (в частности в народных сказках) составляют менее многочисленный (довольно малочисленный) слой. Это, прежде всего, объясняется отсутствием исторических, территориальных и языковых контактов с арабами и персами.

7. Арабско-персидские словарные единицы (встречающиеся в чеченских народных сказках) при заимствовании чеченским языком претерпели значи-

тельные изменения в фонетическом, морфологическом и семантическом отношении. Так, например, ряд арабско – персидских слов в чеченском языке изменил свою семантику: арабское – *назмун* «стихотворение» – чеченское – *назма* «религиозное пение»; персидское – *рамэ* «стадо» – чеченское – *рема* «косяк лошадей».

В чеченских народных сказках, встречаются арабско-персидские заимствования, которые претерпевают ряд фонетических изменений:

8. Арабско-персидскому фрикативному звуку *ф* в чеченском языке постоянно соответствует губно-губная смычная глухая *п*, например: *пайда-файдатун* «польза, выгода», *пекъар-факъир* «бедняга».

9. Ряд гласных в чеченском языке произносится в анлауте с твердым приступом. Данному закону подчиняются слова, заимствованные из арабского и персидского языков, которые употребляются в чеченских народных сказках: чеченское *аллахI* < арабское – *аллахI* «аллах», чеченское *аз* < персидское «азиз».

10. Персидская гласная *аь* переднего ряда в чеченском языке переходит в *а*: чеченское *газа* < персидское *гъаьзал* «газель».

11. Арабскому дифтонгу *ав* в чеченском соответствует *ов* (*ау*): чеченское *мовлад* «празднование дня рождения Магомеда» < арабское *мавлийдун*; арабскому глухому фрикативному согласному *с* в чеченском языке соответствует звонкий *з*: чеченское *йилбаз* «дьявол» < арабское *иблисун*; арабские аффрикаты *дж, дз* переходят в чеченском в звонкие *з, ж*: чеченское *хъуьжар* «мусульманская арабская школа» < арабское *хъуджаратун* «комната».

12. Аланизмы и заимствования из русского языка в чеченских народных сказках встречается немного, например: *ворда* «телега» – осетинское *уардон/уардун* «подвода», *пайтон* «карета» – русское *фаэтон*.

13. В заимствованной русской лексике (в чеченских народных сказках) наблюдаются определенные расхождения, в основном фонетического характера, исходящие из специфики этих языков. Например: чеченское *кепек* «копейка» – русское *копейка*; чеченское *хIургон/хIурго* – русское *фургон*, чеченское *пайто* – русское *фаэтон*, чеченское *инарла* – русское *генерал*, чеченское *эпсар* – русское *офицер*.

14. Следует отметить, что в современном чеченском языке русских заимствований достаточно много и они встречаются во всех пластах и сферах чеченского языка. Малочисленность русских заимствований в сказках, возможно, объясняется древностью возникновения этого жанра устного народного творчества, когда межнациональные контакты между чеченцами и русскими были менее тесными.

Список литературы

1. Алироев И. Ю. Сравнительно-сопоставительный словарь отраслевой лексики чеченского и ингушского языков и диалектов – Махачкала: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1975. – 387 с.

- 2.Бутылов Н.В. Тюркские заимствования в мордовских языках. – Саранск, 1998.
- 3.Вагапов А.Д. Этимологический словарь чеченского языка. Тбилиси: «Меридиани», 2011. 734 с.
- 4.Джамалханов З.Д., Уциев А.Х. Туьйранаш, шира дийцарш, кицанаш, х1етал-металш. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2007. 768 с.
- 5.Джамбеков Ш.А. Нохчийн фольклор. – Грозный: Чеч-Инг. издат. «Книга», 1991. 592 с.
5. Марр Н.Я. Балкаро-сванское скрещение // Избранные работы. – Л., 1937. Т.4.
- 6.Сельмурзаева Х.Р. Кумыкские заимствования в чеченском языке. – Грозный: издательство ЧГУ, 2012. 132 с.

ЭМОТИВНОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЭТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Кажигалиева Гж.А.

ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы
Казахского государственного женского педагогического университета,
канд. филол. наук,
Казахстан, г. Алматы

В статье рассматриваются особенности репрезентации в поэтической метафоре национальной языковой картины мира, проводится сравнительный анализ эмотивного статуса метафор, общих для русской и казахской поэзии. Лингвокультурное своеобразие поэтических метафор определяется преимущественно стереотипностью и эмоциональностью национального мышления.

Ключевые слова: поэтическая метафора, языковая картина мира, эмоциональность национального мышления.

Поэтический текст представляет своеобразную творческую индивидуальную языковую картину миру и одновременно репрезентирует особенности национальной языковой картины мира. Поэт как представитель определенного языкового сообщества воплощает в художественной форме его мировоззренческие, духовно-нравственные ценности.

Одним из ярких и выразительных средств, отражающих национально-культурный характер поэзии и языка, является метафора. Это емкая образная языковая форма, важная и неотъемлемая часть поэтической картины мира. Она, как известно, образно идентифицирует две вещи, представляя собой эллиптическое сравнение.

«Метафора – скрытое сравнение. В отличие от простого сравнения, имеющего два члена, метафора располагает только вторым» [1, с. 167].

В современной когнитивистике метафору определяют как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Оценка, как и процесс концептуализации, на наш взгляд, тесно связана с эмоциональностью

мышления. Особенности той или иной языковой картины мира и специфика метафор во многом определяется национально-субъективным фактором: условиями проживания, климатом, образом жизни народа. Так, например, *полынь* в русской поэзии и в произведениях казахстанских поэтов, пишущих на русском языке, по мнению О.В. Макаровой, имеет разное символическое значение и полярную эмотивность. «...для русской культуры вкус и запах горькой полыни, скорее – культурологические символы горечи, беды, дороги, нежели реально ощущаемые, в отличие от оценки этого атрибута в поликультурном регионе, где происходит проекция действительно ощущаемого вкуса и его оценка, как правило, мелиоративная, как вкуса родной земли. И действительно, восприятие полыни в северо-казахстанской лирике непосредственное, что на уровне языка соответствует различного типа синестезическим метафорам, например, обонятельно-вкусовой...» [4].

Исследователи выделяют два типа метафор: языковую и художественную. Различия между ними определяются их лексическим статусом. Языковая метафора – самостоятельная лексическая единица, достаточно свободно вступающая в семантические связи, художественная метафора не имеет такой лексической самостоятельности, она всегда связана с контекстом [6, с. 35].

Художественные метафоры – результат сознательных и целенаправленных эстетических поисков писателя [5], ей свойственны окказиональность и уникальность.

Н.Д. Арутюнова отмечает следующие характерные черты художественной метафоры: 1) слияние в ней образа и смысла; 2) контраст с тривиальной таксономией объектов; 3) категориальный сдвиг; 4) актуализация «случайных связей»; 5) несводимость к буквальной перифразе; 6) синтетичность, диффузность значения; 7) допущение разных интерпретаций; 8) отсутствие или необязательность мотивации; 9) апелляция к воображению, а не к знанию; 10) выбор кратчайшего пути к сущности объекта [2, с. 20].

Несмотря на окказиональный характер, индивидуально-авторская метафора, процесс ее порождения так или иначе связан с особенностями национального мировосприятия, в котором явления получают эмоциональную коннотацию: мелиоративную или пейоративную. По мнению О.И. Глазуновой, на выбор области-источника, «влияют ассоциативная аксиологическая направленность образа, его положительный или отрицательный статус в сознании носителей языка, а также функционально-прагматические характеристики» [3, с. 137].

Наиболее эмоциональна и своеобразна поэтическая метафора. Суть данной метафоры часто видят в сближении очень далеких классов объектов, например: *Русь – поцелуй на морозе* (В. Хлебников); *Любовь – пьянящее вино* (Пушкин); *Плывет в глазах холодный вечер* (И. Бродский).

Метафора *любовь – пьянящее вино* характерна не только для русской, но и для восточной поэзии, но тем не менее в ней, по нашему мнению, больше проявляется восточный характер.

Казахская поэзия, находящаяся под влиянием и русской, и восточной поэзии, редко прибегает к данной метафоре, что объясняется ценностями кочевого образа жизни: вино не являлось традиционным казахским напитком.

Метафорический статус, общий для русской и казахской поэзии, имеет лексема *луна*. Луна воплощает красоту, тайну, тоску, грусть и имеет положительную эмотивность:

1) **Луна богата силою внушенья,**

Вокруг нее всегда витает тайна... (К. Бальмонт)

2) *Но нас маня надеждой незабвенной,*

Сама она уснула в бледной дали,

Красавица тоски беспеременной,

Верховная владычица печали! (К. Бальмонт)

3) *Я вечером с трубкой сидел у окна;*

Печально глядела в окошко луна. (А. Дельвиг)

4) *Белый лоб – серебро, чей тонок чекан,*

Он глазами лучистыми осиян.

Тонко вычерчен двух бровей полукруг.

Облик юной луны красавице дан. (Абай)

Кроме указанного выше значения, луна в казахской поэзии представляет собой метафору чистоты:

Серебристая луна –

Очень чистая она!

С лужами

Не знается,

В озере купается... (М. Алимбаев)

В стихотворении для детей М. Алимбаева отражается стереотипное отношение казахского народа к луне: светлая, ясная, чистая, серебристая (серебро традиционно считается «чистым, очищающим, благородным» металлом). Луна (ай) даже является составной частью казахских имен, не только женских, но и мужских, что свидетельствует о положительном эмоционале метафоры, восприятию данного небесного явления как символа духовной чистоты. Так, элемент ай (луна) содержат следующие казахские мужские имена: Айжарык – в переводе с казахского *ай* + *жарик* – светлый, ясный. Имя означает – светлый, как луна; Айтас – в переводе с казахского *ай* – луна + *тас* – камень. Имя означает – красивый, яркий, как луна, и крепкий, вечный, как камень; Айтуар – в переводе с казахского означает *ай* — луна + *туар* восход. Имя означает – счастливый, жизнерадостный, долгоживущий.

Луна в казахской поэзии также сближается с солнцем:

Казактан шыккан билгендер,
Халкынды орге суйрендер,
Казакка да туды **ай мен кун**,
Жарык мунда, жур дендер. (М. Жумабаев).

Ай мен кун (луна и солнце) в данном поэтическом контексте означают высоту, величие и имеют высокую оценочность и эмотивность.

Различия в поэтической метафоризации обнаруживаются также на уровне фитоморфных метафор, ассоциируемых в русской и казахской поэзии с родиной. Центральными в русской поэзии являются береза и поле.

Фитоморфная метафора береза, в частности, символизирует:

- родину, Россию, русскую душу:

*Наряд её легкий чудесен,
Нет дерева сердцу милей,
И столько задумчивых песен
Поётся в народе о ней!
Он делит с ней радость и слёзы,
И так уж она хороша, что кажется – в шуме берёзы
Есть **русская наша** душа. (Вс. Рождественский)*

- печаль, грусть:

*Троицыно утро, утренний канон,
В роще по **берёзкам** белый перезвон. (С. Есенин)*

Поле – символ деревенской России, метафора красоты родины, ее трудолюбия, традиций, духовности. В русской поэзии поле имеет высокий положительный эмоционал:

*Гляну в **поле**, гляну в небо -*

И в полях и в небе рай.

*Снова тонет в копнах хлеба
Незапаханный мой край. (С. Есенин)*

Тожественный полю метафорический статус в казахской поэтической и языковой картине мира имеет слово *степь* (дала). Степь – это родина, родная природа, ее красота, безграничные просторы, свобода, щедрость и доброта; степь – это суровая природа, суровая жизнь, дающая силы для жизни и борьбы:

*На росистом холме на зеленом
Пел я песню под рокот домбры.*

*... Были **степи светлы и щедры.** (С. Сейфуллин)*

Образ степи связан с другой фитоморфной метафорой – полынь. В казахской поэзии находит отражение фрагмент традиционного казахского мировоззрения: полынь – образ степи, степных просторов, родины:

***Я – вскормленный полынью соловей;**
Сравненья со звездой и водою –
Вот весь запас. Но знай, того я стою,*

*Чтоб, с молнией сравнявшись простою,
Земли моей прославить сыновей.* (Ф. Онгарсынова)

Выявленное лингвокультурное своеобразие метафор в рассмотренных поэтических фрагментах позволяет говорить о связи поэтических метафор с языковым сознанием нации.

Поэтические метафоры, таким образом, содержат важную культурологическую информацию, отражающую стереотипность и эмоциональность национального мышления и языковой картины мира.

Список литературы

1. Абрамович, Г.А. Введение в литературоведение [Текст] / Г.А. Абрамович. – М., 1965.
2. Арутюнова, Н.Д. Метафора [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 2000.
3. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
4. Макарова, О.В. Этноокрашенный образ «полынь» в творчестве североказахстанских поэтов [Электронный ресурс] / О.В. Макарова. – Режим доступа: <http://conf.omui.ru/>
5. Сахарова, Е.А. Метафора как средство словесно-художественной креативности писателя (на материале художественной прозы Д. Рубиной) [Текст] / Е.А. Сахарова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы межд. науч. конф. – Чита, 2011. – С. 123-125.
6. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г.Н. Складаревская. – Санкт-Петербург, 1993. – 152 с.

АУДИТОРИЯ КАК ОСНОВНОЙ ТИПОФОРМИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА

Каранетова И.Н.

преподаватель кафедры европейских языков
Института международных отношений ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»,
Россия, г. Пятигорск

Аудитория является одним из типоформирующих признаков издания, но в контексте исследования, посвященного женскому журналу, данный вопрос – именно в силу специфики аудитории – необходимо изучить более детально. При этом важно представлять особенности женской аудитории как таковой и аудитории, представляющей данную нацию и данный регион.

Ключевые слова: издание, таргетированность, аудитория, социально-культурная среда.

В изданиях для женщин наблюдается широчайший тематический спектр, что, правда, вступает в противоречие с принципом таргетированности. Если, например, условно разделить издания на массовые и узкоспециализированные (по И. Реснянской, на издания «для всех и обо всем» и на издания «(не) для всех

и не обо всем)), то увидим, что в изданиях массовых (или приближенных к ним) на первый план выходит усредненный «силуэт» женщины (ориентированность на женщин 20-40 лет мегаполиса со средним доходом) [4, с. 6].

Белорусская исследовательница Н. Кулинка считает неверным определять пол аудитории в качестве основного типологического фактора, указывая на то, что «периодическое издание фиксирует в знаках не биологические особенности аудитории, а историко-социально-культурные» [3, с.8]. Без сомнения историко-социально-культурные моменты крайне важны, но они неразрывно связаны с гендерным фактором и конкретизируются именно в связи с ним.

Согласно данным влиятельной организации «America's Mediamarketing», занимающейся размещением рекламы более чем в 100 национальных журналах, десятку наиболее популярных женских составляют «Cosmopolitan», «Glamour», «Vogue», «InStyle», «Allure», «Elle», «Self», «Marie Claire», «Lucky». Аудитория «Cosmopolitan» такова: 18-34 лет – 57,8 % женщин (18-24 лет – 32,1 % 25-34 лет – 25,7 %) от общей аудитории; 35-49 лет – 26,3% женщин, остальная часть аудитории – женщины среднего возраста. В отношении доходов читательницы относятся к категории средний – средний+. При этом, примерно 46,2 % из них замужем, примерно столько же – разведены. В отношении наличия детей – приблизительно такое же деление личности [10]. Похожие характеристики демонстрируют и другие издания.

Все это говорит о том, что определить обобщенный портрет читательницы конкретно взятого издания сложно: стараюсь вобрать в себя максимальное число рубрик и тем, женские журналы потенциально могут быть интересны самым различным аудиторным группам.

Таким образом, видна дихотомия: с одной стороны, многие издания всем своим обликом подчеркивают, что они ориентированы на определенную аудиторию – молодых, целеустремленных женщин с хорошим образованием и карьерными перспективами. При этом с другой стороны, параметры эти часто выходят на второй план. На первом же плане остается просто женщина, которая «близка к идеалу» во всех сферах ее жизни – начиная личными, семейными отношениями и заканчивая карьерными возможностями. Однако женский идеал постоянно меняется, варьируется, его поиск происходит в том числе и на страницах издания, где подбираются публикации, не просто интересные различным категориям читателей, но побуждающие женщину подстроиться под конкретный образ, на который будут работать и графическая составляющая, и реклама, и текст. Так с точки зрения издателей журналов, называемых «глянцевыми», их аудитории необходимо показывать все краски жизни и преимущественно в позитивном ракурсе – в противовес тому негативному потоку информации, который поставляют нам деловые и новостные издания. То есть главная задача – вызвать ожидаемые общечеловеческие (точнее – «общеженские») эмоции, и потому социальные и возрастные характеристики аудитории здесь все же вторичны. Думается, началом, объединяющим различные вкусы и запросы разрознен-

ной, на первый взгляд, читательской аудитории, в женских журналах становятся рекламные образы. А поскольку женская журнальная периодика изобилует всевозможными «пробниками» и «блоттерами» косметической и иной продукции (опять – ориентация на ожидаемые эмоции), это зачастую становится определяющим фактором в вопросе покупки издания. При этом рекламные материалы, по определению, не содержащие негатива, усиливают общий позитивный настрой таких изданий – и чаще всего с точки зрения визуальной составляющей. Все это ориентировано на то, чтобы эмоционально «разбудить» аудиторию. И не просто «разбудить» – «побудить» женщину к действиям. С этой точки зрения, покупка издания – действие первичное. Вторичное действие – осознание необходимости перемен – в отношении себя, своего окружения, карьеры и т.д. Как верно отмечает В. Буряковская, «при анализе содержательной стороны «глянцевых» журналов можно безошибочно выявить образ, к которому должна стремиться, по мнению авторов статей, современная женщина» личности [1, с. 171]. Однако очевидно, что избираемые тематика и проблематика издания связаны не только с полом, но также и с возрастом предполагаемой аудитории.

Рекламные образы формируют гендерные стереотипы. Так, С. Иванова и А. Гумерова, проанализировав британские и французские глянцевые журналы, выделяют несколько «типичных аспектов представления женщины» личности [2, с. 150]. Это образы городской кокетки, деловой женщины, домохозяйки, суперженщины и т.д. личности [2, с. 150].

L. Pelletie также, проведя контент-анализ американских версий журналов «Cosmopolitan», «Glamour», «Ladies' Home Journal», «Real Simple», а также «Woman's Day» за октябрь 2008 г., пришла к выводу: львиная доля рекламных образов представляют стереотипы: женщина как объект вождления мужчин и зависти женщин личности [7].

Анализу перемен в женских журналах посвящена работа британской исследовательницы А. Gough-Yates, которая говорит о том, что издания для женщин за последние два десятилетия начали выстраивать образ «новой женщины» личности [6, с. 12]. Женские образы на страницах женских изданий, с одной стороны, продиктованы запросами аудитории; с другой стороны, эти образы стремятся подстроить аудиторию под себя – причем, отличительная особенность состоит в том, что делается это весьма ненавязчиво, посредством подтекста. На наш взгляд, это можно воспринять как прямое свидетельство того, что современная журнальная периодика претерпевает перемены. Однако социумы в различных странах отличаются. В этой связи немаловажным становится и историческое развитие отдельно взятого государства, где функционирует женская пресса, а также уровень культуры, традиции и другие аспекты. Поскольку в наше исследование фокусируется на массмедиа США, необходимо понять, на какую потенциальную аудиторию ориентируются женские издания.

Согласно официальным данным, в США проживает свыше 310 миллионов человек; при этом женское население – около 160 миллионов человек; женское население от 15 до 64 лет оставляет почти 66 % от женского населения личности [9]. Эта страна с очень высоким уровнем урбанизации (82 % жителей страны – городское население личности). Это полиэтничное государство притягательно для мигрантов (прежде всего, из стран Латинской Америки) [9].

Учитывая запросы читателей, американские СМИ демонстрируют новые тенденции. Например, для отражения жизни мусульманок в Северной Америке на территории США издается журнал «Muslim Girl». Существуют специализированные издания для темнокожих (например, «Today's Black Woman». Исследуя аудиторный фактор, можно выделить различные актуальные социально-культурные проблемы. Например, согласно официальным данным Белого дома, современная женщина наравне с мужчиной старается отложить свадьбу на более поздний срок. При этом количество замужних женщин, по сравнению с другими периодами времени, сократилось. Женщины имеют меньше детей, нежели раньше; более того, увеличилось число дам, которые совсем не хотят заводить ребенка. Высшее образование получает больше женщин, нежели мужчин. Активизировалась женская волонтерская работа. Если говорить о карьере, женская половина населения показывает тенденцию к получению работы с частичной, нежели чем с полной занятостью личности [10].

Вышеперечисленные факты и тенденции позволяют точно представлять насущные аудиторные запросы (так, женские издания неслучайно все больше материалов посвящают карьере или теме свободных отношений). Но поскольку предложение также формирует спрос, женская периодика должна откликаться и на скрытые запросы, сама формировать новые предпочтения, породить новые ожидания.

Список литературы

1. Буряковская В.А. Глянцевый журнал как феномен массовой культуры: речевое и прагматическое представление / В.А. Буряковская // Политическая лингвистика. 2012. – № 1. – С. 169 – 172.
2. Иванова С.В., Гумерова А.А. Образ женщины в глянце (на материале текстов российской, британской и французской рекламы) / С.В. Иванова, А.А. Гумерова // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. Т.7. №2. – С. 149 – 159.
3. Кулинка Н.А. Женская печать как тип изданий и социокультурный контекст / Автореферат на соискание канд. филол. наук: 10.01.10 / Кулинка Наталья Анатольевна. Минск, 2001. – 20 с.
4. Реснянская Л.Л. Общероссийские газетные издания / Л.Л.Реснянская // Вестник МГУ. Сер.10. Журналистика. 2000. – № 4. – С. 3-14.
5. Cosmopolitan Media Kit [Электронный ресурс]. America's MediaMarketing, Inc. URL: http://www.americasmedia.com/mediakits/COSMOPOLITAN_MEDIKIT.pdf (Дата обращения: 04.04.2014.)

6. Gough-Yates A. Understanding women's magazines: Publishing, markets and readerships. L.; N.Y.: Routledge, 2003. – 190 p.
7. Pelletie L. Selling Gender Identity: Gender Role Portrayals in Contemporary Magazine Advertisements [Электронный ресурс] / L.Pelletie // Journal of Undergraduate Research at Minnesota State University, Mankato. 2009. Vol.9. URL: <http://www.mnsu.edu/urc/journal/2009/pelletiergender.pdf> (Дата обращения: 14.12.2013.)
8. По данным The US Census Bureau [Электронный ресурс]. – URL: <http://census.gov> (Дата обращения: 18.01.2014.)
9. По данным WorldStat.Info [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.worldstat.info> (Дата обращения: 18.12.2013.)
10. Women in America: indicators of social and economic well-being [Электронный ресурс]. White House. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/Women_in_America.pdf (Дата обращения: 03.03.2014.)

КАРНАВАЛИЗАЦИЯ В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕМОТИВАТОРОВ

Касьянова Ю.А.

аспирант Курского государственного университета,
Россия, г. Курск

В статье рассматривается понятие «социальный демотиватор» как особый вид текстов-примитивов. Автор приводит результаты ассоциативного эксперимента с использованием английских, русских и чешских социальных демотиваторов.

Ключевые слова: демотиватор, текст-примитив, Интернет, социальный демотиватор.

Исследования языка Интернета являются одним из актуальных направлений в области языкознания. Пользователи Интернета создают и редактируют различные виды текстов, которые представляют собой сложные знаковые единицы. Вербальный и невербальный компонент сложных знаковых единиц оказывают воздействие на индивида. К сложным знаковым единицам относится демотиватор или демотивационный постер, под которым мы вслед за А.С. Голиковым понимаем «сообщение (картинка, фото и т.п.), сопровождающееся комментарием (подписью), который интерпретирует данное сообщение особым образом» [1, с.125].

В исследуемых текстах по сравнению с литературными текстами, не подвергшимися влиянию Интернета, прослеживается характерная тенденция «к упрощению средств выражения на фоне повышения прагматической сложности» [3, с.102]. Выше упомянутая закономерность позволяет нам отнести демотиваторы к текстам-примитивам, которые мы вслед за Л.В. Сахарным определяем как «текстовые структуры небольших размеров с полным (или почти полным) отсутствием привычных для нормы специальных средств связности» [2].

В нашем исследовании мы считаем возможным выделить социальные демотиваторы, которые мы определяем как демотивационные постеры значимые для всех слоев общества и оказывающие воздействие на ценностные и нравственные ориентиры социума. Материалом для исследования послужили демотивационные постеры на английском, русском и чешском языках. Демотиваторы, которые мы использовали, содержательно представляли собой:

1. Изображение девушки, которой в лицо вылили бокал пива, и слоган: “Pivko?” (перевод: «Пиво?»).

2. Изображение бокала алкогольного напитка и слоган: “ALCOHOL It’s a sure sign that you’re grown up when you need chemical assistance to talk with people”.

3. Изображение сказочной феи на бокале и слоган: «Алкоголь яд который подают с вишенкой».

Цель нашего исследования – показать, на какие знания опираются реципиенты из разных стран при просмотре социальных демотиваторов. Кроме того, нас интересовала значимость вербального компонента (слогана) демотиватора для реципиентов. Участниками эксперимента (далее-ии.) стали преподаватели и сотрудники Caledonian School (г. Прага, Чехия), а также сотрудники Курской государственной сельскохозяйственной академии. В качестве метода исследования был выбран ассоциативный эксперимент. В начале эксперимента ии. предьявлялось изображение демотиватора, затем ии. необходимо было посмотреть на картинку и написать первое, что приходит в голову. При возникновении сложностей во время выполнения задания разрешалось отложить картинку и перейти к следующему изображению.

Перейдем к анализу ответов ии. Вербальный компонент демотиватора “Pivko?” ассоциируется у реципиентов из Чехии и России с алкоголем и его негативным влиянием на организм человека («похмелье» (1), “high school parties – in 18 age drinking alcohol”(1)). Две группы ии. отмечают особенности поведения девушки («вульгарность» (1), «девушку обливают водой» (1), “I don’t understand her” (1)). Однако образ пивного напитка не является негативным для иностранных ии., поэтому они указывают, что пиво и внешний вид девушки больше подходят для вечеринки. (“party, summer” (1), “fun”(1)). Унижение по отношению к девушке указали две группы участников эксперимента (“exploitation of women” (1), «унижение» (2)).

Демотиватор “ALCOHOL It’s a sure sign that you’re grown up when you need chemical assistance to talk with people” вызывает схожие реакции у ии. из Чехии и России. В основе ответов ии. образ алкогольного коктейля («Мартини с долькой лимона»(1), «мартини со льдом» (1), «мартини» (1)), который ассоциируется с одним из способов провести свободное время (“let’s get drink it’s Friday ”(1), “ party ” (1), “ party with friend or holiday ” (1),«Пятница»(1), «отдых, кафе» (1), «дискотека» (1)). Русские ии. не реагируют на вербальный компонент, который отметили иностранцы. Иностранные ии. отмечают, что

алкоголь помогает человеку раскрепоститься и познакомиться (*"Friday night in bar lot of people are shy and alcohol help them to make a new relationship"* (1)). Некоторые ии. не видят смысла в употреблении спиртных напитков для того, чтобы с кем-то пообщаться (*"why drink alcohol when we want talk with people?"* (1)). Русские ии. выражают свое негативное отношение к алкоголю («яд» (1)).

Демотиватор «Алкоголь яд который подают с вишенкой» ассоциируется в сознании иностранных ии. с рекламой спиртного, которое они бы хотели попробовать (*"Some promotion of alcohol is very nice and people need to taste it"* (1), *"alcohol is not that bad"* (1), *"advertisement"* (1), *"advertising"* (1)). Изображение девушки связано с образом танцовщицы или феи (*"invisible dancer"* (1), «зеленая фея» (1)). Русские ии. опираются на вербальную составляющую и отмечают вред и последствия чрезмерного употребления спиртных напитков («коварное зелье» (1), «скрытая угроза» (1), «зеленый змей» (1)).

Таким образом, в исследуемых текстах различия ответов ии. обусловлены особенностями культуры России и Чехии. Жители Чехии связывают с пивом один из способов провести время с друзьями в то время, как русские участники эксперимента указывают на вред алкогольного напитка. Отсутствие комментариев о слоганах демотиваторов свидетельствует о возможных трудностях перевода или о том, что невербальный компонент сильнее выражен, чем вербальная составляющая.

Итак, мы рассмотрели социальные демотиваторы на тему «борьба с алкоголизмом» и сделали выводы, что, несмотря на схожую тематику ответов ии., культурная среда и социальное окружение влияют на восприятие демотивационных постеров и обуславливают различия в ассоциациях ии.; вербальный компонент на родном языке имеет большее значение для ии. при выполнении задания, чем изображение демотиватора. Необходимо дальнейшее исследование для выявления особенностей социальных демотиваторов как одного из видов текстов-примитивов.

Список литературы

1. Голиков А.С., Калашникова А.А. Демотиваторы в Интернет – коммуникации генезис, смысл. Типология.//Вестник Харьковского государственного университета. – 2010. – Вып. 16. – С.124-130.
2. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. [Электронный ресурс] / Л.В. Сахарный . – Режим доступа: <http://psycholinguistik.narod.ru/index/0-82>.
3. Тулинцева Е.А. Функционирование языковых девиаций в современном немецком языке (на материале текстов-примитивов в Интернете)// Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – №11. – С. 102-107.

ОБРАЗ СВЯТОЙ ЦАРИЦЫ ЕЛЕНЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ АНГЛОСАКСОВ

Клёмина Е.Н.

доцент кафедры иностранных языков
Ивановской государственной медицинской академии,
канд. филол. наук,
Россия, г. Иваново

Статья посвящена образу святой царицы Елены в англосаксонской поэзии. В поэме «Елена» англосаксонского поэта Кюневульфа святая Елена выступает как некий обобщенный образ, созданный из множества связанных между собой ролей, которые королевы принимают на себя в нескольких дискурсных аренах: библейских писаниях, комментариях на латинском языке, литературе на родном языке и исторических сочинениях.

Ключевые слова: англосаксонская поэзия, Кюневульф, обретение Святого Креста, поэтическое житие, королевская власть.

Святая царица Елена, мать римского императора Константина Великого, была прославлена Святой Церковью в лике равноапостольной за ее многочисленные труды в распространении и утверждении христианской веры в конце III – начале IV веков. Обретение святой Еленой Креста Господня в Иерусалиме и его воздвижение в 326 году стали одними из самых значимых событий в истории вселенской Церкви. О деяниях святой царицы Елены повествуется в позднеримской церковной историографии, в средневековых латинских житиях.

Для Григория Великого, как и для многих позднеантичных и раннесредневековых писателей, роль Елены заключалась в том, чтобы развивать религиозную жизнь в стране, используя свою политическую власть как мать императора Константина. Кроме того, Елена была первой женщиной-царицей в Западной Европе, которая помогала императору утвердить христианство как главенствующую религию государства, и именно она была тесно связана с возникновением единства между Церковью и государством, того единства, которое святитель Григорий так усердно стремился установить в Англии [7, 47].

В англо-саксонской Англии святая царица Елена была весьма известна. Ее память праздновалась два раза в году – на ежегодном праздновании Обретения Креста Господня и его Воздвижения, о царице с восхищением вспоминали на общественных церковных посвящениях, в житиях святых, различных сказаниях об обретении Креста Господня, письмах, истории церкви, проповедях, литаниях святых, о ней неоднократно упоминали в древнеанглийских календарях, ее изображали на монетах. Но, как и большинство известных лиц, Елена была окружена множеством легенд, которые способствовали созданию такого образа христианской царицы, который мог бы отвечать потребностям конкретной культуры. Каждый пересказ предания об обретении Креста Господня, таким

образом, наделял образ Елены различными смыслами. Своеобразная интерпретация образа святой Елены и связанных с ней исторических событий представлена в древнеанглийской поэме «Елена» [3].

Древнеанглийская аллитерационная поэма «Елена» (конец VIII – первая половина IX в.) возникла в конце периода, проходившего под знаком расцвета духовной монастырской культуры в Англии. Поэма сохранилась в Верчелльской рукописи (the Vercelli Book), созданной, как полагают, в конце X века в Уэссексе [12, 123]. В отличие от многих других анонимных поэтических памятников на древнеанглийском языке, «Елена» имеет автора – Кюневульф, который вплепел свое имя рунами в конец текста. Кюневульфу принадлежат еще три поэмы – «Юлиана», «Судьбы апостолов» и вторая часть поэмы «Христос». По всей вероятности, поэма была написана автором под воздействием церковного праздника Обретения Креста Господня, который стал отмечаться в Англии с конца VIII столетия [8, 259]. Сюжет поэмы объединяет два предания – обретение Креста Господня в Иерусалиме святой Еленой и обращение в христианскую веру Иуды, впоследствии св. Кириака, епископа Иерусалимского, что позволяет считать одним из ее источников римское житие «Деяния св. Кириака». Сам этот вариант до нас не дошел, а наиболее близким к нему считается латинская рукопись из Сен-Галленского монастыря [6, 114].

Поэма «Елена», объемом 1321 строк, поделена на 15 глав и имеет стройную композицию, обрамленную характерным для англосаксонского эпоса зачином и эпилогом. Поэма начинается с описания победы в битве римского императора Константина с помощью Креста Господня, явившегося ему накануне в небесном видении. Большую часть поэмы занимает рассказ о поисках и обретении св. Креста Еленой в Иерусалиме, куда она отправляется по поручению своего сына Константина. При этом само обретение Креста предваряет спор Елены с противящимися истине иудеями и Иудой, который, вскоре раскаявшись в своем неверии, помогает ей найти Крест на Голгофе и впоследствии становится епископом. Сюжет заканчивается возвращением Елены в Рим после того, как она построила на месте обретения Креста храм и учредила праздник Обретения св. Креста. Эпилог содержит размышления автора о бренности мира сего и о Страшном Суде.

Поэму «Елена» можно охарактеризовать как поэтическое житие, в котором внимание сосредоточено на духовном конфликте, построенном на контрасте света и тьмы, мудрости и глупости, внутренних озарениях, откровениях и чудесах. Это произведение определяют как буквально-аллегорическую поэму о спасении, в которой герои и события одновременно и исторические, и типические [5, 7]. Хотя в центре поэмы события и герои христианской истории, она соответствует по языку, стилю и образности устной героико-эпической аллитерационной поэзии. То, что это житие святой, а не святого было новым для древнеанглийской литературы, воспитанной в героико-эпических традициях [1,

127-128]. В связи с этим особый интерес вызывает у исследователей главная героиня поэмы – царица Елена.

В первых работах, посвященных трактовке образа Елены, героиня была представлена исключительно в русле либо германской героико-эпической традиции в противопоставлении латинскому источнику, либо латинской типологии. В первом направлении героиня Кюневульфа рассматривалась как сродни древнескандинавским валькириям (*valkyrie*), древнескандинавским подстрекательницам, аристократическим германским женщинам (*ides*), воинам Христовым (*miles Christi*) и древнеанглийским пряхам мира (*freoduwebbe*). Во втором подходе Елена превращалась в феминизированную добродетель, библейскую фигуру, воинствующую Матерь Церковь (*mater ecclesia*), ведущую борьбу с синагогой, подобно борьбе Нового Завета с Ветхим.

Современные исследователи отходят от какой-либо однобокой интерпретации и рассматривают образ Елены Кюневульфа в более широком ракурсе – как сложное явление, сложившееся на пересечении древнегерманской и латинской текстовых традиций, которое свидетельствует о глубоком проникновении автора в англо-саксонскую социальную, духовную и политическую систему. Наиболее интересным исследованием этого направления, на наш взгляд, является работа Стэси Клайн «Толкование сана царицы в *Елене* Кюневульфа» [7], в которой она предпринимает попытку раскрыть образ Елены, сравнивая поэму Кюневульфа с наиболее близким латинским текстом *Inventio Sanctae Crucis* и обращаясь к понятию сана царицы той эпохи. Далее, опираясь на работу С. Клайн, попытаемся выявить в образе Елены черты, которые являются следствием англо-саксонского культурного мироощущения.

Как царица, Елена имеет очевидное типологическое значение как образ Святой Церкви и явное идеологическое значение как представительница королевских женщин, которые занимали важное место в англо-саксонской литературе и культуре. Совсем не удивительно, что типологическое толкование Елены как образа Святой Церкви оказалось настолько мощным. Сам Кюневульф предполагает символическую интерпретацию всей поэмы. Как мать императора Константина, Елена является ярким сложным образом, ее сильные связи с материнством легко вызывают ассоциации с образом Церкви, который был широко распространен в святоотеческих и раннесредневековых писаниях благодаря метафоре «Матери Церкви» – метафоре, основанной на вере в то, что человек возрождается в Церкви через таинство крещения. Вот как эта идея о Церкви-матери выражена в проповеди Вульфстана о христианской жизни: “Мы все имеем Небесного Отца и духовную мать, которую называем *Ecclesia*, то есть, церковь Божия” (*Ealle we habbad ænne heofonlicne fæder 7 ane gastlice modor, seo is ecclesia genamod, pæt is Godes cyrice*) [7, 48].

Хотя Кюневульф никогда прямо не говорит о царице Елене как образе Матери Церкви, тем не менее, он призывает читателей интерпретировать материнство Елены символически, характеризуя его в ходе построения поэмы через

все более абстрактные формы материнства. Как некоторые критики отмечают, Елена сначала появляется в поэме как биологическая мать Константина, затем берет на себя роль духовного матери Иуды в его обращении, а в конце поэмы как мать-муза самого поэта Кюневульфа [9, 9]. Преобразование Елены от буквальной до символической роли матери является примером средневековой практики толкования, который выступает на первый план при интерпретации поэмы «Елена»: принятие христианства предписывает необходимое движение от буквального до более символического уровня понятий. Как показал Эрих Ауэрбах, средневековая образная интерпретация не работает без буквальной, исторической реальности, но сохраняя историчность событий и людей, вскрывает их более глубокий смысл [2, 40-41].

Кроме того, толкование Елены на различных уровнях является признанием того, что она не похожа на королеву англо-саксонского дискурса, но выступает неким обобщенным образом, созданным из множества связанных между собой ролей, которые королевы принимают на себя в нескольких дискурсных аренах: библейских писаниях, комментариях на латинском языке, литературе на родном языке и исторических сочинениях. В поэме «Елена» эти роли усиливаются, дополняются, а иногда и конфликтуют друг с другом.

Ввиду размытости самого понятия «царицы» в англо-саксонской Англии, С.Клайн предлагает прочтение «Елены» не как исторической поэмы, а в свете немногих ссылок на общую роль царицы и более многочисленных ссылок на роль отдельных королевских женщин. Трудность заключается в том, что англо-саксонская Англия не оставила никаких трактатов по понятию сана королевы, никаких исторических документов о назначении королевы на государственную должность со всеми вытекающими правами и обязанностями. Обращение к королевам, возможно, было актуальным для писателей раннего средневековья именно потому, что сан царицы лишь зарождался и не имел жестких институциональных определений, поэтому писатели, в их числе и поэт Кюневульф, предприняли попытку сформировать его в своем художественном творчестве.

Кюневульф без сомнения знал, что символических значений, приписываемых Елене другими участниками англо-саксонской культуры, было много. Но ему было важно не только познакомить англо-саксонскую аудиторию со святой царицей раннехристианского Рима, но главное – создать более доступный образец царицы, которую легко можно было бы узнавать с точки зрения литературной, типологической и исторической ролей, доступных для королевы в англо-саксонском дискурсе.

Для того чтобы реализовать поставленную задачу, автору предстояло преодолеть определенную трудность в отношении реального социального статуса Елены, который был не безызвестным фактом для англо-саксонских писателей и их читателей. Согласно данным позднеантичных языческих и христианских историков, Елена родилась в семье весьма низкого класса. Поскольку римские законы запрещали мужчинам высокого сословия жениться на девуш-

ках низшего социального статуса, то по всей вероятности, Констанций Хлор, отец Константина, официально никогда не был женат на Елене, которая была его наложницей на протяжении лет девятнадцати (270-289 гг.). В то время сожителство было весьма распространенным явлением среди римских императоров [4, 18-19].

Для Конювульфа исторический статус Елены как наложницы потенциально создавал проблемы в том, что он непосредственно противоречил ее типологическому статусу. Действительно, женщина-наложница была довольно неудачным выбором для символа Святой Церкви, так как в раннесредневековых произведениях наложница обычно использовалась как символ синагоги, тогда как юридически законная жена символизировала Святую Церковь. Таким образом, если исторический статус Елены как матери первого христианского императора особенно подходил в качестве аллегорического образа Святой Церкви, то ее исторический статус наложницы делал ее далеко не столь идеальной для выполнения этой символической роли.

Имея в виду данные социальные и символические трудности, связанные с историческим статусом Елены как наложницы, Кюневульф, возможно, испытывал некоторое затруднение в том, как представить ее своим читателям в качестве образца царицы или образа Святой Церкви. Одним из способов преодоления этих трудностей было поднять социальный статус Елены, как делали и другие авторы, когда писали о Константине и Елене. Например, в X веке переводчики «Церковной истории» Беды Достопочтенного передавали наименование Елены *concupina* («наложница») древнеанглийским словом *wif*, которое обычно использовалось в англо-саксонской Англии для обозначения законной жены, таким образом, превращая Константина из внебрачного сына императора в его законного сына и законного наследника [7, 67]. То же самое делает и Кюневульф: он тщательно создает образ Елены как благородной царицы, окруженной всеми лингвистическими, материальными и социальными атрибутами королевской власти, которые англо-саксонским читателям нужно связывать не с низким происхождением и наложницей, но с законно признанной вдовой умершего правителя и уважаемой матерью законного царя. Подобным образом Кюневульф повышает социальный статус и Константина, называя его в самом начале поэмы *riht cyning* (13) «правый конунг». Да. *riht* – «верный», «правильный», «правый», «справедливый», «истинный».

Примечательно то, что в своей поэме Кюневульф редко называет Елену по имени, напротив, он заменяет ее собственное имя более общими терминами, чаще всего *swen* («королева», «царица») и иногда *hlæfdige* («госпожа»). Он также нередко украшает эти термины эпитетами, обращаясь к Елене как *sigeswen* (260a, 997a) «победоносная королева», *gudswen* (254a, 331a) «воинственная царица», *ƿeodswen* («царица людей» – 1155b), *ædele swen* (275b, 662a) «благородная царица», *tireadig swen* (605a) «славная царица», *cristenra swen* (1068a) «царица христиан», *swen selest[e]* (1169a) «лучшая царица», *arwyrde*

swen (1128b-29a) «досточтимая царица» и *gise swen* (411b) «могущественная царица». Эти разнообразие эпитеты для обозначения царицы, возможно, были связаны с формальными требованиями аллитерационной краткой строки и с эпической вариацией древнеанглийского стиха. Тем не менее, предпочтение Кюневульфа называть свою героиню общими терминами *swen* или *hlæfdige*, а не по имени, также предполагает определенную трансформацию Елены в некий обобщенный образ царицы как образец королевской женщины, которую англосаксонские читатели могли воспринимать не просто как царицу далекого прошлого Римской Империи, но как реальный образ, который можно найти в своем древнегерманском мире.

Следует отметить, что слово *swen*, которое было ближайшим древнеанглийским эквивалентом латинского термина *regina*, по-видимому, более подходило для обозначения официального статуса царицы и ее власти, чем более общий термин *hlæfdige*, который обычно использовался для наименования хозяйки дома, содержащей слуг. Однако, хотя наличие посвящения в королевский сан, возможно, было отличительной чертой между двумя названиями, но это различие между *swen* и *hlæfdige* часто игнорировалось – посвященные и непосвященные англо-саксонские королевы назывались посредством слова *swen*, и только в конце десятого века наименование *swen* используется, чтобы подчеркнуть официальный статус королевы [11, 57-59].

Поскольку неизвестно точно, имели термины *swen* и *hlæfdige* для Кюневульфа такое значение или нет, однако поэт действительно мог использовать эти слова, чтобы не только обратить внимание читателей на социальный статус Елены, но и повысить его. Об этом свидетельствуют различные прилагательные, которые передают ее светское благородство и величие. Согласно С. Клайн, этим древнеанглийская поэма отличается от проповеди Элфрика об обретении Креста и латинского жития (предполагаемого источника поэмы Кюневульфа), в которых, как правило, используются прилагательные, характеризующие религиозность царицы [7, 57]. Характеризуя Елену лишь в двух эпизодах как *eadig* (619a) и *eadhredig* (266a) «блаженная», поэт вместо того часто использует прилагательное *ædele* (275b, 545a, 662a, 1130b) «благородная», а также *geatolic* (331a) «украшенная», «величественная», *tireadig* (605a) «славная» и *gise* (411b) «могущественная».

Более того, Кюневульф детально описывает одежду Елены, украшенную золотом и другими драгоценностями: Когда три тысячи мудрых еврейских мужей подошли к Елене, они находят «великолепную воинственную царицу, / украшенную золотом» (*geatolic giðswen / gold gehyrsted* – 331), и когда царица получает святые гвозди от Креста Господня, она расплакалась и ее слезы падают «на зажим филигранной работы» (*ofer wira gespon* – 1134a), то есть, возможно, на подвеску (или кулон). Некоторые исследователи считают неоднозначным выражение “*wira gespon*”, которое трактуют либо как украшение из золота на груди у Елены, либо как святые гвозди [3, 67]. С. Клайн считает, что в силу

своей двусмысленности эта фраза аккумулирует оба значения, напоминая читателям, что святая царица обладает как материальным, так и духовным богатством [7, 86]. Кроме того, Елена в древнеанглийской поэме имеет «зал» (*salor* – 382b) и «трон» (*synestol* – 330a). Кюневульф изображает прием царицей Еленой посетителей: «Там во славе ждала // на троне / родственница императора, // великолепная воинственная царица» (*Ʀær on Ʀrymme bad // in synestole / caseres mæg, // geatolic giðcwen* – 329b-31a). Сравнивая поэму «Елену» с латинским житием, С. Клайн отмечает, что в латинском тексте отсутствует описание внешнего вида царицы, а также таких атрибутов царской власти как трон и зал [7, 59].

Кюневульф создает образ царицы, явно похожий на типичные изображения королевы и аристократических женщин в древнеанглийской поэзии. «Золотом-украшенная» (*goldhroden* – *Beo* 614, 640, *Vid* 102) или «украшенная драгоценными кольцами» (*beaghroden* – *Beo* 1261) королева часто появляется в таких поэмах, как «Беовульф» и «Видсид»: украшенная золотыми кольцами, браслетами и камнями и другими драгоценностями, она ходит по всему залу, раздавая подарки и ухаживая за гостями.

Делая акцент на богатстве одежды Елены, Кюневульф возводит ее в соответствие с ее типологическим статусом Святой Церкви, которую проповедники через образы, найденные в Псалмах, Песни Песней и Откровении, часто описывали как искусно украшенную жену царского рода для своего жениха Христа. Например, идею богато украшенной царицы как символа Церкви можно найти в проповеди Элфрика: “Духовная царица, Церковь Божия, украшена драгоценностями, многими добрыми привычками и добродетелями” (*Seo gastlice swen godes geladung is geglencged mid deorwurdre frætewunge and menigfealdum bleo goddra drohtnunga and mihta*). [7, 58] Эта мысль выражена в следующих отрывках Священного Писания: Псалтирь (44: 9-14), Песнь Песней (1: 9-10; 4: 9), Откровение (12: 1; 21: 2). Эти текстовые представления о Святой Церкви имеют аналог в англо-саксонском обычае украшать церкви металлической резьбой сложной ручной работы. Этот обычай, как считает Барбара Ро, был разработан, чтобы воспринимать земную церковь как символ Небесного града и подчеркнуть, что богатства Святой Церкви несравненно превосходят все царские богатства [10, 8-11]. Трон Елены еще более усиливает ее типологический статус и царскую власть, он возносит ее над всеми жителями Иерусалима. Когда евреев привели в зал, Кюневульф утверждает, что царица «осмотрела всех» (*wlat ofer ealle* – 385b). Эта фраза напоминает, что Елена физически превосходит над всем собранием, а главное то, что в отличие от евреев, она имеет глубокое понимание христианства.

Важным в понимании царицы как исторической личности является создание Кюневульфом образа царицы как посредницы в обращении других людей в христианскую веру. Елена является единственной главной героиней в поэме, которая сама не приходит к вере (будучи уже христианкой), но во всей поэме

она помогает другим героям открыть христианскую истину. Примечательно то, что не Елена на самом деле находит святой Крест, но Иуда, ведь Елена уже обрела христианскую истину, и ее роль заключается в том, чтобы убедить других последовать ее примеру. В поэме Елена обратила ко Христу Иуду и множество других иудеев, а также метафорически повлияла на обращение самого поэта Кюневульфа – спасла его от духовного расслабления и неспособности сочинять.

На первый взгляд, читателей могут смущать конкретные приемы, которые Елена использует, чтобы обратиться к евреям – словесное унижение их общины и реальные физические пытки старейшины Иуды. Однако для аудитории той эпохи эти методы Елены были вполне понятны. В англо-саксонской культуре того времени насилие и обращение в веру были нераздельны, и их переплетение и находит отражение в холодном отношении и обращении Елены к евреям.

Создавая образ героической воинственной царицы, наделенной всеми социальными и символическими атрибутами королевской власти и успешно проповедующей слово Божие, Кюневульф изображает Елену тесно связанной крепкими узами со своей родней и общиной. Следует отметить, что родственные отношения и общину поэт выдвигает на первый план как главные силы в жизни Елены. На протяжении поэмы царица никогда не отходит от своих людей, но почти всегда в окружении огромной дружины собственных вооруженных воинов. Корабли на восточном побережье ждут, пока царица не будет искать их снова «с дружиной мужей» (*gumena ꝥreate – 254b*); и когда воины «с победоносной царицей / готовы к путешествию» (*ymb sigecwen / siðes gefysde – 260*), Елена отправляется в сторону Иерусалима «с дружиной верной, / щитнощцев» (*heape gecoste, / lindwigendra – 269b-70a*) и «с дружиной мужей» (*secga ꝥreate – 271a*); по прибытию в город они описываются как «величайшая из дружин, // мужи прославленные, / с благородной царицей» (*cordra mæste, // eorlas æscrofe / mid ꝥa ædelan cwen – 274b-275*).

Кюневульф подчеркивает близкие отношения Елены с Константином, она всегда согласует свои действия с императорской волей своего сына: «Елена не хотела // путешествие / неохотно совершить, // ни радости подателя / слово презреть, // своего сына, / но была тотчас готова, // жена к путешествию, / как ей защитник войск, // вооруженных воинов, / повелел» (*Elene ne wolde // ꝥæs siðfates / sæne weorðan // ne ðæs wilgifan / word gehyrwan, // hieres sylfre suna / ac wæs sona gearu, // wif on willsið / swa hire weoruda helm, // byrnwiggendra, / beboden hæfde – 219b-224*); Елена помнила «о царя желаний, // готова в душе» (*ꝥeodes willan, // georn on mode – 267b-268a*). Когда ее миссия завершается, она с радостью готова вернуться «на свою родину» (*to eðel – 1219a*).

Сильное чувство общности, которое испытывает Елена, отнюдь не уникально для царицы. Все христиане в поэме представлены как прочно связанные любящей и гармоничной общиной, которая изображается как благодатное след-

ствие христианства, как награда за веру и ее отличительная черта. Эта идея звучит наиболее сильно в наставлении Елены новообращенным евреям: «Тогда царица начала // общину возлюбленную учить, / чтобы они любви ко Господу // и мира также / между собой, // дружбы / твердо держались, // безгрешные / во время своей жизни» (ƿa seo cwen ongan // læran leofra hear / ƿæt hie lufan dryhtnes // and sybbe swa same / sylfra betweonum, // freondræddenne / fæste gelæston, // leahtorlease / in hira lifes tid – 1204b-8).

Как ясно выражено в поэме, такая община возможна исключительно вследствие абсолютного соответствия жесткой социальной иерархии, которая требует беспрекословного подчинения каждого члена. Это послушание чувствуется в полном подчинении Елены Константину, который изображен выше ее. Подчинение Елены своему сыну находит отражение в подчинении ей ее людей: она находится в окружении слуг и воинов, которые готовы и хотят выполнять каждое ее повеление. Когда Елена приказывает, чтобы Иуду бросить в яму, Кюневульф утверждает, что «слуги не замедлили» (scealcas ne gældon – 692b), и когда она командует, чтобы Иуда был выпущен из ямы, «они сие спешно / тотчас совершили (hie ðæt ofstlice / efnedon sona – 713). Кюневульф подчеркивает, что Елена имеет власть контролировать своих слуг, описывая царицу как «та, которая людьми правит» (sio ƿær hæledum scead – 709b) и усиливает ее власть через повторное использование глагола *bebeodan* (710, 715) «командовать».

Самым последним наставлением, которое царица дает жителям Иерусалима, является то, «чтоб они владычным / законам повиновались // христианским обычаям, / какие им Кириак, // огласил, мудрый в книгах. / Епархия была // установлена» (ƿæs latteowes / larum hyrdon // cristenum ƿeawum / ƿe him Cyriacus // bude, boca gleaw; / wæs se bissceophad // fægere befæsted – 1209-12a). Елена учит людей подчиняться церковной власти, подчеркивая важность послушания как определяющей характеристики гармоничной христианской общины. Таким образом, наставления Елены являются частью жесткой субординации в поэме, в которой Константин повинуетя Богу, Елена подчиняется Константину, слуги подчиняются Елене, новообращенные христиане подчиняются епископу.

Хотя беспрекословное подчинение Елены Константину свидетельствует о весьма традиционной гендерной иерархии, такая иерархия оказывается весьма неустойчивой в поэме. В начале поэмы Кюневульф сосредоточивает внимание на усилиях императора Константина предотвратить вторжение варварских племен, описывая его посредством богатых кеннингов, весомых глаголов и метафор и других лексических средств, которые выражают первостепенное значение персонажа или события в древнеанглийской поэзии. Однако внимание к военным действиям императора быстро сменяется подробным описанием духов-

ной брани царицы, и в конечном итоге именно Елена и занимает основную часть повествования, и даже более того – именно она явилась для поэта музой, вдохновившей его на творчество. Кюневульф выражает свое немалое удивление, что о женщине можно писать столь высокопарным стихом, поэтому он прерывает свое описание путешествия Елены по морю восклицанием, наполненным всем вербальным артистизмом, обычно используемым для описания путешествий мужчин-воинов, чтобы заметить: «Я никогда не слышал, // как по морю / жена ведет, // по морской дороге / воинов честных» (Ne hyrde ic sið ne ær // on egstreame / idese lædan, // on merestræte / mægen fæg[e]rre – 240b-42).

Как только Рим и его правитель мужчина отходят на задний план, то царица и вместе с ней символическое значение феминности проявляются в полную силу. Этому сопутствуют обращение в веру и текучесть гендерной иерархии, причем эти гендерные нарушения изображаются христианским поэтом как полностью положительные. С. Клайн считает, что обращение в христианскую веру Иуды обнаруживает изменение обычной конфигурации гендерных отношений в агиографии как жанра. В пытках Иуды Елена переворачивает типичную агиографическую формулировку пытки святой язычниками-мужчинами, и подчинение Иуды женщине выступает в качестве движущей силы в его обращении в веру [7, 77]. Как Лионаренс утверждает, такая инверсия основывается отчасти на святоотеческой логике, что христианство Елены делает ее духовно мужчиной, в то время как иудаизм Иуды делает его духовно женщиной – логика, которая объясняет, почему власть Елены над Иудой значительно уменьшилась после его обращения ко Христу, и он только тогда обретает духовную маскулинность [9, 62-64]. Тем не менее, С. Клайн полагает, что короткий промежуток, во время которого иудей находится под властью женщины-христианки, расшатывает традиционную гендерную иерархию, следовательно, духовный гендер имеет приоритет над биологическим полом именно благодаря вере, которая и определяет иерархию [7, 77]. Поскольку далее в поэме вновь изображается традиционная гендерная иерархия, С. Клайн выдвигает на первый план идею самой традиции как гибкой и динамической сущности. Жизнеспособность традиции заключается в том, что социальные структуры прошлого не были статичными, но постоянно открыты для переоценки [7, 77].

Итак, изображение сана царицы в поэме «Елене» подразумевает многочисленные толкования для аудитории, заставляя признать святую царицу Елену как родом из огромного числа дискурсивных арен поэзии, гомилетических писаний, истории. Являясь членом земной и Небесной Церкви, примером для англосаксонских королей и аллегорическим образом матери Церкви, Елена Кюневульфа проходит через все культурные моменты прошлого, настоящего и будущего, тем самым, напоминая читателям видеть христианскую историю как вневременную, вечную и более того, как часть вселенской истории.

“Вспоминая” о римской императрице через все различные дискурсы англо-саксонской королевской власти, которые были в распоряжении поэта, Кюневульф создает образ царицы, чья типологическая, литературная, культурная и историческая многозначность дискредитирует любые однозначные интерпретации текста. Кюневульф использует царицу Елену как образец, чтобы увековечить традиционную и очень консервативную социальную иерархию, существующую с истинной христианской верой и являющуюся основополагающей для общей гармонии и личного счастья. Трансформируя римскую царицу IV века в англо-саксонскую королеву, Кюневульф создает женский образ, чей обновленный, своеобразный культурный потенциал и способность самого поэта пересмотреть историю имплицитно расшатывают поэтическое видение автора социальной иерархии. Царица, воссозданная по-новому, свидетельствует, что весьма консервативная иерархия чинов и пола, а также традиционные формы институционального подчинения могут быть переосмыслены. Разрабатывая понятие сана царицы в «Елене», Кюневульф раскрывает свою глубокую заинтересованность в использовании религиозной поэзии для взаимодействия с более светскими аспектами культуры, в которой он жил, таким образом, поэма Кюневульфа отражает глубокое понимание сложных социальных функций, которым поэзия служила в англо-саксонской культуре.

Список литературы.

1. Anderson G.K. *The Literature of the Anglo-Saxons*. – New York, 1962. P. 431.
2. Auerbach E. *Figura // Scenes from the Drama of European Literature*. 1959, repr. Minneapolis. –1984. – P. 129.
3. *Cynewulf’s Elene / Ed. by P.O.E. Gradon*. – Exeter. – 1996. – PP. 24-113.
4. Drijvers J.W. *Helena Augusta: The Mother of Constantine the Great and the Legend of Her Finding of the True Cross*. Leiden. –1992. – P. 65-67.
5. Gardner J. *The Construction of Christian Poetry in Old English Literary Structures*. – New York. – 1975. – P. 147.
6. Greenfield S.B. *A Critical History of Old English Literature*. – London. – 1966. – P. 237.
7. Klein S.S. *Reading Queenship in Cynewulf’s Elene // New Jersey Journal of Medieval and Early Modern Studies*. – 2003. – Vol. 33. № 1. – PP. 47-89.
8. Lapidge M. *The Sainly Life in Anglo-Saxon England // The Cambridge Companion to Old English Literature / Ed. by M. Godden, M. Lapidge*. – Cambridge. – 1991. – PP. 243-263.
9. Lionarons J.T. *Cultural Syncretism and the Construction of Gender in Cynewulf’s Elene // Neophilologus*. – 1997. – Vol. 81. – № 3. – P.51-68.
10. Raw B.C. *Anglo-Saxon Crucifixion Iconography and the Art of the Monastic Revival*. – Cambridge. – 1990. – P. 258.
11. Stafford P. *Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women’s Power in Eleventh-Century England*. – Oxford. –1997. – P. 371.
12. Wrenn C.L. *A Study of Old English Literature*. – London. – 1967. – P. 283.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Мартынова Е.В.

преподаватель кафедры иностранных языков Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева,
Россия, г. Казань

Кадырова Л.Б.

преподаватель кафедры иностранных и русского языков
Казанского высшего военного командного училища,
Россия, г. Казань

В данной статье рассматриваются основные проблемы относительно молодой науки – социолингвистики. Предмет ее изучения – особенности использования языка различными группами людей. Язык – явление общественное и, соответственно, его изменения зависят от изменений в обществе, точнее, от его развития. На изменение языка влияет социальный статус человека, его образование, место проживания, окружение, технический прогресс и многое другое.

Ключевые слова: языкознание, социолингвистика, язык, общество, социальная дифференциация языка, эволюция языка.

Многие открытия сегодня делаются на стыках двух и более наук. В двадцатом веке на стыке социологии и лингвистики появилось новое направление в языкознании – социолингвистика. Социальная лингвистика (социолингвистика) – отрасль языкознания, изучающая общественную обусловленность возникновения, развития и функционирования языка, воздействие общества на язык и языка на общество.

Главные цели социолингвистики – изучение того, как используют язык люди, составляющие то или иное общество, и как влияют на развитие языка изменения в обществе, в котором существует данный язык. Эти цели определяют две социолингвистические проблемы – проблема социальной дифференциации языка и проблема социальной обусловленности развития языка. Эти проблемы находят свое проявление в различных областях.

Особенности первой проблемы состоят в следующем. В социальной дифференциации языка получает отражение не столько современное состояние общества, сколько предшествующие его состояния, характерные особенности его структуры и изменений этой структуры в прошлом, на разных этапах развития данного общества. Сегодня не утратили своей актуальности высказывания языковедов прошлого, что темпы языкового развития значительно отстают от темпов развития общества. Что язык, в силу своего предназначения – быть связу-

ющим звеном между несколькими сменяющимися друг друга поколениями – гораздо более консервативен, чем та или иная социальная структура [5].

Касательно разработки проблемы социальной дифференциации языка, для современной социолингвистики характерен более широкий, чем прежде, взгляд на явление варьирования средств языка (которое может обуславливаться как социальными, так и внутриязыковыми причинами), в том числе и таких средств, которые принадлежат к относительно однородным языковым образованиям, каким является, например, литературный язык.

Такие социальные категории, как «статус», «социальная роль» некоторые исследователи рассматривают в качестве факторов, влияющих на стилистическое варьирование языка.

Проблема социальной обусловленности языковой эволюции заключается в том, что язык есть явление общественное и зависит от развития общества. Вопрос состоит в том, как именно изменения в общественной жизни влияют на изменения в языке, каков механизм этого влияния, какие действия конкретных социальных факторов формируют своеобразный контекст эволюции каждого языка [1, с. 125].

В работах Е.Д. Поливанова (1920-е гг.) была впервые высказана мысль о том, что влияние общества на язык происходит не непосредственно, что изменения в социальной жизни могут ускорять или замедлять ход языковой эволюции, но не могут влиять на ее характер и направление (что определяется внутренними законами языка) [5].

Социальные факторы не одинаковы по силе и диапазону своего влияния на язык. Они имеют разную лингвистическую значимость: одни из них, глобальные, действуют на все уровни языковой структуры, другие, частные, в той или иной мере обуславливают развитие лишь некоторых уровней. Примеры глобальных социальных факторов: изменение круга носителей языка; распространение просвещения; территориальные перемещения людей (миграция); создание новой государственности, по-новому влияющей на некоторые сферы языка. Безусловно, это и развитие науки; крупные технические новшества и изобретения (никто не станет спорить, например, с тем, что изобретение книгопечатания, радио, внедрение в быт каждого человека телевидения явились социальными факторами, повлиявшими на сферы использования языка; массовая компьютеризация многих видов деятельности в тех или иных формах отражается и в языке, а также в речевом поведении носителей языка и т.п.). Изменение состава носителей языка, которое можно рассматривать как глобальный социальный фактор, ведет к изменениям в фонетике, в лексико-семантической системе, в синтаксисе и, в меньшей степени, в морфологии языка. Люди одной профессии или одного узкого круга общения нередко образуют довольно замкнутые группы, которые вырабатывают свой язык. В старину был известен жаргон офеней – бродячих торговцев, которые своей непонятной непосвященным манерой речи как бы отгораживались от остального мира, сохраняя втайне

секреты своего промысла. В наше время язык программистов и всех тех, кто профессионально имеет дело с компьютером, также превратился в своеобразный жаргон: монитор у них именуется *глазом*, диски – *блинами*, пользователь – *юзером* и т.п. Изучение групповых языков, речевого поведения человека как члена определенной группы – прямое дело социолингвистики.

Социолингвистика изучает также проблемы, связанные с социальным аспектом владения языком, социальной регуляцией речевого поведения, со сложным комплексом вопросов, относящихся к смешению языков и образованию в результате этого процесса «промежуточных» языковых идиомов – пиджинов и креольских языков. Проблемы двуязычия и процессы взаимодействия и взаимовлияния языков, обусловленные наличием двух или нескольких языков в одном обществе, – также сфера компетенции социолингвистики. Наконец, социолингвистика призвана принимать участие в решении вопросов языковой политики и языкового планирования – например, в многоязычных регионах, в ситуациях выбора одного из языков в качестве государственного, при разработке алфавитов и письменностей для бесписьменных языков и т.п. [4, с. 43].

В заключении можно сказать, что социолингвистика – это достаточно молодая отрасль, появляется как отдельная область языкознания во второй половине 20 века. В наши дни социолингвистика переживает очередной всплеск интереса, возрождения и это связано с экстралингвистическими процессами – глобализацией, интересом к национальным культурам, активизацией миграционных процессов, освобождением колоний, признанием независимости многих республик, выделением государственного и национального языков. Конечно, актуален вопрос сохранения вымирающих языков и т.д. Поэтому в настоящее время в изучении социолингвистики специалисты выявляют большое количество новых проблем.

Список литературы

1. Беликов, В.И., Крысин, Л.П. Социолингвистика. Учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.
2. Брайт, У. Введение: Параметры социолингвистики [Электронный ресурс] / У. Брайт. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/brayt-75.htm>.
3. Мечковская, Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская. – М.: Аспект-Пресс, 2000. – 206 с.
4. Швейцер, А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М., 1976. – С. 42-48.
5. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия Кругосвет [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/SOTSIOLINGVISTIKA.html.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЖАНРОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛАТИНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЭЗИИ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник

Отдела классических литератур запада и сравнительного литературоведения

Института мировой литературы им. А.М.Горького (ИМЛИ) РАН,

д-р филол. наук,

Россия, г. Москва

Статья посвящена признакам различных жанров западноевропейской церковной поэзии, создававшейся в Средние века на латинском языке. Как набор рабочих инструментов для анализа текстов могут использоваться следующие признаки: тематика с набором топосов, место в богослужении, композиция текста, метрическая организация текста, мелодия, риторические средства.

Ключевые слова: средневековая латинская поэзия, секвенция, гимн, троп, антифон, респонсорий.

Признаки литературного жанра можно разделить на две группы. Одна группа относится к форме произведения, написанного в соответствии с требованиями того или иного жанра, другая связана с содержательной стороной. Изначально можно предположить, что любое произведение средневековой латинской литургической поэзии может быть охарактеризовано, с одной стороны, с точки зрения композиции текста, метрики, художественных средств (форма), с другой, с точки зрения тематики, набора топосов (содержание).

Поскольку песнопения являлись частью богослужения, были созданы для него и вне его не исполнялись, как кажется, важным признаком того или иного текста становится его *место в службе*. Как известно, в богослужении есть элементы изменяемые и неизменяемые. Неизменяемые элементы составляют своего рода каркас той или иной службы, об изменяемых элементах можно сказать, каковы они, к какой группе текстов принадлежат, но они каждый раз иные. Например, служба «комплетория» (*completorium – заключительная молитва после вечерни*), по времени соответствующая до некоторой степени «повечерию» православной традиции, имеет следующее строение [6, 98]:

комплеторий
<i>Deus in adjutorium</i>
3 псалма
1 антифон
гимн
Чтение из Свящ.Писания
короткий респонсорий
стих
<i>Nunc dimittis (Ныне отпущаеши) с антифоном</i>
<i>Benedicamus Domino</i>
Антифон Пресв.Богородтце

Соответственно, первая (*Deus in adjutorium*) и последняя (*Benedicamus Domino*) молитвы будут неизменяемыми элементами для всех служб суточного круга, кроме миссы, а *Nunc dimittis* является отличительной чертой комплетория. Обо всех остальных текстах известно, какие они по типу, но их каждый день вставляют заново в соответствии с днем недели или праздником. То же можно сказать и о миссе. Два чрезвычайно распространенных в Средние века на Западе песнопения – троп и секвенция – являются принадлежностью миссы и имеют в ней определенные места, хотя тексты и заменяемы.

Гимны, антифоны и респонсории были самыми древними песнопениями богослужения. Гимн – торжественная песня, прославляющая Бога, текст, который поют хором. Респонсорий и антифон отличаются по способу исполнения: когда исполнялся респонсорий, один певец или группа стояла на амвоне и исполняла песнь или псалом, а присутствующие в определенных местах повторяли строку или часть ее; когда исполнялся антифон, то поющие разделялись на две части и пели текст по очереди. Собственно, определения этим двум группам текстов основаны именно на манере их исполнения.

Пример респонсория может быть таков. Стих на празднество св.Галла, написанный санкт-галленским монахом Ратпертом (к. IX в.) [4 ,130]:

Респонсорий:

Боже Святой, торжество ежегодное мы отмечаем,
В день, когда Галл, наш отец, в вечную жизнь родился.

1. Се, воссиял этот день, почитаемый нашим народом,
В горячая ныне идешь, первый обители страж.

2. Смерти предел преступив, ты по праву наследовал вечность,
Ибо народу ты свет истинной веры открыл.

3. Местность сию, что была вековечною мглою покрыта,
Солнце-Христос озарил Светом Нетварным Своим. и т.д.

А вот пример антифона:

1а. День священный Георгия,
Обагранный кровью,
Вместе мы все восславим,

1б. Воспевая со святыми,
Ликуя с вождями
Белокрылого войска.

2а. «Шествуй, отрок,
Мне приятнейший воин,
Прими венец,
Осиянный славою».

2б. Это рекши,
Молвил глас ему с неба:
«Георгие,
Я есмь Господь и Бог твой». и т.д

«Секвенция св. Георгию» (Северная Италия, 11 в.) [5,175-176].

Со времен раннего христианства во время миссы между чтением Апостольских посланий и Евангелия исполнялись два песнопения: градуал, то есть гимн, написанный на тему псалмов и менявшийся день ото дня, и «Аллилуиа» (др.евр. «хвалите Господа»). Это песнопение исполнялось следующим образом: солист пел «Аллилуиа», хор повторял его, но последнее «а» тянулось долго и отличалось особенно красивой, замысловатой мелодией (*Jubilus*) [7, 158.]. На эту мелодию с середины IX в. стали сочинять связные тексты – секвенции.

Тропы возникли как словесное наполнение мелодий, на которые пелись последние слоги ключевых песнопений неизменяемой части богослужения, например, «Господи, помилуй» или «Свят, свят, свят». В отличие от текстов секвенций, которые были связаны лишь с мелодией последнего слога «Аллилуиа» и потому могли быстро стать независимыми, тропы делились на несколько частей, каждая из которых не только соответствовала части ключевого песнопения, но и продолжала его по смыслу. Тропы, как смысловые добавления, по-разному присоединялись к частям ключевых песнопений: в начале каждой части, в конце, и даже в середине. Главное состояло в том, что по смыслу два разнородных текста оставляли одно неделимое целое, но только один из них – текст собственно песнопения – был постоянным, а второй, представлявший собой добавления к первому и его развитие, мог полностью заменяться. Примером такого текста может послужить троп св.Николаю Мирликийскому, в котором цитаты из Свящ. Писания дописывались таким образом, чтобы получившийся текст рассказывал о святом, причем цитаты и добавления рифмовались:

<...>К миру «*во время гнева*» (Сир 44:16)

Он призывал терпеливо.

«*Он был умилоствлением*» (Сир 44:17)

И бедняков утешением.

«*И не было подобного ему*» (Сир 42:20) меж людьми

От самого начала времени.

Он «*сохранил закон Всевышнего*» (Сир 42:20)

Отца и Сына и Духа Милосердного. <...> [2, 235].

Если вернуться к признакам жанров и посмотреть их *тематику и связанные с ней топосы*, то это чаще всего либо некое событие из жизни Христа, Пресв.Богородицы, из Священной истории, которое вспоминается на празднике, либо жизнь и подвиги святых. В зависимости от того, какова тема того или иного песнопения, выбираются и топосы. Например, большую часть песнопений в честь свт.Николая можно назвать биографической. Они тесно связаны с житием святого и построены по его модели «три времени жизни» юность (род, семья, образование), зрелость (деяния), кончина и посмертная слава [2, 222].

Песнопения могли иметь *диалогическую или монологическую форму*. Понятно, что в основе антифонов и респонсорий лежал диалог. Об этом говорят и названия песнопений: антифон – с греч. букв. противогласник, звучащий в ответ, откликающийся; респонорий – с лат. *respondere* отвечать.

Происхождение секвенции связано с пением псалма по типу респонсория, поэтому секвенция также диалогична по природе: после исполнения градуала – гимна – солист пел подобранные к случаю стихи из Псалтири (*Versus Alleluaticus*), а хор после каждого стиха отвечал ему сочетанием «Аллилуиа» и *Jubilus*.

Гимн требует хорового пения, по свидетельству средневековых авторов, он поется не одним человеком, а всеми присутствующими «когда народ отвечает [поет в ответ], это гимн» [2, 220].

Троп также требует хорового пения: его исполняют не все присутствующие, а лишь певчие, причем они поют все вместе.

Песнопение может быть написано стихом или ритмической прозой. Это едва ли не самый важный признак того или иного жанра. О гимне средневековые авторы прямо говорят, что он должен быть «составлен по закону какого-либо [стихотворного] метра» [2, 220]. Чаще всего встречаются такие размеры, как ямбический триметр, введенный еще в III в. св.Амвросием Медиоланским именно для гимнов, например, гимн Св.Духу, автором которого считается прославленный богослов IX в. Храбан Мавр [3, 241]:

Приди, Создатель, Дух Святой,
Вселися в души верные,
Наполни благодатию
Сердца, Тобою зданные.

Зовешься Ты Утешитель,
Даянье Бога Вышнего,
Любви Источник огненный,
Помазанье духовное. и т.д.

или гимн Ангельским Силам, также принадлежащий перу Храбана Мавра [3, 239]. Гимн написанный сапфической строфой:

Господи, хвала трех триад небесных,
Кормчий и Творец рода человеков,
В Свой надмирный Град нас веди дорогой,
Ввысь уходящей.

Миротворца мы Михаила молим
Дать на помощь нам воевод небесных,
Ведь когда они средь скорбей приходят,
Благо несут нам. и т.д.

Более редок такой размер, как септенарий, однако Храбан писал и этим размером [З. 240]:

«Св. Архангелу Михаилу»
Сыне Божий, Стойкость сердца, Жизнь, Сиянье Отчее,
Пред очами сил небесных мы поем молитвенно,
Чередуясь в ритме строгом песнь устам мы даруем,
Восхваляем, поклоняясь всех небесных воинов,
Но особенно бесплотной рати предводителя... и т.д.

Гимны писали и другими размерами, например, гекзаметром и элегическим дистихом.

Если текст гимнов был стихотворным, то тексты респонсориюв и антифонов могли быть написаны либо ритмической прозой, либо стихом. У секвенции было два названия: если ее рассматривали с т.з. музыки, то она была секвенцией, а если в первую очередь обращали внимание на текст, то ее называли *prosa* или *prosula*, то есть «проза». С точки зрения метрики, основными чертами секвенции прозы является употребление размеров, характерных для торжественного стиля: это дактиль, амфибрахий, различные пэаны, местами ямбы. Один и тот же размер нельзя употреблять больше, чем два раза, иначе получается стихотворная строка, а это нарушение [1, 265]. Точно такие же правила распространялись на антифоны и респонсии.

Вот пример секвенции, написанной санкт-галленским монахом Вальдраммом:

1. Сей церкви славный праздник,
- 2а. Христовы
 Чада несомненные,
- 2б. Радостно
 Песнью дружной чествуйте.
- 3а. Она вас
 Из чрева
 Родила духовного,

3б. И это
Вам, смертным,
В горняя путь открыло. и т.д.
Антифон на освящение храма [4, 131].

Что касается художественных средств, к которым прибегали авторы литургических песнопений, которые можно было бы рассматривать как признак литургической поэзии, как кажется, поэты обращались ко всей сокровищнице античной риторики. Возможно, изучая творчество отдельных авторов, чьи имена нам известны, можно увидеть их собственные предпочтения, обнаружить, какие тропы и фигуры наиболее частотны.

Можно выделить еще одну черту, до некоторой степени связанную с формой песнопения. Это музыка, мелодия. В репертуаре литургических песнопений существовали мелодии, на которые было написано огромное количество текстов, причем они снабжались пометами «На напев...». Структура мелодии настолько определяла строение текста, что часто в новых текстах повторялись начальные слова и, следовательно, метрика. Такова, например, мелодия *Laetabundus* – «Радостный, или Ликующий».

Таким образом, литургические песнопения, как кажется, можно различать, пользуясь следующим набором признаков:

1. Тематика с набором топосов.
2. Место в богослужении
3. Внешняя организация текста – диалог или монолог.
4. Метрическая организация – стих или проза.
5. Мелодия.
6. Риторические средства.

Эти признаки могут использоваться как набор рабочих инструментов в дальнейшем исследовании латинской литургической поэзии Средних веков.

Список литературы

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб, Алетейя, 1996.
2. Ненарокова М.Р. «Богу Отцу песнопенье...»/ Святитель Николай в гимнографии средневекового Запада // Евразия: духовные традиции народов. – № 4. – 2012.
3. Памятники средневековой латинской литературы. VIII-IX века / Отв.ред. М.Л.Гаспаров. М., 2006. – 480 с.
4. Памятники средневековой латинской литературы. X-XI века / Отв.ред. М.С.Касьян. М., 2011. – 896 с.
5. *Analecta hymnica Medii Aevi. Liturgische Prosen des Mittelalters. V.37. ed.C.Blume. Leipzig, 1901. p.175-176. – 307 p.*
6. Hoppin R.H. *Medieval Music. New York-London, 1978. – 566 p.*
7. Norberg D. *An Introduction to the Study of Medieval Latin Versification. tr. G.C.Roti & J. de La Chapelle Skubly. Washington (USA), 2004. – 216 p.*

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ТОВАРА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ СОЗДАНИЯ

Скнарев Д.С.

доцент кафедры маркетинговых коммуникаций
Южно-Уральского государственного университета (НИУ),
канд. филол. наук,
Россия, г. Челябинск

В статье рассматривается специфика образной системы товара в рекламном дискурсе, определяется понятие «образ товара», подчеркивается, что цельный и обстоятельный образ предмета рекламной коммуникации (товара, услуги, фирмы и др.) создается на базе визуальных (дизайнерских) и вербальных (языковых) компонентов, представленных в композиции рекламного текста, выделяются вербальный и визуальный образ предмета рекламы.

Ключевые слова: рекламный дискурс, образная система, языковое средство, вербальный и визуальный рекламный образ.

Исследование рекламного дискурса возможно в различных аспектах: социальных, философских, лингвокультурологических, когнитивных, маркетинговых, педагогических и др.

По нашему мнению, актуально также изучение языковых средств, создающих уникальный, яркий и привлекательный, «цепляющий» вербальный образ товара в глазах целевой аудитории рекламного воздействия.

В ситуации товарного изобилия, один товар (услуга) конкурирует со многими похожими; различия между ними зачастую неочевидны для потребителя. Также не очевидны они и для розничного продавца, зачастую не являющегося потребителем товара который он продает, и выносящий свои суждения о товаре с позиции собственной выгоды, при этом интересы потребителя и производителя могут отступить на второй план. В такой ситуации важнейшее значение приобретают образ товара и торговая марка, берущие на себя функцию коммуникации с потребителем и облегчающие розничному продавцу его работу.

Л.Ю. Говорунова в работе «Образ товара в рекламном дискурсе» [2] отмечает тот факт, что в условиях конкурентной борьбы на потребительском рынке реклама наделяет товары и услуги отличительными особенностями, образами, позволяющим потребителю идентифицировать товар, вызывает в его подсознании побудительные мотивы, направленные на выбор конкретной марки товара. В данном исследовании представлены результаты анализа образа товара (продукта и услуги) на материале рекламы на русском и английском языках. Л.Ю. Говорунова акцентирует внимание на структурных компонентах образа товара, а также на динамике его изменения в зависимости от продолжительности пребывания товара на рынке.

По мнению исследователя, образ товара следует рассматривать в совокупности с образами участников рекламной коммуникации – агента и клиента, через призму ценностного аспекта и пространственно-временного континуума рекламного дискурса [2].

На наш взгляд, **образ товара** – *средство и продукт маркетинговой коммуникации, несущее новую для потенциального покупателя информацию о продукте; результат интеллектуальной работы и творчества, синтез визуальных, звуковых и текстовых форм (языковых средств), воплощенный в материальные объекты (ролик, постер, статья и др.)* [4].

Рассматривая образ товара, воплощенный в рекламном дискурсе, по нашему мнению, правильнее будет говорить об **образной системе** товара, поскольку цельный и обстоятельный образ предмета рекламной коммуникации (товара, услуги, фирмы и др.) создается на базе визуальных (дизайнерских) и вербальных (языковых) компонентов, представленных в композиции рекламного текста.

Прежде всего, образ товара выступает средством визуальной коммуникации, несущим новую для потенциального покупателя информацию о продукте, адекватно отражающим сущность послания рекламодателя потребителю. Так, например, визуальный образ складывается в сознании потребителя при восприятии им цвета, шрифта, изображения, использованных в конкретном сообщении.

Визуальный образ создаётся не только для товара. Визуализация оказанной услуги в видеоролике или иллюстрации помогает потребителю идентифицировать себя как потребителя услуги; соотнести свои потребности, возможно скрытые для него; оценить выгодность услуги для себя.

Особое значение в создании визуального образа товара имеет образ посредника, в качестве которого могут быть задействованы исторические фигуры, сказочные и мифологические персонажи, эксперты, лидеры организаций, представители целевой аудитории рекламного воздействия, известные личности из сферы шоу-бизнеса, политики, спорта. Важен также и образ потребителя, на которого направлена коммуникация.

Визуальный образ товара складывается в сознании потребителя при восприятии им цвета, шрифта, изображения, представленных в конкретном рекламном сообщении.

Г. Фельсер замечает, что визуальные образы лучше сохраняются в памяти, чем слова, и вызывают к тому же положительные установки к объявлению [6, с. 543]. По наблюдению исследователя, образная коммуникация приобретает все большую популярность, вследствие чего в рекламе приводят все меньше аргументов. Рассматривая специфику визуальных образов в сравнении с текстом, Г. Фельсер называет их особые свойства, среди которых: передача большей информации за более короткое время, одновременный охват множества элементов

содержания, оказание значительного влияния на установки и суждения [6, с. 544].

По нашему мнению, рекламный визуальный образ должен удовлетворять определенным критериям, среди которых выделяются: быстрый уровень его восприятия целевой аудиторией, наглядность, понятность, эмоциональность воздействия. Визуальный образ позволяет обеспечить продукту узнаваемость, помогает продукту выделиться среди остальных товаров-конкурентов на рынке.

Следовательно, визуальный образ товара часто выступает в качестве *основного образа*, задача которого привлечь внимание целевой аудитории, заинтересовать ее предметом рекламы. Вербальный же образ товара берет на себя воздействующую функцию. Он апеллирует к чувствам потребителя, уточняет, конкретизирует визуальный образ, вызывает необходимый эмоциональный отклик.

Поэтому, во-первых, необходим поиск наиболее эффективных (и эффектных) возможностей демонстрации свойств и преимуществ товара. Например, это удачно осуществлено в формировании образа пылесоса «Samsung». Это образ маленького, но очень мощного прибора, способного «проглотить» слона: на постерах гибкий шланг пылесоса «раздувается», принимая слоноподобные очертания.

Во-вторых, важен поиск наиболее эффективных способов обращения к потенциальному потребителю, основанный на актуализации потребностей, мотивов, ценностей, связанных с использованием товара. Например, история создания и жизни товара («Эти леденцы я попробовал впервые, когда был маленьким мальчиком, теперь я покупаю их своему внуку»), использование продукта посредником – знаменитостью (Ким Бэссинджер – в колготках «Голден леди»!), эмоциональная реакция потребителя на товар (продукты «Моя семья» – «А чё, а ничё...») и др.

Образы товаров проникают во многие сферы человеческого общения. Транслирование образов помогает людям в общении, дает возможность передавать информацию от продавца к потребителю.

Люди потребляют не товары, а соответствующие им образы, предлагая потребителю виртуальную жизнь в рамках рекламных брендов.

Образная система товара, не находящаяся постоянно в поле зрения потребителя, забывается и перестает существовать. Образы интересны только в данный, конкретный момент, здесь и сейчас. Если группа потребителей, для которой образ товара был создан, не воспримет его, он прекратит свое существование. Такой образ должен постоянно воспроизводиться, формируя привыкание и лояльность к бренду. Потребление товара или услуги должно увеличиваться.

Современный человек переживает переход от чувственного восприятия мира к рассудочному, рациональному. Визуальный образ прежде всего апелли-

рует к разуму и логике. На чувства и эмоциональные переживания не хватает времени.

Тиражированность, повторяемость визуального образа формируют определенную форму образности, заключающуюся в предельной конкретности, однозначности информации о товаре.

Как верно указывает А. С. Филюрин, по существу, на современном рынке идет борьба образов за место в сознании покупателей [7]. Поэтому необходимое условие существования бренда – его уникальность. Иногда единственное отличие заложено не в товаре, а в том, как его представлять вербально, аудиально, визуально и т.д.

Современная реклама представляет собой развивающуюся сферу деятельности, правила в которой только устанавливаются. Поэтому в целях привлечения внимания читателя (зрителя) используются различные языковые средства.

По утверждению В.И. Максимова, язык рекламы занимает особое место среди тех функционально-стилевых образований, которые относятся к массовой информации и объединяются массовой коммуникацией. Исследователь говорит о специфичности рекламной деятельности, предполагающей, с одной стороны, занятие рекламой как сферой бизнеса и учитывающей, с другой стороны, тот факт, что реклама – «готовый продукт», представляющий собой многоуровневый текст как некоторое лингвоаудиовизуальное целое, воплощенное в СМИ или иным способом [5].

В процессе разработки вербального образа товара в распоряжении копирайтеров оказываются слова, складывающиеся впоследствии в заголовки, слоганы, предложения, образующие коммуникативные тексты.

В связи с этим в рамках рекламного дискурса необходимо в каждом конкретном случае подбирать слова-образы, созвучные ожиданиям целевой аудитории и подводящие ее к необходимым заказчику решениям. Следовательно, текст должен привлекать внимание людей и влиять на их поведение. В связи с этим актуально умение реферировать информацию, анализируя каждое слово с учетом его значения, коннотации, звучания.

Образность речи – одно из наиболее сильных средств воздействия в рекламном тексте. По наблюдениям А.Б. Аникиной [1], основой речевой образности выступают имя существительное, имя прилагательное и глагол – разряды слов, служащие для создания конкретных образов, представлений о реальных вещах, явлениях и процессах. Также А.Б. Аникина выделяет особенности вербального образа, среди которых: соотнесенность слова с конкретным предметом действительности (т.е. слово образное непременно вызывает представление) и сложность лексического значения, средством выражения которого и выступает представление о предмете. Исследователь справедливо замечает: «Об-

разное слово в любых, даже самых простых случаях, когда это только представление, иллюстрирующее мысль, и никакой другой функции, кроме этой, оно не выполняет, обладает способностью воздействовать на чувство, на выражение. Для воздействия на людей – на их волю, на их эмоции – необходимо идеи преобразовывать во впечатления, абстрактное – в конкретное. Именно этой цели и служат словесные образы. Они эмоциональны, действенны, выразительны, часто содержат личную, авторскую оценку событий» [1, с. 32].

Прагматический аспект вербального рекламного текста непосредственно проявляется в его своеобразной организации – выборе грамматических и лексических единиц, стилистических приемов, особом синтаксисе, организации печатного материала, использовании элементов различных знаковых систем.

В основе создания текстов лежат две тенденции: сжатость, лаконичность выражения и выразительность, емкость информации. Однако наиболее действенные рекламные тексты строятся на гораздо более сложных, чем это порой кажется, принципах. Создатели текстов в этом случае избегают прямого описания предмета рекламы, его свойств, характеристик и достоинств.

Рекламные коммуникации используют богатый спектр средств выразительности на всех языковых уровнях. Образные средства языка оживляют, актуализируют рекламный вербальный текст. В связи с этим частотное обращение к фразеологизмам и тропам. Наиболее распространенные виды тропов: аллегория, гипербола, ирония, метафора, метонимия, олицетворение, перифраза, синекдоха, сравнение, эпитет. Также используются различные стилистические фигуры: анафора, антитеза, бессоюзные конструкции, градация, инверсия, параллелизм, риторический вопрос, эллипсис, эпифора.

В литературе, посвященной рекламным коммуникациям, отмечается преобладание в них простых предложений. Употребительность простых предложений связана с динамичностью, экспрессивностью вербального текста, который должен быстро и результативно восприниматься читателями, а также с влиянием разговорной речи. Эффективно также употребление восклицательных предложений, которые в тексте играют роль своеобразных сигналов, призывов к действию. Действенны и побудительные конструкции, которые выражают предложение, приглашение, убеждение и т.д. Они придают живость и эмоциональность высказыванию.

Печатная реклама, распространяемая в местах продаж, имеет в своем распоряжении графические средства: набор шрифтов, выбор цветового фона, пунктуация. Значимы восклицательные и вопросительные знаки.

В связи с этим нам представляется возможным классифицировать рекламные коммуникации по степени использования языковых средств в создании образа товара.

По данному основанию выделяем: 1) *номинирующие тексты* (кроме изображения товара, присутствует бренд-нейм в качестве основного (единственного) элемента композиции); 2) *эмоционально-экспрессивные оценочные тексты* (создаваемые с помощью различных тропов и фразеологизмов, формирующих положительный образ товара на основе эмоциональных мотивов); 3) *рационально-нейтральные тексты* (образуемые с помощью терминов, абстрактной и конкретной лексики – нейтральных слов, несущих рациональную информацию о товаре).

Таким образом, можно заключить, что рекламный вербальный текст представляет собой законченное графически текстовое единство, где сочетаются факторы лингвистического и экстралингвистического характера и осуществляется позитивная прагматическая направленность.

Образная система товара в рекламном дискурсе связана с отражением его наиболее значимых качеств, а также определенным их представлением, воплощенным в конкретных визуальных и вербальных формах.

В связи с этим необходимо учесть особенности распространения информации о товаре в отдельных средствах и формах рекламного воздействия. Так, образ товара всегда воплощается во множестве различных медийных и немедийных средств и форм: POS-материалах, ценниках, каталогах, щитах наружной рекламы, журнальных и газетных объявлениях, штендерах, вывесках и витринах магазинов и т.д.

Список литературы

1. Аникина, А.Б. Образное слово в художественном и публицистическом произведении. Вопросы стилистики текста [Текст] / А.Б. Аникина. – М.: Издательство «ВК», 2005. – 216 с.
2. Говорунова, Л.Ю. Образ товара в рекламном дискурсе [Текст] / Л.Ю. Говорунова. – LAP Lambert Academic Publishing, 2013. – 84 с.
3. Скнарев, Д.С. Фразеологизмы с компонентами-соматизмами в рекламном дискурсе: проблемы семантики и прагматики: моногр. [Текст] / Д.С. Скнарев. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 168 с.
4. Скнарев, Д.С. Языковые средства создания образа зарубежного автомобиля в рекламном дискурсе [Текст] / Д.С. Скнарев // *Фундаментальные исследования*. – №8 (Ч.5). – 2014. – С. 1237 – 1242.
5. *Стилистика и литературное редактирование* [Текст] / Под ред. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2005. – 651 с.
6. Фельсер, Г. Психология потребителей и реклама [Текст] / Г. Фельсер. – Харьков: Изд-во «Гуманитарный центр», 2009. – 704 с.
7. Филюрин, А.С. Управление торговыми марками российских фирм-производителей [Текст]: дис. ... канд. экон. наук / А.С. Филюрин. – Новосибирск, 2000. – 127 с.

ОБРАЗ ГОРОДА В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА КОУ «КЛУБ РАКАЛИЙ»

Храмова Ю.А.

преподаватель кафедры иностранных языков
Саратовского государственного медицинского университета,
Россия, г. Саратов.

Образ города в романе рассматривается как один из основных аспектов осмысления поэтики и эстетики постмодернизма, оценивается важность и значимость географического и метафизического самоопределения персонажей, изучается динамика и видоизменение городской среды в индивидуальном сознании.

Ключевые слова: Джонатан Коу, город, урбанизм, когнитивная карта, постмодернизм.

Образ города занимает особое место в литературе модернизма и постмодернизма. Крупнейшие писатели, включая Д. Джойса, В.Вулф, Х.Л. Борхеса, Дж. М. Кутзее, П. Акройда и др. не раз обращались к теме урбанизма, обозначая в своих романах тесное взаимодействие городской среды и личности горожанина на самых разных уровнях: историческом, социально-психологическом, культурологическом, идейно-философском. Город как социально-культурный феномен неоднократно подвергался теоретическому осмыслению в работах Г. Зиммеля, М. Вебера, О. Шпенглера, Л. Мамфорда и других ученых, пытавшихся исследовать влияние урбанизма на психологию отдельно взятой личности, формирование ее нравственных и духовных ориентиров, культуру поведения горожан как социума. Ученые отмечают многогранность и «фрагментарность» личности городского жителя, по-своему отражающего, словно зеркало, окружающее его городское пространство, горожан, их социальные, межличностные и духовные связи.

Такая особенность города не могла не привлечь внимания писателей-постмодернистов, стремящихся на страницах своих романов изобразить интенсивность и многогранность городской жизни наряду с изолированностью и отчужденностью каждого жителя. Образ города и индивидуальная жизнь населяющих его горожан в литературе постмодернизма открывают безграничные перспективы для многочисленных экспериментов с формой и содержанием, позволяя играть сюжетами, стереотипами и концепциями. При этом создается уникальная возможность показать всю фальшивость и эфемерность существующего миропорядка, что, тем не менее, благодаря разнообразным интерпретационным кодам, только подчеркивает универсальность описываемых событий и явлений. Образ города в литературе постмодернизма, по предположению И. Липчанской, стремится «разнообразно конфигурировать самые разные традиции мировой литературы», что создает условия для возведения этого города «в общность некоего высшего порядка – в большую историю, во вселенную, в трансцендентное или фантастическое пространство» [3, с. 82].

В романе «Клуб ракалий» (2001) современного английского писателя Джонатана Коу образ города актуализируется на нескольких уровнях. Прежде всего, город – это среда обитания персонажей. Основное действие происходит в Бирмингеме, родном городе Коу. В романе сохранены названия улиц (Стратфорд роуд, Бристоль роуд, Сели Оук, Хилл стрит), названия парков (Кофтон парк, Уосели парк, Хэндсуорт парк), кинотеатров («Одеон»), пабов («Городская таверна», «Лоза», «Райское место»), ночных клубов («Барбарелла») и магазинов (книжный магазин «Хадсонс»). Географическое пространство романа совпадает с реальным даже в деталях – знатоки города могут проследить движение городского автобуса по маршруту №62, соединяющему центр Бирмингема и Лонгбридж по сей день. Лирические описания окрестностей Бирмингема немногочисленны, но их достаточно для того, чтобы у читателя сложилось особое отношение к городу. Бирмингем описывается как местность, славящаяся «обилием парков» [2, с. 38], множеством «прелестных сельских уголков» [2, с. 495] и огромной сетью заброшенных неиспользуемых каналов, которых, по словам одного из героев, «если считать в милях, в Бирмингеме больше, чем в Венеции». [2, с. 496] Однако не все горожане воспринимают город одинаково. Для главного героя Бенжамена Бирмингем напоминает храм, в котором «главное не как он выглядит», а как влияет на собравшихся в нем прихожан, важно само «богослужение, которое в нем происходит». В этом отношении, подмечает Бенжамен, «церкви Бирмингема волнуют ничуть не меньше, чем церкви Венеции или какого угодно другого города» [2, с. 497]. Сходные чувства к городу возникают и у Филипа, одноклассника и школьного товарища Бенжамена. Филипа город интересует с исторической точки зрения, он изучает историю каждого построенного архитектурного здания, в результате чего привычные с детства места приобретают неожиданную новизну. Во время одной из прогулок с Филиппом Бенжамен подметил: «чудесно бродить по Бирмингему и видеть знакомые места словно впервые» [2, с. 594].

Несколько иное отношение к городу возникает у Сисили, возлюбленной Бенжамена. «В Бирмингеме я себя как дома не чувствую, да, если по правде, и нигде» [2, с. 568], – говорит она Бенжамену. Отсутствие привязанности к родному городу выступает в романе своеобразной метафорой отсутствия в жизни вообще какой-либо основы. Сисили не чувствует привязанности ни к городу, ни к людям, поэтому она не может найти свое место в жизни, скитаясь по городам и завязывая беспорядочные отношения. Частично такое ее поведение объясняется распавшейся семьей: отец живет отдельно, и с дочерью практически не встречается, а мать – известная актриса, переехавшая за границу и озабоченная собственной карьерой больше, чем воспитанием дочери.

Особое значение образ города приобретает в восприятии Дуга Андертона, школьного товарища Бенжамена. Дуг в Бирмингеме себя «как дома» не чувствует, у него взаимосвязь с родным городом вытесняется новыми устремлениями и возможностями, связанными с его первой поездкой в Лондон. Предвку-

шая свое путешествие в столицу, Дуг называет Бирмингем «дерьмовым городишкой», в котором каждый живет своей провинциальной жизнью, не зная и не интересуясь тем, «что происходит в мире, происходит по-настоящему» [2, с. 238]. Дуга не привлекает «солидное достоинство» зданий и контор Бирмингема, не интересуют исторические образцы «архитектуры итальянского стиля», ему чуждо спокойствие и размеренность жизни его обитателей. Дугу гораздо ближе «бурый и серый» Лондон, с его «поблекшими красками городской палитры», запутанными лабиринтами метро, «тошнотворно пенящимися водами Темзы», сточно-коричневого цвета, «с легким намеком на Джойсову сопливую зелень» [2, с. 249]. Архитектурный облик Лондона, представший как скопление «несчетных бруталистских башен с окнами офисов, испещренными квадратами и полосками резкого неоновомго света» [2, с. 250], первоначально создает у Дуга впечатление чего-то чуждого и негостеприимного. Однако, взглядевшись в буро-серые лондонские здания, Дуг начинает понимать, что за каждым из этих зданий стоит какая-то манящая к себе тайна, каждое из них выступает «бетонной энциклопедией потаенных историй, непостижимых осколков скрытой жизни» [2, с. 250].

Лондон странным образом повлиял на Дуга, изменив в нем какие-то внутренние устои и воплотив в реальности то, к чему он предрасположен был заранее. В Лондоне Дуг «утратил нечто важное» [2, с. 265], нечто, «что определить было немного труднее, а вернуть назад невозможно» [2, с. 266]. Эта утрата была связана с «самоощущением, с чувством принадлежности, верности городу и семье, из которых он происходил» [2, с. 266], вместо этого у Дуга возникла новая привязанность – «он влюбился в высшие классы английского общества» [2, с. 266]. Его покорили ряды «важных георгианских домов», «небрежная богемность» квартир, интерьерное «легкомыслие, с которым погремушки и африканские ковры боролись за внимание гостей» [2, с. 266]. Дуг почувствовал себя в Лондоне частью лондонской элиты, ячейкой высшего общества. Он уже не обращал внимания на то, как «проплывают автобусы, набитые измотанными тружениками, возвращающимися на уик-энд в свои пригороды» [2, с. 259], вместо этого он изумленно восхищался тем, как люди из высшего света «едят, пьют, будят соседей оглушительной музыкой, принимают наркотики и, разумеется, предаются сексу» [2, с. 267]. Оказавшись микроскопической частью этой новой бурлящей среды, Дуг почувствовал себя «как дома» – «его толкали, отпихивали, и сам он в ответ толкал и отпихивал наравне с другими и впервые за этот день чувствовал себя великолепно и, как это ни странно, – человеком, очувствившимся именно в своей стихии» [2, с. 262]. «Лондон – единственный город, в котором я смог бы жить» [2, с. 522] – признается Дуг Бенжамену по возвращении в Бирмингем.

Постепенно становится очевидным, что образ города в романе играет двоякую роль. С одной стороны, он выступает метафорой жизненных устоев и основ, утрата которых чревата утратой личностной идентичности, с другой –

город становится своеобразной материальной проекцией самой личности, физически функционирующей как в географическом, так и в культурном его пространстве. Таким образом, происходит «мутация самого выстроенного пространства» (*mutation in built space itself*) [1, с. 38], город развивается и видоизменяется в сознании своих обитателей. Он сам становится живым организмом, который находится в непосредственной и постоянной взаимосвязи с персонажами, его населяющими. Городская среда в романе оказывает влияние на судьбы и становление характеров персонажей ровно так же, как и сами персонажи видоизменяют эту городскую среду, беспрерывно конструируя ее в своем индивидуальном сознании.

В связи с этим город в романе воспринимается всеми персонажами по-разному. Для кого-то открыта только внешняя его сторона – улицы, парки, красивые архитектурные здания и сооружения, а кто-то за всем этим может разглядеть «облик, которого мы обычно не видим» [2, с. 496], заметить заброшенные дома на окраине, побывать в трущобах и побродить по скрытым городским каналам. Город живет жизнью каждого из многочисленных своих обитателей, его жизнь составлена из множества осколков других жизней, причудливо отражающихся на перекрестках городских улиц, в окнах домов, в свете уличных фонарей. В такой многообразной и пестрой среде обывателю становится крайне важно найти свое местоположение не только метафизически, но и географически, важно не потеряться, не заблудиться в этом пространстве. Географическое и метафизическое самоопределение личности по силам не всем героям романа. Так, одна из героинь, Мириам, уходит из дома и бесследно исчезает, как бы «растворившись» в лабиринте городских улиц. Ее физическое исчезновение символизирует, прежде всего, утрату девушкой самой себя – Мириам так и не смогла устроить свою личную жизнь с женатым мужчиной, все время оказываясь на «вторых ролях» и постоянно скитаясь по многочисленным пабам и отелям.

Ее любовник Бил Андертон после исчезновения Мириам вынужден жить с постоянным чувством вины. С момента их последнего свидания, обернувшегося истерикой и скандалом, город каждой своей улочкой и переулком стал напоминать ему о Мириам, о его порочной связи с ней. Била неизменно охватывало «странное чувство», когда он проезжал по улице, где видел ее в последний раз. Тот роковой городской перекресток, казалось, «хранил где-то в своей памяти страшный, жестокий заряд того последнего свидания, и всякий раз, направляясь в центральный Бирмингем и проезжая здесь, Билл ощущал себя попавшим в некое силовое поле» [2, с. 240].

Умение найти свое место, самоопределившись географически, оказалось ключевым для развития отношений Бенжамена и Сисили. В Бирмингеме у них отношения не складывались – привычная будничная среда не позволяла их чувствам проявиться по-настоящему, они были «на волосок от того, чтобы пройти друг мимо друга» [2, с. 625]. Однако поездка за пределы города, в «Плас-

Кадлан», изменила их судьбы, их пути наконец-то пересеклись, им всего то «нужно было лишь оказаться на время где-то еще, где-то вдали от школы, от всего дерьма и бессмыслицы, которые ассоциируются с ней» [2, с. 624]. Как только это произошло, они поняли, как много значат друг для друга, и для них «все стало очевидным, как будто внезапно прояснились мутные воды» [2, с. 624].

Образ города и городской среды, таким образом, выступает «подобием комнаты зеркал» [2, с. 592], отражающим или искажающим судьбы и чувства героев во времени и в пространстве. Даже отдельные здания и городские постройки могут играть в этом огромную роль. В этом отношении особо интересно описание Дома памяти, удивительного бирмингемского здания, построенного из «портлендского камня и корнуэльского гранита» и увенчанного «красивым белым куполом» [2, с. 593]. У этого дома, как и многих других городских сооружений «своя история» [2, с. 593], он был построен как «дань уважения тем, кто погиб на войне» [2, с. 594]. Главный герой Бенжамен увидел в этом здании отражение своей личной истории, отражение своей любви к Сисили. Сидя в городском кафе под названием «Лоза», расположенном на площади под названием «Райское место», Бенжамен любит красота и величие Дома Памяти, проецируя городской пейзаж на свою личную жизнь. «Сегодня все в моей жизни словно бы изменяется, сам город, меня окружающий, преобразуется» [2, с. 594], – думает Бенжамен, размышляя о своем счастливом будущем с Сисили. Дом Памяти, сам город как целое, предстает в сознании Бенжамена символом его бесконечной любви к Сисили: «я сижу в «Райском месте» и смотрю на Дом Памяти, и вдруг выясняется, что все это напрямую связано с Сисили и мной, все – метафора наших чувств, и почему-то весь город обратился в не что иное, как в выполненную в натуральную величину схему наших сердец, и я едва ли не кричу от радости, мне хочется выскочить на площадь и завопить, обращаясь ко всем, кто согласится меня слушать: «Я ЛЮБЛЮ ЭТОТ ГОРОД, Я ЛЮБЛЮ ЭТОТ ГОРОД!»» [2, с. 594].

Видоизменение городского пространства в соответствии с чувствами и когнитивным восприятием отдельной личности («когнитивная карта»), по мнению Ф. Джеймисона, является одной из ключевых характеристик постмодернистского повествования. В постмодернизме городское пространство это не то, что дано изначально, но то, что постоянно воссоздается и воспроизводится, нечто воспринимаемое и интерпретируемое одновременно. Мы не можем узнать, каков же на самом деле Бирмингем, судя по восприятию и описаниям главных героев романа. Реальный образ города, несмотря на географическую и картографическую достоверность, остается для нас недостижимым, смутным отражением чьих-то воспоминаний и впечатлений. Для нас очевидна лишь внешняя его форма – названия улиц, парков, магазинов, кинотеатров. Однако внутреннее его содержание постоянно наполняется новым значением, порой противоречащим всем остальным. То ли это «дерьмовый провинциальный городишка», то

ли «храм», в котором «главное не как он выглядит», а то «богослужение, которое в нем происходит», то ли это некое «силовое поле», отражающее «выполненную в натуральную величину схему» чьих-то сердец. Город в романе Д. Коу предстает как универсальная проекция судеб его персонажей, их единое географическое и метафизическое хранилище, некий материальный аналог юнговского коллективного бессознательного. Умение героев найти себя в этом городе символизирует их способность адаптироваться к жизненным условиям, характеризует их стремление жить и выживать при любых обстоятельствах. Напротив, пространственная дезориентация, неспособность составить собственную когнитивную карту в постмодернистском повествовании непременно приводит к утрате основ, утрате личностной идентичности, потере себя, растворении себя в окружающем мире.

Список литературы

1. Jameson, Fredric. Postmodernism, or Cultural Logic of late Capitalism. Verso, 1991.
 2. Коу Д. Клуб ракалий. Роман. – Пер с англ. – М.: Фантом Пресс, 2008.
- Липчанская И.В. Образ города в литературе постмодерна: к постановке вопроса // Новая серия. Филология. Журналистика. 2012. Т.12. Вып. 3. С. 79-83.

**ДОРОЖНЫЕ РАБОТЫ КАК ОДНА ИЗ СОСТАВЛЯЮЩИХ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН ЧЕРНИГОВЩИНЫ
В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1943 ГГ.)**

Шаповаленко Е.Ю.

аспирант кафедры истории и археологии Украины Черниговского
национального педагогического университета имени Т.Г. Шевченко,
Украина, г. Чернигов

На основе архивных источников и воспоминаний очевидцев рассматривается дорожная повинность как неотъемлемая часть повседневности сельского населения в годы оккупации. Раскрывается политика оккупационной администрации в этой сфере и представлены характерные примеры выполнения этой повинности на местах.

Ключевые слова: оккупация, воспоминания, путевые работы, дорожные бригады, Черниговская область.

Повседневная жизнь населения Черниговской области во время нацистской оккупации в 1941–1943 гг., в историографии представлена недостаточно полно, поэтому принуждения населения к дорожным работам как один из сюжетов повседневной истории того времени, не нашел должного раскрытия в научной литературе. Данная статья призвана определенным образом заполнить пробелы в этом направлении исследований.

В оккупационный период транспортная система Черниговщины имела для немецкого командования стратегическое значение из-за своего географического положения, находясь на пути от Киева до Москвы, поэтому ей Вермахт уделял особое значение. Для удобства пользования коммуникациями немецкая полевая комендатура №197 (Нежин) своим постановлением от 22 июня 1942 г. поделила все пути области на четыре класса (государственного, областного, районного и сельского значения) [1, л. 34]. На региональном уровне ответственным за их ремонт и содержание было Областное управление дорожного строительства в городе Нежин с филиалами по мостостроению в городах Прилуки и Чернигов. [2, л. 88]. На местном уровне за состояние дорог отвечали районные управы.

С первых месяцев оккупации в управы стали поступать многочисленные указания от немецких комендатур по неотложному приведению дорог и мостов в надлежащее состояние, о чем последние, как органы местной власти, постоянно составляли отчеты. Например, Нежинская управа в своем донесении полевой комендатуре от 27 декабря 1941 г. на нескольких страницах характеризова-

ла состояние дорожного хозяйства района с рекомендациями по их восстановлению [3, л. 17-17 об.].

В январе-феврале 1942 г. началось использование труда местных жителей на дорогах. Немецкая администрация и подконтрольные ей местные управы в этот период уже нарабатывали первые директивы по применению рабочей силы на местах. Например, во временном положении по батуринскому дорожному отделу местной управы отмечалось, что старосты подконтрольных сел несут ответственность за свою территорию и формируют путевые бригады для ремонта поврежденных дорог. Отдельно определялось, что дорожные бригады от сельскохозяйственных общин и отдельные граждане должны работать за трудодни. Населению запрещалось возмещать свое отсутствие на дорожных работах деньгами. Все должно происходить только через отработку. [4, л. 97].

Отметим, что в течение всего времени оккупации постоянно выходили постановления как немецких комендатур, так и подконтрольных им местных управ об обязательных путевых работах для местного населения. Одним из первых был приказ №19. Межрайонной управы Черниговщины от 21.02.1942 г. Предполагалось привлечь все трудоспособное население для участия в очистке путей от снега. Для этого привлекались мужчины 18 до 60 лет, женщины от 18 до 50 лет. На работу все должны были являться со своими инструментами. Освобождались от трудовой повинности служащие, рабочие государственных, кооперативных и общественных учреждений и их жены, а также женщины, имевшие детей в возрасте до 5 лет, больные и немощные.

Этот приказ делал сельских старост ответственными за состояние дорог между населенными пунктами. Уклонение от работ каралось как за саботаж в период военного положения [5, л. 94-94 об.].

В дальнейшем возрастной ценз в постановлениях управы и немецкого командования подвергался постоянным изменениям. В постановлении Бахмачской управы от 14.03.1942 г. на путевые работы должны были выходить мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, а женщины от 18 до 40 лет. Варвинский районный старостат постановлением № 39 от 30.04.1942 г. предписывал отправить на путевые работы женщин от 18 до 45 лет, мужчин от 18 до 50 лет, евреев от 14 до 60 лет. [6, л. 60].

Постановление полевой комендатуры №197 № АЦ 62 / КЛ от 26.10.1942 г. «О обязательном участии всего населения в дорожном строительстве» определяло возраст мужчин от 16 до 60 лет, женщин 18 до 45 лет [7, л. 14]. Кроме того, этот приказ определял и другие аспекты дорожной отработки. Согласно ему, население должно работать с ноября по май, а в другие месяцы – по необходимости. Тех, кто отказывался, наказывали, согласно этому приказу, сначала штрафом размером в 100 руб., а при повторном отказе – заключали под стражу или передавали в лагеря принудительного труда [8, л. 14]. Освобождались от работ инвалиды I и II категорий, беременные женщины за 2,5 месяца до родов и 2,5 месяцев после родов, больные по справке от врача, рабочие, служа-

щие государственных, кооперативных и общественных учреждений, служители православных религиозных культов, старосты сел, старосты общественных хозяйств, секретари сельских старостатов и их иждивенцы, руководители добровольных пожарных дружин, сотрудники полиции, а также граждане, осужденные при советской власти за политические взгляды. Кроме того путевому отделу предоставлялся бесплатно гужевой транспорт с обслуживающим персоналом.

К участию в дорожных работах привлекалось население на расстояние до 15 километров от своего населенного пункта, тягловая сила до 30 километров. Для постоянного содержания дорог старосты сел и старосты хозяйств должны были выделять путевые бригады и постоянных ремонтников на соответствующие путевые участки за счет выполнения трудовой повинности. [9, л. 60].

Оккупационная администрация внимательно следила за состоянием дорог путем запретов местным жителям двигаться гужевым транспортом посреди дороги (только по обочине), выпасать скот вдоль дорог, нарушителям грозили серьезные наказания. [10, л. 190].

Анализ документальных источников доказывает, что на уровне населенных пунктов исполнение постановлений по содержанию дорог часто саботировались. Старосты общинных дворов Батурина ненадлежащим образом отреагировали на приказ местной жандармерии от 02.04.1942 г. направить 700 человек на расчистку дороги от снега. Как следствие жители Батурина были подняты в ночь на 3 апреля 1942 г. на выполнение этих работ, а старосты общин были оштрафованы по 500 руб. каждый [11, л. 196].

Частым явлением были угрозы управы сельским старостам, что с ними будет разбираться полевая комендатура в случае дальнейшего игнорирования дорожных работ. [12, л. 17]. Нередко старосты пытались использовать путевые бригады на других работах, что им строго запрещалось делать под угрозой штрафа в 500 руб. [13, л. 9]. Кроме того проверка фельдкомендатуры установила, что крестьяне с опозданием на 2-3 часа выходили на работы, поэтому население стали заставлять выходить в 7 часов утра [14, л. 168].

Достаточно низкой была и эффективность дорожных работ. Поэтому ортскомендатура № I/884 в распоряжении местном бургомистру от 05.04.1942 г. отмечала, что если вместе работают 15-20 жителей, а особенно если это женщины, то эффективность их работы достаточно низкая. Поэтому ортскомендатура рекомендовала распределять рабочих группами по 3-6 человек на работы на 2-3 часа [15, л. 4 об].

Вспоминали о дорожных работах и очевидцы тех событий. Неволько Анна Алексеевна отмечала, что в их селе Городище, Бахмачского района в годы немецкой оккупации: «... существовала дорожная бригада, выполнявшая путевые работы под надзором немцев ...» [16]. Другой свидетель – Донченко Анна Платоновна, жительница села Носеливка, Борзнянского района также вспоминала: «... на дорожные работы отправляли, в частности, на расчистку дорог от

снега ...» [17]. Лупко Федор Федорович, житель села Атюша Коропского района показал: «... через Сейм, у Матиивку (село Коропского района — авт.) делали мост деревянный. Всех кто мог, гнали на строительство. Моему отцу было 54 года, он был очень болен, но его забирали на строительство принудительно и он выдержал лишь 2 дня — умер ... » [18]. Кубрик Екатерина Захаровна из пгт Холмы Корюковского района вспоминала: «Направляли население окрестных сел строить дорогу, принуждали к этому мадьяры. Возили дубы из леса. Эта дорога есть еще и сейчас» [19]. Богун Степан Петрович из с. Курень Бахмацкого района отметил: «На дорожные работы немцы направляли. Я очень часто ремонтировал мост, который находился в Бахмаче, когда наша авиация осуществляла авианалеты и его разрушала. [20].

Итак, анализ документов и воспоминаний очевидцев свидетельствует, что в годы нацистской оккупации, немецкая администрация уделяла серьезное внимание состоянию путей сообщения в Черниговской области, из-за их значимости для войск Вермахта. Поэтому местное население постоянно привлекалось к путевым работам в пользу немцев. Однако на местном уровне постоянно возникали проблемы с рациональным использованием трудовых ресурсов через нежелание жителей работать на немцев и иногда формальным отношением к этому сельских старост.

Список литературы

- 1 Государственный архив Черниговской области (далее – ГАЧО). Ф. Р-3101. Оп.1. № 30 Л. 34.
- 2 ГАЧО Ф. Р-4369. Оп.1. № 33. Л. 88.
- 3 ГАЧО Ф. Р-4362. Оп.2. № 1. Л. 17-17 об.
- 4 ГАЧО Ф. Р-3197. Оп.1. № 14. Л. 97.
- 5 ГАЧО Ф. Р-3543. Оп.1. № 12. Л. 94-94 об.
- 6 ГАЧО Ф. Р-4227. Оп.1. № 9. Л. 60.
- 7 ГАЧО Ф. Р-4214. Оп.1. № 1. Л. 14.
- 8 ГАЧО Ф. Р-4214. Оп.1. № 1. Л. 14.
- 9 ГАЧО Ф. Р-4227. Оп.1. № 9. Л. 60.
- 10 ГАЧО Ф. Р-3086. Оп.1. № 23. Л. 190.
- 11 ГАЧО Ф. Р-3199. Оп.1. № 1. Л. 196.
- 12 ГАЧО Ф. Р-3221. Оп.1. № 35. Л. 17.
- 13 ГАЧО Ф. Р-3110. Оп.1. № 23. Л. 9.
- 14 ГАЧО Ф. Р-3221. Оп.1. № 35. Л. 168.
- 15 ГАЧО Ф. Р-3120. Оп.1. № 7. Л. 4 об.
- 16 Воспоминания Неволько Анны Алексеевны, 1928 г.р., с. Гордище, Бахмацкий район, Черниговской области, Украина // Личный архив автора.
- 17 Воспоминания Донченко Анны Платоновны, 1928 г.р., с. Носеловка, Борзнянский район, Черниговской области, Украина // Личный архив автора.
- 18 Воспоминания Лупко Федора Федоровича, 1930 г.р., с. Атюша, Коропского район, Черниговской области, Украина // Личный архив автора.
- 19 Воспоминания Кубрик Екатерины Захаровны, 1936 г.р., пгт Холмы, Корюковский район, Черниговской области, Украина // Личный архив автора.
20. Воспоминания Богуна Степана Петровича, 1925 г.р., с. Курень, Бахмацкий район, Черниговской области, Украина // Личный архив автора.

СЕКЦИЯ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

О МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Гульбин Г.К.

доцент кафедры философии,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
канд. историч. наук,
Россия, г. Томск

В статье методология гендерной культуры рассматривается в качестве элемента философии гендерологии и теории гендерной культуры. Изучение гендерной культуры позволяет оптимизировать решение гендерных вопросов, женского вопроса и мужских проблем в обществе. Методология гендерной экономической культуры вырабатывает теоретико-методологические идеи обеспечения социального и культурного анализа развития современного общества. Данное исследование предполагает рассмотрение гендерной экономической культуры с учетом специфики гендерологии и философии гендерологии.

Ключевые слова: гендерная экономическая культура, философия гендерологии, методология гендерной культуры, семейно-родственная гендерная деятельность.

На развитие гендерной культуры материнства, детства, отцовства, родительства и семьи оказывает заметное влияние экономический фактор. Современная гуманитарная и социальная науки изучают экономический и социокультурный факторы общественного развития полов. Гендерология, разрабатывающая методологические и практические проблемы женского вопроса и мужских проблем, изучает условия и перспективы свободной и достойной гендерной жизни в многообразии пластов жизни полов. Гендерология и философия гендерологии исследуют методологические вопросы гендерной экономической культуры.

Целью статьи является изучение методологических вопросов гендерной экономической культуры. Философия гендерологии обращена к актуальным проблемам гендерных социумов, рассматривая основы их прогресса. Заметной частью философии гендерологии является философия истории семьи, материнства, детства, отцовства, родительства. В ней прогресс этих гендерных социумов рассматривается как часть гендерной культуры.

Гендерная культура может быть определена как совокупность материальных и духовных гендерных ценностей, выработанных гендерными социумами и отдельными представителями полов в определенные эпохи своего развития [1]. Гендерная культура является универсальным явлением цивилизации. Классическая социальная наука XX века уделяет заметное внимание культуре полов как важнейшему элементу цивилизации. Замечательный представитель американ-

ской социальной антропологии М. Мид обратила внимание высшей администрации на значение культуры полов для устранения негативных социальных явлений. Изучение культуры полов в обществе позволяет прогнозировать его развитие – эта идея определила направление ее исследований между двумя мировыми войнами [2, 69].

Для основоположников современных социальной и культурной антропологии очевиден универсальный характер категории культуры деятельности экономического субъекта. Эту культуру они рассматривали с учетом материальных и духовных ценностей, в ней вырабатываемых. Методология антропологического исследования должна включать мотивы, направленность, знания культурного субъекта. Вместе с тем, классики теории культуры указывали на роль навыков, умений, эстетики и веры в формировании и успешном осуществлении хозяйственной деятельности.

В современных условиях осуществления хозяйственной жизни становится очевидной необходимость рассматривать ее содержание поверх станка, приносящего доходы, или офисного стола, глубокое осмысление и сопереживание ценностям окружающего мира. Следуя логике классиков социальных наук, можно определить культуру гендерных социумов и отдельной личности универсальными понятиями в формате гендерной деятельности.

Гендерная хозяйственная культура может быть определена как совокупность материальных и духовных ценностей, вырабатываемых в экономической деятельности полов, и мотивов этой деятельности. Гендерная экономическая культура предполагает не только профессиональную и технологическую культуру личности или социума. В ней особенно отчетливо проявляются ценности, имеющие универсальный характер и значение в жизни гендерного субъекта, многостороннее влияние в процессе формирования его значимых свойств и качеств, нравственности.

Это ценности семейного-родственного бытия. Их универсальность у народов мира указывает единство гендерной культуры человечества. В методологическом плане универсальность проявляется в понятийно-смысловом единстве семейно-родственной жизни. Можно указать на ряд понятий, присущих всем семьям народов мира. Для примера сошлемся на понятие гендерной деятельности, которая является одной из разновидностей индивидуальной и общественной деятельности. Гендерная деятельность может быть определена как социальная активность представителя пола в достижении гендерной цели. Она включает гендерные действия и гендерные отношения гендерных субъектов. Индивидуальная активность женщины или мужчины в достижении гендерной цели опосредованы гендерной культурой. Гендерная деятельность включает гендерные действия и гендерные отношения гендерных субъектов. Гендерные действия осуществляются с древних времен человеческой истории. Человеческое общество выработало множество гендерных образцов, гендерных механизмов, практик гендерного существования. Представляется методологически

правильным основывать эти образцы, механизмы, практики гендерного существования понятием «гендерное действие». Анализ понятия «гендерное действие» позволяет выделить разнообразные формы гендерного действия: 1) осваивающее рациональные средства и цели, 2) осваивающее рационально-ценностную ориентацию, 3) традиционное гендерное действие, 4) связанное с инстинктивной половой сферой как базовой в поведении пола.

К универсальным понятиям семейно-родственного бытия следует отнести гендерные детские, родительские, семейные, материнские, отцовские действия и отношения. Они могут быть определены как элементы гендерной экономической культуры. При этом, гендерная детская культура, гендерная родительская культура, гендерная семейная культура, гендерная материнская культура, гендерная отцовская культура могут быть определены как гендерной экономической культуры.

Гендерология и философия гендерологии исследуют методологические вопросы гендерной экономической культуры. Сформированные в экономической деятельности полов рациональные компоненты реализуются в коммуникативной и общественно-нормативной практике в форме гендерных идей, мыслей, чувств, желаний, намерений, воспоминаний, внимания, контролируемых волей и разумом. Это рациональные компоненты семейно-родственных экономических целей и мотивов. Семейные гендерные экономические идеи могут быть определены как составная часть материальных и духовных гендерных ценностей, вырабатываемых в семейной хозяйственной деятельности, гендерных мотиваций в ней. Родственные гендерные экономические идеи могут быть определены как составная часть материальных и духовных гендерных ценностей, вырабатываемых в родственной хозяйственной деятельности, гендерных мотиваций в ней. Родительские гендерные экономические идеи могут быть определены как составная часть материальных и духовных гендерных ценностей, вырабатываемых в родительской хозяйственной деятельности, гендерных мотиваций в ней. Отцовские гендерные экономические идеи могут быть определены как составная часть материальных и духовных гендерных ценностей, вырабатываемых в отцовской хозяйственной деятельности, гендерных мотиваций в ней. Материнские гендерные экономические идеи могут быть определены как составная часть материальных и духовных гендерных ценностей, вырабатываемых в материнской хозяйственной деятельности, гендерных мотиваций в ней. Детские гендерные экономические идеи могут быть определены как составная часть материальных и духовных гендерных ценностей, вырабатываемых в детской хозяйственной деятельности, гендерных мотиваций в ней. Философия гендерологии, как методология гендерологии, выполняет свою методологическую роль, увязывая гендерные понятия в единой картине гендерной культуры, что соответствует задачам синтеза современного изучения общественных проблем. Выступая методологией гендерных исследований культуры, философия гендерологии способствует выработке понятий, применимых в познании ряда сфер жизни материнства, отцовства, семьи, родительства и детства. Речь идет о

понятиях семейно-родственной гендерной экономической деятельности. Понятия семейно-родственной гендерной деятельности – основа для изучения экономической культуры материнства и детства, отцовства и родительства.

Теория и методология гендерной экономической культуры предполагают изучение культурно-экономических характеристик гендерных социумов: семьи, родительства, отцовства, материнства и детства, – экономическими целями и мотивами гендерных субъектов в них. В истолковании экономической культуры полов и ее форм в обществе обнаруживается инновационный характер философии гендерологии. Изучая понятия экономической гендерной культуры, философия гендерологии способствуют решению ее методологических вопросов.

Список литературы

1. Гульбин Г. К. О методологии изучения гендерной культуры // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 3. URL: www.science-education.ru/117-12886 (дата обращения 28.09.2014)
2. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

ПОНЯТИЕ «ИЗМЕНЕНИЕ» В ЛОГИКЕ И ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Семенова В.Г.

доцент кафедры русского языка, культуры и коррекции речи
Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ),
д-р филос. наук, доцент,
Россия, г. Таганрог

Понятие *изменение* – одно из самых весомых и значимых для человека, поэтому его интерпретация имеет фундаментальное значение для философии. Данная статья посвящена анализу понятия «изменение» с точки зрения логики и естественного языка.

Ключевые слова: изменение, перемена, темпоральность, существование, логика, естественный язык.

Человек воспринимает изменения как естественную форму жизни. Сознание верит, что *изменение* есть, что оно вполне реально и зримо, что это объективный факт, положение дел. Именно через *изменение* человек вступает в активные отношения с реальностью. В последнее время повышается интерес к самой идее изменения, которая привлекала и продолжает привлекать к себе внимание представителей различных областей знания. Однако специфика ментального объекта, стоящего за именем *изменение*, состоит в том, что информация о нем не верифицируема, сам он исходно многомерен и допускает множество интерпретаций. Поэтому появляющиеся исследования оставляют свободным то пространство, в рамках которого могут ставиться новые вопросы и пересматриваться старые ответы.

Что же стоит за именем *изменение*? Каковы границы этого понятия? Попробуем раскрыть сигнификат понятия *изменение*, выявив его существенные признаки. Коснемся лишь нескольких моментов, существенных для понимания природы изменения. Мы начнем, прежде всего, с доли участия в представлении о нем времени, поскольку “всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов” [1, с. 12]. В ситуации изменения существенно время: изменение предполагает не момент, а обязательно период времени, оно разворачивается на временном интервале.

В «Толковом словаре русского языка» понятие *изменение* трактуется через понятие *изменить* и интерпретируется как “сделать иным” [2, с. 74]. Авторы «Словаря сочетаемости слов русского языка» распространяют дефиницию изменения: *изменение* – “это перемена, приобретение других качеств, свойств и т.п.” [3, с. 242].

Апелляция к понятию *перемена*, понятию неясному вне контекста физических теорий и жизненной практики, не проясняет понятия *изменение*. Этот маленький экскурс в лексикографию показал, что лингвистические словари не дают определенного ответа на эти вопросы.

В логике понятие *изменение* означает “переход от одного положения дел к другому” [4, с. 35], “переход из одного состояния в другое состояние длящегося во времени объекта” [5, с. 230]. А. Данто отмечал, что “когда мы говорим об изменении, мы неявно предполагаем непрерывную самоидентичность объекта, подвергающегося изменению. Традиционно усматривали некую метафизическую необходимость в том, что неизменная субстанция должна пройти через изменение, иначе было бы некорректно вообще говорить об изменении” [6, с. 223]. В работе лингвистов Ф. Антинуччи и Л. Геберт компонент *изменение* толкуется как состояние, которое не существует, а позднее существует или, другими словами, переход этого состояния от несуществования к существованию. Из этого определения следует вывод, что *измениться* может только то, что уже существует: *измениться* значит “начать быть другим”. Поэтому *изменить* является модификатором другого – бытийного – предиката «существовать», «иметь место». М. Гиро-Вебер, говоря о понятии *изменение* применительно к проблеме соотношения вида и семантики глагола и ссылаясь на то, что она заимствует это понятие из трудов Ф. Антинуччи и Л. Геберт, использующих его при анализе семантики вида в польском языке, пишет: “Изменение – семантический признак глагольной ситуации. Оно обозначает некоторую модификацию, касающуюся субъекта или объекта действия, вызванную достижением предела действия и, следовательно, его завершением. Присутствие изменения связано с совершенным видом, его отсутствие – с несовершенным” [7, с. 104]. Здесь можно высказать возражение: существуют разные типы изменения, причем один из них может выражать несовершенный вид глагола. Это происходит тогда, когда при помощи несовершенного вида выражается процесс, направленный к пределу, например: *Я спускаюсь на первый этаж; Мальчик*

складывал книги в портфель. Отметим здесь то, что протекание таких процессов охватывается понятием *изменение*.

Обратимся к методологическим аспектам процесса изменения, который предполагает обращение к проблеме противоречия. В настоящее время подход к исследованию процесса изменения характеризуется, как правило, применением формальных моделей. Переход одного состояния объекта изменения к другому состоянию есть процесс, а значит, он должен осуществляться на временном интервале. Это является необходимым условием. Однако проблема исследования логическими средствами противоречивости изменения не сводится только к обсуждению статуса формулы $A \wedge \neg A$. Сущность изменения состоит в выявлении и описании переходного состояния, в котором и происходит *изменение*.

Обозначим исходное состояние объекта на интервале T-0 через p , тогда другое состояние объекта на интервале T-2 примет вид $\neg p$. Знак отрицания указывает на состояние изменяющегося объекта, которое отличается от p , но не находится с ним в противоречии в строгом смысле этого слова. Между подобными состояниями объекта изменения имеет место еще одно состояние воздействия на интервале T-1, которое и будет состоянием перехода. Оно не является ни состоянием p , ни состоянием $\neg p$. По всей видимости, эта аргументация абсолютно правильна, однако она не объясняет следующих случаев: между *холостым* и *женатым*, *мертвым* и *живым* состоянием нет никакой середины, никаких переходных состояний. Отрицание одного состояния совпадает, по существу, с утверждением другого, полярного ему состояния.

Можно пойти и другим путем. Примем исходное состояние за p , а конечное – за q , тогда в исходном подинтервале состояние будет описываться формулой $p \wedge \neg q$, а в конечном – $\neg p \wedge q$. Что же происходит в интервале изменения при переходе от начального интервала к конечному? Более адекватным представляется случай, когда мы имеем дело с формулой $|\neg p \wedge \neg q|$ в интервале перехода. Поскольку процесс еще не завершился, правомерным будет сказать, что уже не существует исходного состояния p , но еще и не наступило конечное состояние q . Можно предложить и другое решение рассматриваемой проблемы. Так, указанную выше конъюнкцию $|\neg p \wedge \neg q|$ можно разделить на два конъюнкта $|\neg p|$ и $|\neg q|$ и оценивать их отдельно на интервале перехода. Но тогда « \rightarrow » не будет означать изменения, а приобретет иной смысл, а именно: $|\neg p|$ содержательно означает «прекращает быть p », соответственно, $|\neg q|$ – «начинает быть q ». В обоих случаях речь идет о неоконченных процессах, которые ведут к качественно иному уровню исследования: от изменения к тенденциям изменения, от бытия изменяющегося к бытию становящемуся.

Основным символом логики изменения Г. фон Вригта выступает темпоральная конъюнкция, являющаяся общим схематическим представлением высказываний о различных типах событий, обозначенная посредством символа

«Т». Событие, представленное в виде pTq , где аргументами слева и справа от Т являются состояния, будет изменением, т.е. переходом от состояния p к состоянию q . Выражение « $p T q$ » читается так: “Сейчас происходит событие p , а затем, т.е. в следующий момент, происходит событие q ”.

Обратимся к примеру Г. фон Вригта: *окно открыто – окно закрыто*. Пусть p означает начальное состояние объекта (*окно открыто*), тогда $\neg p$ будет означать другое состояние того же самого объекта (*окно закрыто*), т.е. конечное состояние. Формула $\neg pTr$ будет означать обратный переход. По мнению Г. фон Вригта, темпоральная конъюнкция может быть прочитана как «и затем», так «и в следующий момент». Кажется, содержание понятий типа *открыто/закрыто* предполагается очевидным и не требующим дальнейшего анализа. Более внимательный анализ показывает, однако, что глаголы типа *закрывать* могут обозначать действие (*закрывает кастрюлю крышкой, закрывает окно*), процесс (*Тучи постепенно закрывают небо*) и состояние (*Эта шляпа закрывает мне экран*). И в каждом из этих случаев имеется разная «формула» толкования.

Отрицание может получать нетрадиционное понимание и может читаться как “другое, чем p ”. Под последним может быть рассмотрено любое состояние изменяющегося объекта (p, q, r, \dots и т.д.). По мнению В.В. Попова, темпоральную конъюнкцию при построении логики изменения следует читать так: 1) “было p , а затем было $\neg p$ ” или 2) “было p , а затем (теперь) стало $\neg p$ ” (проще: “было p , а теперь $\neg p$ ”). В первом случае получим «чисто прошлую» логику изменения, во втором случае – логику, предполагающую, что процесс изменения начался в прошлом, а закончился в настоящее время.

Таким образом, понятие *изменение* наиболее естественным образом применимо к интервалам, а также к тому, что «расположено» на интервалах (к содержанию интервалов), – ситуациям. В основании концепта изменения лежит идея линейности (но не обязательно прямолинейности). Являясь семантической категорией, *изменение* связано с идеей времени. Изменение связано как с началом, так и с концом. С изменением одновременно ассоциируется и начало (замысел) и конец (результат). Поэтому для концепта изменения так важен образ пути, имеющего отправной пункт и пункт назначения.

Список литературы

1. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – 183 с.
2. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1993. – 897с.
3. Словарь сочетаемости слов русского языка. – М., 2002. – 764 с.
4. Вригт фон, Г.Х. Логико-философские исследования. – М., 1986. – 234 с.
5. Попов, В.В., Щеглов, Б.С. Теория рациональности (неклассический и постнеклассический подходы). – Ростов н/Д., 2006. – 202 с.
6. Данто, А. Аналитическая философия истории / Перевод с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. – М., 2002. – 211 с.
7. Гиро-Вебер, М. Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 34-42.

СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

Козлова Н.С.

доцент кафедры социал. психологии
Ивановского государственного университета,
канд. психол. наук,
Россия, г. Иваново

Комарова Е.Н.

ст. преподаватель кафедры социал. психологии
Ивановского государственного университета,
Россия, г. Иваново

В статье рассматривается процесс самоактуализации личности в интернет-среде. Анализируется активность, деятельность и общение личности в виртуальном пространстве с точки зрения раскрытия своего потенциала. Приводятся гендерные различия.

Ключевые слова: самоактуализация, гендерные различия, интернет-среда, вовлеченность в виртуальное-пространство.

Проблема самоактуализации является одной из самых востребованных как в социальной психологии, так и в психологии личности. Главный вопрос в этой сфере – сам термин, то есть как понимать категорию «самоактуализация» личности. Так, А. Маслоу, который является, по сути, основателем данной области психологии, полагал, что это «полное использование и реализация способностей, таланта, потенциала личности» [3]. Среди отечественных психологов больше всего данным вопросом занималась Л.А. Коростылева. В ее работах присутствует четкое разграничение самоактуализации и самореализации. Первая – «выражение себя, своей истинной природы во вне»; а вторая – это «осуществление возможностей развития "Я" посредством собственных усилий, творчества, содеятельности с другими людьми (ближним и дальним окружением), социумом и миром в целом» [2]. Е.Н. Городилова самоактуализацию рассматривает как характеристику человека, его состояние, и как особенность динамики его развития [1].

Все эти определения, не смотря на различия, сводятся к тому, что в любой активности личности всегда будет проявляться ее стремление к самоактуализации. Это позволяет нам предполагать, что и в рамках деятельности и общения человека в интернет-сети, будет проявляться тоже стремление. В связи с

этим нам бы хотелось рассмотреть особенности самоактуализации личности в виртуальной среде, при этом учитывая и гендерный аспект.

Обработка результатов эмпирического исследования включала в себя определение гендерных различий на основе Т-критерия Стьюдента. Далее мы будем приводить только те закономерности, которые обнаружены на статистически значимом уровне, при ошибке меньше 0,05.

Остановимся сначала на анализе того, какое направление и вид активности в интернете будут свойственны мужчинам и женщинам.

Представители сильного пола более активно участвуют в различных форумах (средний балл 3,5 и 2,2 у женщин), чаще играют (4,6 и 2,3) и скачивают игры (2,1 и 1,2), осуществляют денежные операции (3,1 и 2,1) опережают женщин по количеству социальных сетей, в которых состоят (3,5 и 2,6). Другая их особенность – устройство своей частной жизни. Они осуществляют романтические знакомства (4,6 и 2,3) и удовлетворяют сексуальные потребности (1,6 и 1). Также они сами указывают на то, что интернет помогает им в творческой самореализации (0,23 и 0,05).

Таким образом, мы видим, что у мужчин, с одной стороны, присутствует практическое – деловое использование интернет-ресурсов, а, с другой, сеть становится для них возможностью реализовать свою личную жизнь и творческий потенциал.

Женщины, по полученным данным, чаще размещают свои фотографии (средний балл 2,9 и 2,3 у мужчин), узнают новости о знакомых (2,9 и 2,2), поддерживают контакт с теми, с кем редко встречаются в реальности (2,9 и 2,3). И здесь мы можем уже оценить специфику женской вовлеченности в виртуальное пространство. Она гораздо уже, чем у мужчин, и связана в основном с общением и самопрезентацией. Еще одна, именно женская особенность использования интернета, заключается в том, что представительницы «прекрасного» пола именно в сети выкладывают информацию и сведения о себе, которые никому никогда не сообщали в реальной жизни (2,6 и 3,2). Это как раз свидетельствует не только о самопрезентации, но и стремлении к публичности, размывании границ собственного Я, и как итог этого подмена продуктивного пути самореализации ложным.

Стоит отметить, что в рамках вопроса о мотивах и потребностях, уводящих личность в виртуальное пространство, гендерных различий практически не обнаружено. Единственная особенность – женщины чаще обращаются к интернету в поисках покровителя (0,52 у женщин, 0,14 у мужчин). На наш взгляд, эта потребность присуща женщинам и в реальной жизни, гораздо больше, чем мужчинам, в силу исторического развития мужских и женских ролей. Именно поэтому она сильнее чем у мужчин реализуется и в интернете. Данная среда значительно облегчает им подобные поиски.

Обнаружены различия в том, как интернет по мнению респондентов повлиял на их жизнь. Мужчинам свойственна очень позитивная оценка: они указывают на большую разнообразность развлечений предоставляемых сетью (0,42 мужчины и 0,13 женщины), экономию времени и денег (0,57 и 0,27). У них также появилось ощущение безнаказанности (0,7, а у женщин подобного чувства нет вообще). В то время как у женщин влияние интернета куда более конкретно и направлено исключительно на них самих: они начали заниматься спортом (0,19) и стали больше уделять внимания своему внешнему виду (0,15 – у мужчин оба показателя нулевые). Это происходит за счет того, что обладая огромными информационными ресурсами виртуальное пространство способно удовлетворять потребности личности, доминирующие в реальной жизни.

В итоге можно сделать следующие выводы. Во-первых, интернет, по своей сути, прежде всего, среда, в которой реализуются и актуализируются имеющиеся в реальной жизни потребности и роли, в том числе и гендерные.

Во-вторых, активность мужчин в сети более разнообразна. Помимо использования интернета для решения конкретных задач и развлечений, самоактуализация начинает проявляться в творческой и личной, сексуальной сфере. У женщин все ограничивается коммуникациями и самопрезентацией, а также, в некоторых случаях, происходит подмена истинной самоактуализации – самовыражением.

Список литературы

1. Городилова, Е. Н. Самоактуализация и ее связь с интегральной индивидуальностью: монография / Е. Н. Городилова. – Пермь : Перм.гос. ун-т, 2002.
2. Коростылева, Л.А Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. – СПб.: Речь, 2005 – 222 с.
3. Маслоу, А. Мотивация и личность. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.

ОБСУЖДЕНИЕ О ОШИБКАХ МАЛАЗИЙСКИХ АВИАЛИНИЙ В АНТИКРИЗИСНОМ PR-МЕНЕДЖМЕНТЕ

Лю Шуйцин

аспирант кафедры рекламы и связь с общественностью факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

В данной статье рассмотрен негативный опыт антикризисного PR-менеджмент Малазийских авиалиний в ситуации с пропажей самолета этой авиакомпании в 2014 г. Новинка и актуальность включают в том, что такая ситуация, которая привлекала мировое внимание, еще идет в процессе, и данная проблема мало изучена с точки зрения связи с общественностью и требует дальнейших исследований.

Ключевые слова: антикризисный PR-менеджмент, самолет рейса МН370, общественное мнение, 5 принципах антикризисного PR.

Утром 8 марта 2014 г. была потеряна связь лайнером Боинг-777-200 Малазийских авиалиний, следовавшим в Пекин. Последующая многодневная поисково-спасательная работа не дала никакой информации о произошедшем. На борту находилось 239 человек, среди пассажиров были 134 граждан КНР, 38 граждан Малайзии, 1 гражданин России, а также 12 членов экипажа. Это происшествие привлекло внимание всего мира. Уже прошло более двух месяцев с момента пропажи самолета, поиски завершены, и можно подвести кое-какие итоги[1]:

Самолет рейса МН370 пропал с радаров и перестал выходить на связь 8 марта 2014 г. в воздушном пространстве у границ Малайзии и Вьетнама. Малазийская авиакомпания сообщила о потере связи только через 4 часа после происшествия, при этом подаваемая ей информация была уклончива и противоречива. Такое поведение авиакомпании вызвало огромное негодование международного общественного мнения.

Это действительно сложный случай, о котором трудно что-либо говорить уверенно, но, тем не менее, это дело вызвало широкий международный общественный резонанс. Данная ситуация стала огромным испытанием способностей Малазийских авиалиний и впоследствии правительства Малайзии вести связи с общественностью в условиях.

Пропажа самолета с пассажирами на борту освещалась в условиях взаимосвязанной информационной среды, путаницы в источниках информации, и трудности контроля процесса ее распространения. Отсутствие информации от Малазийских авиалиний, как ответственной стороны, означало самую плохую новость, и от начала до конца поведение Малазийских авиалиний можно оценить яркий пример полного провала антикризисного управления в связях с общественностью.

Автор данной статьи разделяет и поддерживает выдвинутый известным китайским специалистом в области связей с общественностью Ю Чанцяо тезис о 5 принципах антикризисного PR: принятие ответственности (shouldering the matter), искренность в общении (sincerity), быстрота реакции(speed), системность (system), поддержка властей (standard) [2, с. 89]. Малазийские авиалинии антикризисном PR-менеджменте в данной ситуации совершили три главные ошибки.

Во-первых, медлительность ответной реакции. Информация о пропаже самолета была широко распространена СМИ ранним утром 8 марта. Однако авиакомпания в первое время не торопилась реагировать на эту ситуацию, и собрала пресс-конференцию только во второй половине дня. В антикризисном PR

давно существует понятие о первых «золотых 4 часах» [3, с. 56], в течение которых очень важно быстро сформировать и огласить свою позицию по какому-либо вопросу; в эпоху Интернета, это «золотое» время еще более сократилось.

Во-вторых, недостаток честности в общении. СМИ не получали от Малазийских авиалиний достоверную информацию о развитии событий, что создавало почву для появления различных домыслов. СМИ и общественность выдвигали различные догадки о произошедшем, и зачастую эти догадки и слухи носили негативный характер. Затем у общественности появилось ощущение, что Малазийские авиалинии постоянно только оправдываются, но не дают достоверной информации.

В-третьих, недостаток искренности в отношении. На первой пресс-конференции 8 марта выступил только пресс-секретарь, который поспешно в общих чертах описал ситуацию. Перед лицом такой серьезной критической ситуации на пресс-конференции не было высших руководителей (представители высшего руководства КНР также отсутствовали). Вечерняя пресс-конференция была еще более неудачной, кроме того, что место проведения назначенной на 22.30 пресс-конференции неожиданно в последний момент было изменено, она началась только через 2 часа после назначенного времени. В итоге ситуация на самой пресс-конференции накалилась и полностью вышла из-под контроля, ее пришлось принудительно прекратить, отключив в зале электричество. Родственники пассажиров и журналисты длительное время ожидавшие этой пресс-конференции так и не получили какой-либо достоверной информации. Такое отношение Малазийских авиалиний на пресс-конференции еще более усугубило положение и, несомненно, явилось причиной еще более глубокого осуждения со стороны общественного мнения.

Перечисленные выше наиболее грубые ошибки Малазийские авиалинии продолжили совершать и в дальнейшие дни, надеясь на то, что кризисная ситуация разрешится или угаснет сама собой с течением времени, либо произойдет другое более резонансное событие, которое отвлечет внимание общественности.

Список литературы

1. Катастрофа МН 370. [Электронный ресурс] / – Режим доступа: <http://cpc.people.com/n/2014/0310/c83083-24583860.html>
2. Ю Чанцяо. Антикризисный PR-менеджмент. Пекин., 2006. – С.89.
3. Справочник антикризисный PR-менеджмент в сетевом веке / Чжан Синцзе, Мин Цзин и др. Пекин., 2013. – С.56.

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ИНЖЕНЕРОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Майборода Т.А.

доцент кафедры психологии
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», канд. пед. наук,
Россия, г. Ставрополь

Строй Г.В.

доцент кафедры психологии
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
канд. психол. наук,
Россия, г. Ставрополь

Дрожжина Н.Б.

доцент кафедры психологии
ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
канд. психол. наук,
Россия, г. Ставрополь

В статье рассмотрены результаты экспериментального исследования влияние уровня развития профессионально-личностных компетенций инженеров на эффективность их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессионально-личностные компетенции инженеров, эффективность профессиональной инженерной деятельности.

Инженер – главный субъект научно-технической модернизации страны, в своей деятельности реализующий основополагающие принципы инженерной философии и культуры, опирающийся на высшие нравственные ценности, стремящийся к творчеству, способный видеть целостность, взаимосвязанность различных процессов, прогнозировать экологические, социальные, этические последствия своей деятельности. Однако на данном этапе развития российского рынка труда обнаруживается острый дефицит специалистов в инженерной области, способных осуществлять свою профессиональную, в частности, инновационную деятельность на высоком уровне эффективности [3].

В настоящее время произошли следующие изменения в профессиональной деятельности инженера:

1. Все активнее развиваются новые технологии (нанотехнологии, компьютерные психотехнологии, новейших информационных технологий и др.);
2. В современной инженерной деятельности происходит интеграция технического, естественнонаучного и социально-гуманитарного знания;

3. Наблюдается сближение деятельности инженера промышленной сферы производства, функциями которого являлось грамотная эксплуатация технических комплексов, организация и технология производства (т.е. в большей степени практическая направленность деятельности), с деятельностью инженера, занимающегося научной работой, направленной на создание принципиально новых систем и технологий;

4. Уровень развития современной системы промышленного производства выдвигает определенные профессиональные требования к инженеру как специалисту, способному к инновационной деятельности в условиях этого производства. Это связано с увеличением количества и усложнением применяемой на производстве техники и технологии, изменением свойств разнообразных материалов, возникновением новых форм управления производством;

5. Третья технологическая волна, приведшая к информатизации общества, выдвинула новые требования по отношению к личностным характеристикам специалиста, к которым можно отнести его способность быстро реагировать на изменения, творчество, инициативность, коммуникабельность, разносторонность.

Специфика современной инженерной деятельности предъявляет высокие требования не только к уровню профессиональных знаний и умений специалистов, но и к наличию у них таких личностно-профессиональных компетенций как способность быстро реагировать на изменения, креативность, инициативность, разносторонность и др. Изменения требований профессиональной деятельности инженера обусловили развитие у него новых личностно-профессиональных компетенций для ее успешного выполнения. Как показано в наших исследованиях [4,5] в систему показателей акмеологического развития инженера кроме аттентивных, управленческих, сенсорных и моторных качеств, вошли коммуникативные и волевые качества, а также качества саморегуляции. Те качества инженера, развитие которых раньше определяло его профессиональную успешность, продолжают оставаться актуальными и сегодня, но к ним дополнительно добавился ряд новых характеристик, связанных с изменениями в профессиональной деятельности инженера и условиями ее осуществления.

Учитывая, что акмеологическое развитие инженера осуществляется в системе социальных условий, а также тот факт, что инженер осуществляет свою деятельность в профессиональной группе, нам необходимо рассмотреть социально-психологические закономерности акмеологического развития инженера.

Анализ результатов, полученных в социально-психологическом исследовании, проведенным А.В. Комраковым [1], позволил ему прийти к выводу, что в связи с новыми экономическими условиями существования промышленных предприятий между работодателями и наемными работниками на них устанавливается совершенно новая система отношений. Отношение к работнику как к источнику прибыли привело к ухудшению социально-психологических взаимоотношений в группе, с работодателями и руководителями трудовых коллективов

разных уровней, а также актуализировало у специалистов стремление к изменению этого отношения.

Для того чтобы уточнить эти данные, мы провели экспертную оценку эффективности профессиональной деятельности (ЭПД) инженеров и уровня развития профессионально-личностных компетенций инженеров и их руководителей. Так как наше исследование имеет акмеологическую направленность, то нашей задачей является выявление зависимости профессиональной успешности инженеров и их руководителей от уровня развития их профессионально-личностных компетенций, а также определение влияния эффективности деятельности руководителя на успешность деятельности инженеров, работающих под его началом. Поэтому на данном этапе исследования мы в качестве испытуемых взяли только инженеров с полярным уровнем эффективности их деятельности: высоким и низким. Для проведения экспертного опроса использовалась информационная система экспертной оценки и самооценки профессионально-важных качеств инженеров промышленного производства [2].

В качестве экспертов (от 10 до 12 экспертов на одного оцениваемого) выступали непосредственные и вышестоящие руководители, коллеги по трудовому коллективу, а также дополнительно использовались данные аттестации кадров, экономические показатели, наличие патентов и рацпредложений, принесших экономическую прибыль предприятию.

Проведенное нами корреляционное исследование взаимосвязи показателей профессиональной успешности руководителей (56 человек) и инженеров (348 человек) промышленного производства с профессионально-личностными компетенциями позволило нам выявить ряд закономерностей.

В группе успешных руководителей (22 человека) выявлена тенденция к сильной корреляционной прямой связи с вероятностью допустимой ошибки 0,01 эффективности профессиональной деятельности (ЭПД) с такими группами как: мыслительные (0,732), речевые (0,672), коммуникативные (0,584), управленческие (0,566), деловые (0,557), мотивационно-целевые качества (0,548), и качества саморегуляции (0,614).

В отличие от успешных руководителей в группе менее успешных руководителей (34 человека) были выявлены прямые корреляционные зависимости с другими профессионально-личностными компетенциями: аттенциональные (0,523), мнемические (0,644), мыслительные (0,609), мотивационно-целевые (0,497) и волевые качества (0,563).

Таким образом, эффективность профессиональной деятельности руководителей, работающих на промышленных предприятиях, коррелирует с мотивационно-целевыми и мыслительными качествами. Низкий уровень эффективности управленческой деятельности руководители компенсируют за счет развития познавательных процессов (аттенциональные и мнемические качества) и волевых качеств.

В группе инженеров с высокой эффективностью их профессиональной

деятельности (90 человек) нами были установлены следующие прямые корреляционные связи между уровнем ЭПД и такими профессионально-личностными компетенциями: как аттенциональные (0,671), мнемические (0,767), имажитивные (0,693), мыслительные (0,746), коммуникативные (0,588), мотивационно-целевые (0,590), деловые (0,495) и волевые качества (0,822), качества саморегуляции (0,478).

В группе инженеров с низкой эффективностью их профессиональной деятельности (258 человек) нами были установлены прямые корреляционные связи между уровнем ЭПД и такими профессионально-личностными компетенциями как коммуникативные (0,638), мотивационные (0,565), эмоциональные (0,474) и нравственные качества (0,770).

Выявленные различия во взаимосвязях ЭПД с профессионально-личностными компетенциями у успешных и менее успешных инженеров свидетельствуют о том, что у инженеров с низкой эффективностью трудовой деятельности происходит компенсация низкого уровня развития познавательных и волевых процессов, а также деловых качеств и качеств саморегуляции за счет более высокого развития эмоциональных и нравственных качеств.

Далее мы провели сравнение количества инженеров с высокой и низкой эффективностью профессиональной деятельности в профессиональных группах, которыми руководят администраторы с высоким и низким уровнем ЭПД.

Проведенное исследование позволило обнаружить следующую зависимость: в тех трудовых группах, где руководство осуществляют специалисты с высоким уровнем ЭПД, работает и больший процент успешных инженеров (42,9%), в отличие от производственных коллективов, руководимых менеджерами с низким уровнем ЭПД (14,4%). Таким образом, для повышения эффективности профессиональной деятельности инженеров необходимо развивать не только их профессионально-личностные компетенции, определяющие успешность этой деятельности, но и профессионально-личностные компетенции их руководителей.

Список литературы

1. Комраков, А.В. Социально-психологические особенности организаций периода становления рыночной экономики [Текст]: дис. ... канд. психол. наук / А.В. Комраков. – М., 2004. – 145 с.
2. Кудряшов, О.А. Информационная система экспертной оценки и самооценки профессионально-важных качеств инженеров промышленного производства / О.А. Кудряшов, Т.А. Майборода, Н.Г. Бондарь // Официальный бюллетень Российского агентства по патентам и товарным знакам «Программы для ЭВМ базы данных топологии интегральных микросхем» №1(58), Москва, 2007. –С.157.
3. Кудряшов, О.А. Личностно-профессиональный потенциал инженера-новатора/ О.А. Кудряшов, Т.А. Майборода, Е.В. Селезнева // Вестник АПК Ставрополя. – 2013. – № 3 (11). – С. 10-13.
4. Майборода, Т. А. Системно-исторический анализ профессионального развития инженера: акмеологический подход: монография / Т.А. Майборода; под общ. ред. Деркача А.А.; науч. ред. Е.В. Селезнева. – М.: Илекса, 2007. – 508 с.

5. Майборода, Т. А. Акмеологическое развитие инженера промышленного производства: теория и практика: монография / Т.А. Майборода; под общ. ред. Деркача А.А.. –М.: Илекса, 2010. – 363 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В КИТАЕ: ПЕРЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА

Малашонок С.Г.

студентка социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

Мамедов А.К.

зав. кафедрой социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова,
д-р социол. наук, проф.,
Россия, г. Москва

Данная статья посвящена становлению «нового» пространства социальных медиа в Китае. В статье анализируется реформатирование медийного пространства Китая, появление новых акторов.

Ключевые слова: социальные медиа, медиaprостранство, социальные сети, Интернет, общественное мнение.

В отечественной научной литературе за период с конца 19-го века до сегодняшнего дня прижилось и активно используется понятие «коммуникации», рождая в сочетании с другими терминами все новые и новые области исследования. Особого внимания в приведенном исследовании заслуживает проблематика Интернет-коммуникаций. Как правило, под Интернет-коммуникацией (или виртуальным общением) понимается опосредованное компьютером общение двух или более лиц, характеризующееся невидимостью коммуникантов, письменной формой посылаемых сообщений, возможностью незамедлительной обратной связи, а также взаимодействием электронными сообщениями или же взаимным обменом и правом доступа к информации, хранящейся в компьютерах коммуникантов [1]. Так, все средства коммуникации, происходящей в сети Интернет, или по-другому электронные средства онлайн-коммуникации в данном исследовании обозначены собирательным термином «социальные медиа». Понятие «социальные медиа» весьма широкое. Ряд исследователей определяет его как вид массовой коммуникации, имеющей место в Интернет-пространстве [2], другие ученые понимают под ним набор средств, то есть Интернет-платформ, с помощью которых эта коммуникация осуществляется [3] (авторы статьи тяготеют к последнему приведенному определению). Необходимо дать классификацию социальных медиа, действующих в Интернет-пространстве Ки-

тая. Уинфилд и Пенг предлагают следующие три типа социальных медиа: официальные общедоступные медиа (“official mainstream media”), внешние круги (“outer circles”), пограничные медиа (“fringe media”) [4]. На основе изложенной классификации автор статьи предлагает выделять следующие типы медиа, важные для данного исследования: традиционные (то же, что официальные общедоступные) и новые – социальные медиа, которые в свою очередь включают в себя социальные сети, альтернативные медиа и околосетевое окружение. К последнему следует причислять часть профессиональных журналистов, постоянно работающих на традиционные медиа, готовых и желающих сотрудничать с социальными медиа. Под альтернативными медиа (“civic media” [5]) в данном исследовании мы будем понимать уникальные медийные продукты, создаваемые для продвижения определенной идеи, не относящиеся к ведущим социальным Интернет-платформам (в России, например, Интернет-проект А. Навального»). Альтернативные медиа понимаются современными исследователями по-разному. Так, Аттон считает [6], что их необходимо рассматривать в тесной связи с социальными сетями, в то время как Боуман и Уиллис считают [7] что отношения альтернативных медиа и социальных сетей можно обозначить как симбиотические: с помощью последних идея, зародившаяся в альтернативных медиа приобретает огласку и становится предметом обсуждения.

Следует также определить другие, используемые в исследовании понятия. Так, медиасферой мы называем весь комплекс средств массовой информации и коммуникации, включая социальные и традиционные медиа. В связи с кардинальными реформами 1990 – 2000 г.г. годов облик и структура медиасферы в КНР системно изменились, что привлекло внимание исследователей. Появились принципиально новые акторы медийного поля. «Бум» социальных сетей в Китае в последние десять лет не мог не повлиять на особенности формирования общественного мнения в стране. До последнего времени в Китае не существовало другого общественного мнения, кроме сформированного и контролируемого государством. В условиях так называемого рыночного социализма средства массовой информации – далее в исследовании «традиционные медиа» – скорее корректировали и задавали тон общественному мнению, нежели являлись его отражением. Однако с развитием средств Интернет-коммуникации – далее в исследовании «социальные медиа» – обычные граждане получили возможность влиять на подконтрольные государству СМИ и доносить свое отношение к острым социальным вопросам до широкой общественности. В отечественной социологической литературе нет аналогов подобных исследований: сама проблема открытых социальных медиа для Китая относительно нова и имеет весьма отдаленное отношение к социальным проблемам в России, что делает ее мало привлекательной для исследования Российскими социологами. Кроме того вопрос формирования общественного мнения в Китае долгое время представлялся сложным для изучения западными учеными в силу ограниченного доступа к информации. Многие современные исследователи [8] склонны по-

лагать, что медиасфера в Китае сейчас находится на переходном пути своего развития: от модели рыночного социализма, господствующей в Китае до вступления в ВТО в 2001-ом году, – к модели подконтрольной государству капиталистической корпорации. С начала реформ 80-ых годов медиасфера претерпела значительные перемены, однако, несмотря на высокую коммерциализацию к началу 2000-ых г.г. она неизменно оставалась монополией государства.

Нельзя при этом не признавать, что модель рыночного социализма сильно изменила облик медийной сферы в Китае: от ориентированной исключительно на коммунистическую пропаганду – к ориентированной на аудиторию [9]. Тем не менее, эта модель основывалась на теории коммерциализации медийной сферы при безраздельной собственности государства на медиаресурсы, что сделало их распределение с помощью «невидимой руки рынка» сложно достижимым, если не невозможным. В Китае не существовало частной собственности на средства информации с 1950-ых до середины 1990-ых – вплоть до реформ Дэна Сяопина, когда появились первые частные инвестиции в медиасектор. Десять лет государственной монополизации средств информации, наравне с практически отсутствующей рыночной конкуренцией и неизменными механизмами слежения за медийными организациями в условиях рыночного социализма привели к повсеместной институционализации коррупции в среде китайской журналистики. В 2003 году три ведущих новостных агентства Китая были замешаны в коррупционных скандалах [10]. Наибольший социальный резонанс вызвал инцидент, произошедший в 2002-ом году, когда группа журналистов ряда новостных служб оказалась замешана в сокрытии от общественности (за существенное вознаграждение) взрыва мины, унесшего за собой жизни 39-ти жителей провинции. После вступления КНР в ВТО кризис рыночного социализма только усиливался – и в 2004-ом году на ежегодном собрании Парламента были приняты изменения в Конституции КНР, защищающие частную собственность и права человека, что не имело прецедентов в истории Китая со времен Коммунистической Революции. Была введена частичная приватизация средств массовой информации, превращающая их в акционерные корпорации. И хотя государство по-прежнему оставляло за собой право закрывать и перепродавать убыточные компании во всех секторах экономики, новые правила впервые допустили частные инвестиции в медиасектор (их доля, однако, не должна была превышать 40 процентов бюджета организации).

Также стоит отметить тот факт, что за неделю до вступления в ВТО в октябре 2001-го Китайское Правительство дало разрешение Гонконгской телевизионной компании «Феникс Телевижн», находящейся в совместном владении с «Руперт Мердок Стар Груп», транслировать неновостные программы напрямую по кабельному телевидению в провинции Гуандон. К 2003-ему году более пятидесяти иностранных журналов открыли представительство в КНР и стали выпускать китайскоязычные издания [11].

Среди причин перечисленных выше изменений в отношении политики частных и иностранных инвестиций в медиасектор экономики можно выделить следующие, сформулированные Ч. Хуаном в цитируемой ранее работе. [12]

1. Привлечение частных инвестиций обусловлено стремлением сократить нехватку средств в медиасфере, появившуюся за период с начала 1990-ых, а так же снизить давление со стороны инвесторов, рвущихся в медийный сектор, – движение навстречу законам рынка и свободная конкуренция.

2. Частичное открытие медийного сектора экономики так же отражает желание сформировать собственные национальные, распространяющиеся на весь мир сетевые корпорации, для чего необходимо перенять опыт Западных компаний.

Говоря словами М. Кастельса, Интернет дает пространство для развития и укрепления общественного движения [13]. Кастельс пишет, безусловно и в первую очередь, о Западном обществе, однако, не будет ошибкой применить его слова к ситуации в современном Китае. И здесь Интернет служит инструментом, позволяющим обычным людям участвовать в создании культурного наследия. На протяжении десятилетий у людей в Китае не было возможности свободно обмениваться мнениями и производить новое знание без прямого контроля государства – это было привилегией властной элиты и немногочисленных агентов монополизированной государством медиасферы. Описанный выше процесс коммерциализации последней пусть пока и не привел к ее демократизации, но, во-первых, наметил тенденции к ее либерализации, а во-вторых, повысил уровень профессионализма китайских журналистов, что отразилось на их желании сотрудничать с социальными медиа. Социальные сети и степень активности китайских Интернет-пользователей в них за последнее десятилетие стали популярным объектом исследований. На сегодняшний день количество постоянных пользователей Интернета в Китае оценивается в 597 миллионов человек [14], 91 процент пользователей Интернета имеют один или более аккаунтов в социальных сетях (в США, для сравнения, всего 67 процентов). Средний пользователь социальных сетей проводит на них в день около 46-ти минут. Так как в Китае официально заблокирован доступ к используемым во всем мире социальным порталам, таким как Фейсбук, Ютуб, Твиттер, с 1990-ых годов в КНР успешно развивается внутренний ландшафт аналогов перечисленных выше сетей. Согласно ряду рейтинговых агентств, работающих с медиасервисами в Интернете [15], крупные китайские социальные медиапроекты опережают по численности пользователей своих аналогов на Западе. Так, Кью-Зоун и Сина Вейбо занимают 3-ю и 4-ю позиции в рейтинге после Фейсбука и Ютуба, опережая Твиттер и Гугл-плюс. Учитывая, то, что в Китае традиционные медиа по-прежнему практически полностью подконтрольны государству, Интернет становится уникальным каналом выражения населением своего беспокойства. Нельзя при этом утверждать, что Интернет-среда не контролируется государством – напротив, Правительство Китая использует весьма эффектив-

ные средства контроля, и, согласно агентству «Опен Нэт Инициатив» [16], фильтрационные системы, используемые в Китае – наиболее совершенные в мире. Однако «обмануть» системы контроля в Интернете оказывается значительно проще, чем обойти цензуру в традиционных медиа, хотя бы из-за того, что коммуникация в последних – это однонаправленный процесс, а число агентов гораздо ниже, чем при коммуникации в Интернет – пространстве, где идея «основа безопасности в количестве» находит свое отражение: коммуникация здесь мультинаправлена, а число агентов не ограничено. Лидзун Танг и Хелен Сэмпсон приводят следующие методы, к которым прибегают пользователи социальных медиа, чтобы «обмануть» систему контроля на техническом уровне [17]: использование романизированной системы записи слов «пиньинь» и дробление слов пунктуационными знаками. Специфику включенности социальных медиа в общественную жизнь отражает так же тот факт, что, в отличие от западных обществ, где социальные структуры, действующие оффлайн, используют социальные медиа для активизации социального протеста, – в Китае протестные настроения зарождаются непосредственно в сети через выражение гражданами беспокойства, скоро обретающего массовый характер и выливающегося в форму общественного протеста на региональном и даже национальном уровне. Альтернативные медиа и социальные сети дают в руки обычных людей в Китае социальные потенциалы, которые еще 15 лет назад они не могли себе представить. «Чего не было в средствах массовой информации, не будет в общественном мнении, даже если идея фрагментарно присутствует в умах индивидов» – пишет М. Кастельс [18]. Таким образом, проследив путь давления социальных медиа на официальные средства массовой информации, мы проследим путь формирования общественного мнения нетрадиционным для коммунистического Китая путем.

В условиях интенсивной урбанизации и индустриализации во многих городах Китая начался процесс джентрификации, повлекший за собой неблагоприятные социальные последствия, такие как коррупцию, нарушение прав рабочих, а главное – углубление социальной дифференциации. Ситуация обострилась непосредственно перед Олимпийскими Играми в Пекине в 2008-ом году, когда Правительство уничтожила все неудобные постройки в центральных районах города, не заботясь должным образом о людях, десятки лет проживающих на этой территории. Повсеместное выселение жильцов повлекло за собой зарождение множества проектов альтернативных медиа, создаваемых самими жильцами и отслеживающих борьбу граждан за свои права на жилую площадь. Один из таких проектов, получивший название «Даджалан» (по имени района, в котором власти производили снос зданий), стал предметом исследования типа кейс-стади социолога-урбаниста Лея Гуо [19]. Исследователь проследил развитие проекта с его зарождения до выхода в официальные средства массовой информации. Проект был начат бывшим резидентом упомянутого района и поддержан двумя известными китайскими артистами, к которым в ходе развития

проекта подключились и другие волонтеры, ранее проживающие в этом районе. Проект «Даджалан» включал в себя документальные съемки с мест событий – домов жителей района, подлежащих сносу, – и освещал все этапы борьбы граждан с властями. Целью проекта было показать возможность борьбы группы людей с государством, воодушевить граждан Китая смело высказывать свои требования. Вскоре после старта проект буквально взорвал социальные сети, что дало возможность журналистам традиционных медиа рассказать о «Даджалане» с экранов телевизоров и со страниц газет, воздерживаясь от оценочных суждений и лишь сообщая об общественном интересе касательно данного вопроса. Так о проблеме выселения жильцов из их законных домов узнала вся страна. А что есть в средствах массовой информации – то есть в мнении масс.

Второй инцидент произошел в Шанхае в 2009-го году и был описан в исследовании Лидзун Танга и Хелен Сэмпсон [20]. Гражданин Китая Джан Дзун был за рулем автомобиля и остановился на красный сигнал светофора, когда к нему обратился пешеход с просьбой подвезти его до соседней улицы. Джан Дзун отказался, так как оказывать услуги таксиста не имея лицензии в Китае запрещено. Пешеход сослался на острую боль и необходимость срочно добраться до больницы, после чего Джан Дзун согласился подвести больного. Когда пассажир предложил ему денежное вознаграждение, водитель отказался. Однако на этом история не закончилась: Джан Джуна задержали работники полиции, объяснив это законом, по которому, в случае предложения вознаграждения, услуга, оказанная водителем пассажиру, является незаконной. Вскоре после инцидента Джан Дзун написал о случившемся в своих аккаунтах в социальных сетях. На следующий день после публикации его запись заметил известный блоггер Хан Хан и поделился им у себя на странице. История приобрела общенациональную известность и была освещена традиционными СМИ.

Общественное мнение служит некоторого рода щитом для журналистов в Китае. Прикрываясь им, те могут освещать противоречивые темы, меньше опасаясь государственной цензуры [21]. Описанные выше инциденты вкуче с частичной либерализацией медиасферы в Китае иллюстрируют наметившуюся в последнее десятилетие тенденцию на сотрудничество между традиционными средствами массовой информации и социальными медиа. Учитывая уровень контроля государства и уровень сопротивления населения, исследователи склонны полагать, что социальные медиа вносят весомый вклад в формирование гражданского общества в Китае [22]. Социальные медиа порождают такой социальный феномен, нехарактерный для коммунистического Китая, как общественное мнение, формирующееся самими гражданами, снизу вверх. Пользователи социальных сетей и альтернативных медиа ощутили себя способными отчасти задавать повестку дня для традиционных средств массовой информации. С повышением уровня профессионализма журналистов, обусловленного реформами 1990-ых – 2000-ых годов, повысилась доля неравнодушных к социальным проблемам работников средств массовой информации. А с развитием

социальных медиа они получили возможность открыто сообщать о волнующих население проблемах, в меньшей степени, чем раньше, опасаясь цензуры. Все приведенные факты говорят о зарождении «нового» общественного мнения в Китае через средства Интернет-коммуникации и, как следствие, переструктурировании медиапространства.

Список литературы

1. Бондаренко, С.В. Социальная структура виртуальных сетевых сообществ: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.04. Ростов-н/Д., 2004. С. 178.
2. Kaplan, Andreas M. (2012) If you love something, let it go mobile: Mobile marketing and mobile social media 4x4, *Business Horizons*, 55(2), p. 129–139.
3. Балуюев, Д. Г. Политическая роль социальных медиа как поле научного исследования // *Образовательные технологии и общество (EDUCATIONAL TECHNOLOGY & SOCIETY)*, 2013. Том 16, № 2. С. 604-616
4. Winfield, B.H., Peng, Z., Market or party controls? Chinese media in transition // *Gazette*. – 2005. 67(3). – pp. 255–270.
5. Guo, L., Collaborative efforts: An Exploratory Study of Citizen Media in China // *Global Media and Communication*. – 2012. – pp. 135 – 155.
6. Atton, C., Current issues in alternative media research // *Sociology Compass*. – 2007. – pp. 17–27.
7. Bowman, S., Willis, C., *We Media: How Audiences are Shaping the Future of News and Information* // Reston, VA: The Media Center at the American Press Institute. – 2003.
8. Huang, C., Trace the Stones in Crossing the River: Media Structural Changes in Post-WTO China // *International Communication Gazette*. – 2007. 69: 413. – pp. 413-430.
9. Huang, C., China's State-Run Tabloids: The Rise of "City Newspapers" // *Gazette*. – 2001. 63(5). – pp. 435-450.
10. China Daily, 'Media Head Expelled for Corruption'. – 2003. 24 July; at: www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-07/24/content_248182.htm.
11. Xinhuanet, 'Former TV Producer Zhao An Sentenced to 10 Years in Prison'. – 2003. 12 December; at: news.xinhuanet.com/english/2003-12/12/content_1228572.htm.
12. Xinhuanet, 'Ex-Editor Finds Skills Useful in Prison'. – 2006. 9 August; at: news.xinhuanet.com/english/2006-08/09/content_4939084.htm.
13. BusinessWeek Magazine, 'Foreign Magazines Facing China's Newsstand Fever'. – 2003. 5 November; at: www.chinadaily.com.cn/en/doc/2003-11/05/content_278774.htm.
14. Huang C., Trace the Stones in Crossing the River: Media Structural Changes in Post-WTO China // *International Communication Gazette*. – 2007. 69: 413. – pp. 413-430.
15. Castells M., Communication, power and counter-power in the network society // *International Journal of Communication*. – 2007. – pp. 238–266.
16. <http://www.techinasia.com/2013-china-top-10-social-sites-infographic/>
17. <http://blog.globalwebindex.net/Stream-Social>.
18. Open Net Initiative, Internet filtering in China. – 2009. Available at: http://opennet.net/sites/opennet.net/files/ONI_China_2009.pdf
19. Tang L., Sampson H., The Interaction between Media and Non-democratic States: The Case of China // *Media, Culture, Society*. – 2012. 34:457. – pp. 457 – 471.
20. Castells, M. Communication, power and counter-power in the network society // *International Journal of Communication*. – 2007. – pp. 238–266.
21. Guo, L. Collaborative efforts: An Exploratory Study of Citizen Media in China // *Global Media and Communication*. – 2012. – pp. 135 – 155.

22. Tang, L., Sampson, H., The Interaction between Media and Non-democratic States: The Case of China // Media, Culture, Society. – 2012. 34:457. – pp. 457 – 471.

23. Tong, J., Sparks, C., Investigative journalism in China today // Journalism Studies. – 1999. 10(3): – pp. 337–352.

24. MacKinnon R., Flatter world and thicker walls? Blogs, censorship and civic discourse in China // Public Choice. – 2008. – pp. 134: 31–46.

ПОНЯТИЯ «ЗДОРОВЬЕ» И «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА» В СОЗНАНИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НА УРАЛЕ

Павлов Б.С.

ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН,
д-р. филос. наук, проф.,
Россия, г. Екатеринбург

В предлагаемой статье анализируются некоторые актуальные проблемы производства и воспроизводства физической культуры (ФК) молодых людей. Автор рассматривает такие её основные составляющие, как здоровье, здоровый образ жизни, самосохранительное поведение. Выводы и предложения автора основаны на результатах ряда социологических мониторинговых исследований, проведённых уральскими социологами в 2003-2014 гг. на Урале.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, физическая культура, индивид, образование, самосохранительное поведение, дееспособность.

Современная социальная политика в сфере здравоохранения ориентирована в основном на улучшение качества медицинского обслуживания, а не на формирование у населения основ санитарно-гигиенической и физической культуры, здорового образа (стиля) жизни, *здоровьесберегающего* поведения. В ходе серии всероссийских репрезентативных опросов, проводившихся в стране с 1992 г., российские социологи поинтересовались, какое содержание респонденты вообще вкладывают в термин «*здоровье*». Сразу же выяснилось, что на Западе, где о проблемах здоровья говорят и пишут очень много, давно поняли, что сводить их только к физиологическим, биологическим аспектам невозможно. «Здоровым» в развитых странах обычно чувствует себя человек, который не просто ничем не болен, но и живет комфортно, не подвержен стрессам, не загоняет себя до смерти непосильной работой, полон жизненных сил и оптимизма и т.д. [4].

В современном обществе здоровье можно рассматривать, как социальное свойство личности, качественный и количественный уровень которого обеспечивает человеку конкурентоспособность на различных рынках самообеспечительной и самосохраняющей деятельности. Здоровье человека не может сводиться лишь к констатации отсутствия болезней, недомогания, дискомфорта, оно – состояние, которое позволяет человеку вести нестесненную в своей сво-

боде жизнь, полноценно выполнять свойственные человеку функции, прежде всего трудовые, вести здоровый образ жизни, т.е. испытывать душевное, физическое и социальное благополучие.

С точки зрения аксиологического подхода, здоровье выступает как универсальная человеческая ценность, соотносится с основными ценностными ориентациями личности. Доминирование тех или иных ценностей, также как и их переоценка, кризис, рассматриваются в качестве факторов, определяющих здоровье индивида или негативно влияющие на него. Аксиологический подход был предложен еще Платоном, который в своем диалоге «Законы» поместил «здоровое состояние души» (наряду с разумением, справедливостью и мужеством) в иерархию человеческих и божественных благ [7]. Попытаемся посмотреть на эту сторону его жизнедеятельности глазами нашего современника – в нашем случае – уральцев.

Одной из основных составляющих предмета нашего анализа – «*физическая культура*», является понятие «*культура*». Как правило, в понятии культуры включают как общее отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни, так и качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на различных этапах общественного развития. Понятие *культура* используется в качестве характеристики особенностей и своеобразия поведения, сознания и деятельности людей в конкретных сферах общественной жизни, социальной группы или всего общества в целом [3, с. 3-15; 1].

В настоящее время феномен физической культуры (далее – «*ФК*») может выступать и, соответственно, рассматриваться в *двух ипостасях*: а) *ФК* – как часть общей культуры и б) *ФК* – как социальный процесс на овладение ценностями физической культуры. Нередко, под понятием «*ФК*» подразумеваются занятия физическими упражнениями (типа физическая зарядка, уроки физкультуры и т.п.). Между тем, по мнению социологов, феномен «*физической культуры человека*» это неизмеримо более широкий спектр его жизнедеятельности, чем регулярные занятия утренней зарядкой, посещение уроков физкультуры и участие в школьных спортивных мероприятиях. В рамках *ФК* можно выделить три её основные составляющие: *культуру движения, культуру физического здоровья и культуру тела*. И ещё одно важное замечание. Феномен *ФК* позволяет органически соединить в себе не просто *производство вещей и сознания* в его абстрактных формах, а *производство самого человека* как общественного человека, то есть производство его во всем богатстве общественных связей и отношений, во всей целостности деятельностного существования

Повышенный интерес к познанию феномена «*ФК*» определяется различными обстоятельствами. Прежде всего, к ним следует отнести: *необходимость преобразования окружающей среды, совершенствования социальных институтов, повышения производительной силы сообщества, формирования здорового образа жизни, оптимизацию процесса социализации мо-*

лодых поколений, и др. Вполне объяснимым, поэтому, становится стремление исследователей выявить *потенциал общей культуры в сфере физической культуры*, ее внутренние резервы, отыскать возможности ее активизации. В качестве «рабочего понятия» феномен *«физическая культура»* можно представить, как *«обусловленный общественными отношениями способ и меру реализации социобиологических сущностных сил и творческих способностей, как отдельных индивидов, так и социальных групп во всех сторонах их жизнедеятельности»* [5].

Являясь важнейшей составляющей физической культуры, человеческое здоровье, а вернее, *культура здоровья* может выступать целью, мерилom и средством воспроизводства общественной жизни. По мнению уральского социолога Е.Л. Семёновой, *«Понятие «культура здоровья», – отражает качественно иную форму жизнедеятельности человека, направленную на регулирование его психофизических сил. Человек не ждет, когда у него появится болезнь, а переходит на такую форму управления организмом, когда формируется его способность самостоятельно восстанавливать истраченные в процессе жизнедеятельности жизненные силы»* [9, с. 12]. Сущностью культуры здоровья является *умелое управление человеком* своими жизненными силами, когда отсутствует прямая вероятность болезни. Человек борется не с болезнью, а занимается таким регулированием своих психофизических сил, которые обеспечивают их самовосстановление.

Более глубокий анализ показывает, что высокое место в структуре ценностей здоровье для большинства предпочтительно не «само по себе» а потому, что оно *способствует достижению многих других целей и потребностей человека как единственное средство в трудных условиях сегодняшней экономической и социальной реальности. Иначе говоря, здоровье нередко становится предметом жестокой самоэксплуатации, наиболее эффективным средством «добывания» денег и других материальных благ.*

По данным социологических опросов, проведенных в крупных городах России (в том числе и на Урале), среди важнейших приоритетов первые-вторые места респонденты отдают сохранению собственного здоровья. Оно занимает «вторую «твёрдую» позицию в опросах Различных категорий населения России, в том числе – уральского. А каково валеологическом самочувствии уральского населения? На вопрос *«Как Вы оцениваете состояние Вашего здоровья и здоровья членов семьи?»* ответы молодых супругов [5]¹ распределились следующим образом (таблица).

¹ 2003 г. в ряде городов и поселений пяти субъектов РФ, в том числе Свердловской и Челябинской областей по проблемам демографического поведения семей опрошены 2900 молодых супругов; в том числе – бездетные – 1030 чел.; с одним ребёнком – 1180 чел.; с двумя детьми – 690 чел.

**Самооценка респондентами
состояния своего здоровья в различных группах молодых семей
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)**

Оценка состояния своего здоровья (по пятибалльной системе)		Группы молодых семей:			
		В целом	в т.ч. семьи с числом детей:		
			пока нет	один	двое
Оценивают на:	«хорошо»	53	58	50	48
	«удовлетворительно»	43	38	46	47
	«плохо»	4	4,3	4	3,5

Отношение человека к своему здоровью можно рассматривать как систему индивидуальных, избирательных связей личности с различными явлениями окружающей действительности, способствующими или, наоборот, угрожающими здоровью людей, а также определенную оценку индивидом своего физического и психического состояния. Отношение к здоровью проявляется в действиях, суждениях и переживаниях людей относительно факторов, влияющих на их физическое и душевное благополучие. Если дифференцировать понятие «отношение к здоровью», то получим, по крайней мере, две составных части: «самосохранительное отношение и поведение» и, соответственно, «саморазрушительное».

«Самосохранительное отношение и поведение» индивида вытекает из знания и принятия им основных социальных ценностей человека: индивидуального смысла жизни, ценности собственного здоровья, любви, красоты, материального благополучия, общения с людьми и т.п. В целом самосохранительное поведение означает уровень осведомленности, компетентности индивида в области валеологии, степень соответствия поступков человека требованиям *здорового образа жизни*, предписаниям валеологии, медицины, санитарии и гигиены. *Проблема самосохранительного поведения заключена в несоответствии, порой резко выраженном противоречии между сознанием и его поведением* [6].

Но, как показывают исследования, большинство россиян (в том числе, уральцев) – около 90 % в реальном поведении *скептически* относятся к самосохраняющему поведению и игнорируют активной здоровьесберегающей жизненной позиции. Обратимся к данным официальной статистики. По данным департамента мониторинга и оценки эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ органов Минрегиона России, только около 10 % лиц (*по мнению врачей*), заботятся о своём здоровье, тогда как 35 % пренебрегают им. При этом, лишь каждый третий россиянин (34 %) старается есть здоровую пищу. Ещё 8 % в питании следуют рекомендациям врача. В то же время половина респондентов не придерживаются никаких правил: у 28 % нет возможности думать о качестве пищи, а 22 % едят, что хотят, так как здоровье их не беспокоит. Женщины более склонны соблюдать самостоятельно выбран-

ную диету (10 % против 6 % – у мужчин) и придерживаться здорового питания (37 против 31 %) [2].

Ещё более тревожной является ситуация с алкоголизацией населения. По данным Роспотребнадзора в Российской Федерации более 28 млн. человек вовлечены в пьянство, из 10 млн. детей в возрасте от 11 до 18 лет более 50% регулярно употребляют спиртные напитки и пиво. Более того, из трех российских детей в возрасте от 13 до 16 лет двое употребляют спиртные напитки. Пьющие дети сегодня – это не только малолетние бродяги, живущие без присмотра и опеки, это обычные мальчики и девочки из благополучных семей. По данным Национальной алкогольной ассоциации на начало 2008 г. официально были признаны алкоголиками около 60 тыс. детей. Реально число несовершеннолетних, страдающих алкоголизмом, намного больше официальной статистики [18].

В заключение, возьмём на себя смелость сказать, что участие индивида в различного рода проявлений *личной физической культуры* можно интерпретировать в качестве показателя *социальной активности* этой личности, направленной на достижение жизненного (*в частности, профессионального*) *самоопределения и успеха*, удовлетворения не только своих материальных и духовных потребностей и интересов. Эта активность выступает и основным перманентным двигателем общественных преобразований.

Список литературы

1. Анисимов С. А. Развитие культуры производства и потребления: социологический анализ: автореф. дис. д-ра. социол. наук. М., 1991.
2. Какорина Е. П. Отношение населения к занятиям физической культурой и спортом [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.federalbook.ru/files/FSZ/soderghanie/Tom%2011>.
3. Коган Л. Н., Павлов Б. С. Культура семьи (методические проблемы, принципы исследования) // Культура семьи как объект социологического исследования. Свердловск, труды ИЭ УНЦ АН СССР, 1980. С. 3-15.
4. Павлов Б. С. Здоровье и здоровый образ жизни: как их воспринимает население на Урале // Экономика региона. 2010. № 2. С. 71-80.
5. Павлов Б. С., Паначев В. Д. Физическая культура – это не только физкультура // Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек. 2012. № 4. С. 42-52.
6. Павлов Б. С. Семья и самосохранительное поведение молодёжи // Экономика региона. 2008. № 2 (14) С. 109-121.
7. Платон. Законы // Собр. соч.: В 4-х т. М., 1994, Т. 4. С. 78.
8. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части усиления»
9. Семенова Е. Л. Формирование культуры здоровья подрастающего поколения: проблемы становления и развития: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург. 2004.

АЛГОРИТМ АПРОБАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

Силенко А.Н.

начальник отдела менеджмента качества учебного департамента Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ»,
канд. техн. наук, доцент,
Россия, г. Москва

Садовникова Л.А.

главный эксперт Управления кадровой работы и планирования комплектования АЭС ОАО «Концерн Росэнергоатом»,
Россия, г. Москва

В статье предлагается алгоритм организации и проведения апробации профессиональных стандартов. Апробация профстандартов должна стать инструментом оценки их применимости для определенных видов деятельности.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, профстандарт, апробация.

Профессиональные стандарты сегодня – документы нового типа, системно представляющие актуальную информацию о требованиях к квалификациям, необходимым для выполнения тех или иных видов трудовой деятельности.

Профстандарт строится как совокупность обобщенных трудовых функций, каждая из которых включает несколько трудовых функций, описываемых путем указания на действия, необходимые умения и знания. В будущем профстандарт заменит привычные, но уже не отвечающие современным задачам квалификационные справочники.

Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597 Правительству Российской Федерации предписано:

«1. ...

г) разработать к 2015 году и утвердить не менее 800 профессиональных стандартов».

Внесены изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации, определяющие понятия профессионального стандарта и квалификации работника:

«Статья 195.1. Понятия квалификации работника, профессионального стандарта

Квалификация работника – уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника.

Профессиональный стандарт – характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности.» [1]

В целях создания условий, необходимых для выполнения определенных в Указе Президента Российской Федерации, приняты:

- Федеральный закон от 03.12.2012 № 236-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О техническом регулировании» [2];

- Постановление Правительства Российской Федерации от 22 января 2013 г. № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» [2];

- План разработки профессиональных стандартов на 2012 – 2015 годы, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2012 № 2204-р [2];

- План-график подготовки профессиональных стандартов в 2013 – 2014 годах, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30.11.2012 № 565 [2].

Для методического обеспечения разработки профессиональных стандартов подготовлены следующие документы:

- Уровни квалификаций в целях подготовки профессиональных стандартов [2];

- Методические рекомендации по разработке профессиональных стандартов [2];

- Макет профессионального стандарта [2].

В 2014 году внесены изменения в нормативную базу.

В России создан Национальный совет при Президенте по профессиональным квалификациям. Указ Президента РФ от 16 апреля 2014 г. № 249 «О Национальном совете при Президенте РФ по профессиональным квалификациям» опубликован на сайте главы государства.

В Указе говорится, что Национальный совет по профессиональным квалификациям будет выполнять консультативные функции при создании системы профстандартов. Его экспертные заключения будут носить рекомендательный характер. Организационно-техническое и методическое обеспечение деятельности совета будут осуществлять Минтруда и Минобрнауки РФ.

В Национальном совете создана рабочая группа по профстандартам. Рабочая группа будет работать при тесном сотрудничестве с Российским союзом промышленников и предпринимателей.

Таким образом, нормативная база для разработки профстандартов подготовлена и является основой для планомерной и методической работы по созданию нормативных документов, определяющих и систематизирующих для конкретных видов деятельности трудовые функции, выполняемые работниками и необходимые для этого квалификационные требования.

Профессиональный стандарт – это официальный документ, который проходит всероссийскую экспертизу, процедуру утверждения и публикуется как Стандарт РФ в конкретной профессиональной области.

Разработка профессиональных стандартов проводится специализированными организациями, выигравшими конкурсы на государственные контракты с Минтруда РФ.

В 2013 году – 1 полугодии 2014 года разработаны 24 проекта профессиональных стандартов для атомной энергетики. Проекты профстандартов согласованы с отраслевым профсоюзом, рассмотрены Экспертным советом Министерства труда и социальной защиты РФ и 16 профстандартов из них утверждены и рекомендованы к внедрению.

До конца 2014 года по предложению отраслевого профсоюза планируется апробация 16 профстандартов, рекомендованных к использованию Минтруда РФ.

Цели апробации:

- оценить применимость профстандарта для определенного вида деятельности;

- выявить возможные проблемы и риски, а также объем возможных поправок в профстандарт;

- сформировать выводы и подготовить проект заключения для Национального совета.

Апробация профстандартов должна предусматривать возможное внесение изменений в профстандарты с рассмотрением этих изменений на заседании рабочей группы по профстандартам.

Предлагается следующий алгоритм организации и проведения апробации профстандартов на предприятиях атомной энергетики:

I этап. Подготовительные мероприятия: формирование плана апробации, разработка и направление на предприятия материалов для использования в процессе апробации, создание рабочей группы и выбор ответственных по блокам на предприятиях, информирование участников апробации о целях и порядке работы в процессе апробации.

Материалы для использования в процессе апробации разрабатываются управляющим советом проекта по разработке и внедрению профстандартов. В пакет материалов входят: общая информация о разработке и апробации профстандартов, утвержденный текст профстандарта, анкеты по блокам (направлениям деятельности), инструкция для участников процесса апробации, программа II и III этапов апробации.

Информирование участников процесса апробации проводится в формате видеоконференции с представлением всех материалов.

II этап. Проведение апробации: заполнение анкет на предприятиях с оценкой по каждому блоку на предмет применимости профстандарта, форми-

рование предложений по предприятиям, организация и проведение очной сессии и видеоконференции по обсуждению сформированных предложений.

III этап. Подведение итогов апробации профстандартов: консолидация данных, полученных в процессе апробации профстандартов, формирование протоколов очной сессии и видеоконференции, являющихся основанием для экспертного заключения и направление результатов с предложениями в Минтруда РФ.

Таким образом, в ходе апробации:

- осуществляется дополнительное профессиональное обсуждение профстандартов;

- проводится анализ вида профессиональной деятельности, для которой разработан профстандарт, на предприятиях, участвующих в апробации, и выявляется уровень соответствия профстандарта профессиональному виду деятельности;

- осуществляется экспертная оценка применения профстандарта при формировании кадровой политики и в управлении персоналом;

- экспертами выявляются «узкие места» и формируются изменения в профстандарт.

В настоящее время данный алгоритм применяется на атомных станциях в процессе апробации 16 профстандартов для атомной энергетики. Планируется, что результаты апробации будут обсуждены на очной сессии и оформлены как заключение для представления в Минтруда РФ.

Представляется, что именно такой подход к началу внедрения профстандартов в атомной энергетике поможет повысить качество разработанных профстандартов. После поэтапной апробации и внесения поправок профстандарты могут быть и будут использоваться:

- государством – при формировании политики в области занятости населения;

- работодателями – при оценке компетенций при найме работников, планировании повышения уровня квалификации и качества труда работников. Работодатели смогут получать подготовленных в соответствии с профессиональными и образовательными стандартами специалистов всех уровней.

Работники смогут определять свой профессиональный уровень, подтверждать и повышать свою квалификацию, планировать карьерный рост.

В сфере образования должны быть проведены изменения по формированию и обновлению образовательных стандартов и образовательных программ, разработаны (при необходимости) новые образовательные стандарты на основе профстандартов. Качество обучения возможно будет оценивать и в соответствии с требованиями профессиональных стандартов, а, значит, работодателей.

Проект по разработке и внедрению, в том числе апробации, профстандартов будет иметь продолжение в рамках создания национальной системы сертификации квалификаций.

Список литературы

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Профессиональные стандарты: URL: <http://profstandart.rosmintrud.ru/> (дата обращения 15.09.2014).

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАБОТЫ С ЭЛЕКТРОННЫМИ ДОКУМЕНТАМИ В ОРГАНЕ ВЛАСТИ

Фионова Л.Р.

декан факультета вычислительной техники,
Пензенский государственный университет,
доктор технических наук, профессор,
Россия, г. Пенза

В статье отмечено, что вхождение России в мировое информационное пространство регламентировано в настоящее время государственной программой «Информационное общество». За последние несколько лет на базе государственных инициатив сформировано ряд новых концепций и представлений, а также приняты новые нормативные акты, регламентирующие работу с электронными документами, которые и рассмотрены в статье.

Ключевые слова: электронный документ, орган власти, нормативное регулирование, электронный документооборот, межведомственное взаимодействие.

В Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства [8] было зафиксировано:

«К приоритетным направлениям государственной политики в области использования информационно-коммуникационных технологий отнесено:

- создание единой инфраструктуры обеспечения юридически значимого электронного взаимодействия;
- развитие защищенной межведомственной системы электронного документооборота (СЭД);
- формирование необходимой нормативной правовой базы формирования электронного правительства».

Внедрение современных технологий в работе с электронными документами является актуальной задачей для органов государственной власти. Это обусловлено вхождением России в мировое информационное общество, кото-

рое регламентировано тремя основными программами: Электронная Россия [4], Электронное Правительство [8] и Информационное общество [9].

Важно отметить, что Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2010 годы)» заложила основу для развития оказания государственных услуг в электронном виде и системы межведомственного электронного документооборота (МЭДО).

В 2009 году были введены в действие новые Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти (ФОИВ). В них впервые появился раздел 6, который направлен на организацию ведения электронного документооборота и перехода к электронному правительству [5]. Электронные документы создаются, обрабатываются и хранятся в системе электронного документооборота ФОИВ.

В ФОИВ, как и в любом органе власти, создаются и используются: электронные документы, создаваемые в электронной форме без предварительного документирования на бумажном носителе; электронные образы документов, полученные в результате сканирования документов и хранящиеся в системе электронного документооборота.

Электронный документ должен быть оформлен по общим правилам делопроизводства и иметь реквизиты, установленные для аналогичного документа на бумажном носителе, за исключением оттиска печати и изображения Государственного герба Российской Федерации или герба субъекта Российской Федерации.

После введения Правил делопроизводства в ФОИВ для дальнейшего формирования нормативной базы электронного документооборота принято постановление Правительства РФ [6], утвердившее Положение о системе МЭДО. Это Положение является нормативной основой для создания единой инфраструктуры обеспечения юридически значимого электронного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Система МЭДО представляет собой защищенную технологическую систему, обеспечивающую взаимодействие федеральных информационных систем электронного документооборота.

На первом этапе участниками МЭДО являются федеральные органы государственной власти, Администрация Президента Российской Федерации и Аппарат Правительства Российской Федерации.

МЭДО позволяет участникам:

- направлять и получать в электронной форме решения и поручения Президента и Правительства РФ;
- получать информацию о ходе рассмотрения федеральными органами исполнительной власти поручений Президента и Правительства РФ;
- направлять в электронной форме доклады Президенту и Правительству РФ;

- вносить в электронной форме в Правительство Российской Федерации проекты нормативных правовых актов, подготовленные федеральными органами исполнительной власти;
- проводить в электронной форме согласительные процедуры по проектам нормативных правовых актов.

Система МЭДО позволяет осуществлять информационный обмен посредством электронных сообщений, в состав которых на первом этапе включаются электронные образы документов, первоначально созданных на бумажном носителе.

В дальнейшем предполагается переходить на обмен документами, не имеющими аналога (подлинника) на бумажном носителе и создаваемыми исключительно в электронной форме.

Межведомственный документооборот и технологии электронного правительства – мощный источник формирования электронного контента для информационного обеспечения государственного управления. Электронный документооборот не только оптимизирует, но и существенным образом изменяет работу органов власти.

Главной целью информатизации является создание условий, обеспечивающих эффективную и качественную реализацию процессов документационного обеспечения функционирования ФОИВ, органов власти субъектов федерации и органов местного самоуправления.

Таковыми условиями являются:

- формирование единого информационного пространства органов государственного управления, удовлетворяющего требованиям защищенности и информационной безопасности;
- легитимизация использования в официальном делопроизводстве и архивном деле документов, представленных в цифровой форме;
- повышение эффективности и качества выполнения технических операций, выполняемых в процессах документирования, документооборота, работы с документами и их хранения;
- повышение оперативности доведения документов до адресатов (исполнителей).

Для регулирования отношения в области использования электронных подписей при оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, при совершении иных юридически значимых действий принят Федеральный закон «Об электронной подписи» [12]. В этом законе зафиксировано, что «виды электронных подписей, используемых органами исполнительной власти и органами местного самоуправления, порядок их использования, а также требования об обеспечении совместимости средств электронных подписей при организации электронного взаимодействия указанных органов между собой устанавливает Правительство Российской Федерации».

Данный Федеральный закон определяет виды электронных подписей: простая электронная подпись и усиленная электронная подпись. Различаются усиленная неквалифицированная электронная подпись (неквалифицированная электронная подпись) и усиленная квалифицированная электронная подпись (квалифицированная электронная подпись). Статья закона фиксирует условия признания электронных документов, подписанных электронной подписью, равнозначными документам на бумажном носителе, подписанным собственноручной подписью.

Для подписания электронных документов ФОИВ используются электронно-цифровые подписи (ЭЦП). Используемые средства ЭЦП должны быть сертифицированы в установленном порядке.

При рассмотрении и согласовании электронных документов в системе электронного документооборота ФОИВ, в том числе и в любом органе власти, могут использоваться способы подтверждения действий с электронными документами, при которых ЭЦП не используется.

Состав электронных документов, обращающихся в СЭД, определяется руководителем органа власти на основе рекомендаций Федерального архивного агентства и в соответствии с перечнем документов, создание, хранение и использование которых может осуществляться исключительно в форме электронных документов [10].

Прием и отправка электронных документов осуществляются службой делопроизводства. При получении электронных документов служба делопроизводства осуществляет проверку подлинности «ЭЦП».

Исполненные электронные документы систематизируются в дела в соответствии с номенклатурой дел органа власти. При составлении номенклатуры дел указывается, что дело ведется в электронном виде.

Электронные документы после их исполнения подлежат хранению в установленном порядке в органе власти в течение сроков, предусмотренных для аналогичных документов на бумажном носителе.

Единицей учета электронного документа является электронный документ, зарегистрированный в СЭД органа власти.

После истечения срока, установленного для хранения электронных дел (электронных документов), на основании акта о выделении их к уничтожению, утверждаемого руководителем ФОИВ, указанные электронные дела (электронные документы) подлежат уничтожению.

С введением электронного документооборота связан и Перечень обязательных сведений о документах, используемых в целях учета и поиска документов в СЭД органов власти, приведенный в приложении к Правилам.

Требования к организации обмена электронными документами также были закреплены в вышедшем в конце 2010 года ГОСТом Р 53898-2010 [1].

Электронные документы создаются, обрабатываются и хранятся в СЭД органа власти. СЭД органа власти должна соответствовать требованиям, уста-

новленным Приказом Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации [7].

До сих пор не все ФОИВ подготовлены для использования электронных документов и перехода на электронный документооборот, исключаящий в определенных случаях документы на бумажном носителе [3, 11].

Из 58 федеральных органов исполнительной власти на конец 2013 года 48 – использовали СЭД в документационном обеспечении управления, 7 – планировали внедрение или СЭД у них находилась на стадии ввода в эксплуатацию, 3 – не имели СЭД и не планировали внедрение [13].

В основном СЭД обслуживает весь центральный аппарат ФОИВ, но в нескольких случаях СЭД охватывает только несколько структурных подразделений центрального аппарата. Тем не менее, полномасштабное внедрение технологий работы с электронными документами и электронного документооборота в государственном масштабе продолжается. При внедрении СЭД, как полномасштабной информационной системы, необходима детальная разработка программного проекта в соответствии с нормативными документами [2].

Учитывая устойчивую тенденцию увеличения объемов документооборота, необходимо развивать нормативную базу электронного документооборота в следующих направлениях:

- определение условий, при которых документы в органах государственной власти и органах местного самоуправления могут создаваться и обращаться только в электронной форме, то есть без первоначального создания документа на бумажном носителе;

- регламентация правил применения электронной подписи или иных способов подтверждения действий с электронными документами на всех этапах их жизненного цикла, включая электронное рассмотрение, электронное согласование, подписание, утверждение документов, а также передачи на хранение в архив.

- детальная регламентация правил хранения электронных документов в делопроизводстве и в архивах организаций.

Важно, чтобы формировалась единая методология управления электронными документами и организации работы с документами на бумажном носителе. При этом когда возникает необходимость взаимодействия определенного вида, то должен обеспечиваться доступ к средствам взаимодействия через простые и понятные интерфейсы, адаптированные для разных категорий людей

Список литературы

1. ГОСТ Р 53898-2010 "Системы электронного документооборота. Взаимодействие систем управления документами. Требования к электронному сообщению".
2. ГОСТ Р ИСО/МЭК ТО 16326-2002 «Программная инженерия. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207 при управлении проектом».
3. Кузнецов, С.Л. Проблемы организации межведомственного электронного взаимодействия [Текст] / С.Л.Кузнецов //Делопроизводство. – 2011. – № 2. – С.34-39.

4. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002 – 2010 годы)» (в ред. от 09.06.2010 №403).
5. Постановление Правительства РФ от 15.06.2009 № 477 «Об утверждении Правил делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти» (ред. от 07.09.2011 № 751).
6. Постановление Правительства РФ от 22.09.2009 № 754 «Об утверждении Положения о системе МЭДО»
7. Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 02.09.2011 № 221 «Об утверждении требований к информационным системам электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти, учитывающих, в том числе необходимость обработки посредством данных систем служебной информации ограниченного распространения».
8. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года».
9. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011 – 2020 годы)» (в ред. от 30.12.2011).
10. Распоряжения Правительства РФ от 02.10.2009 N 1403-р "Об утверждении Технических требований к организации взаимодействия системы межведомственного электронного документооборота с системами электронного документооборота федеральных органов исполнительной власти"
11. Распоряжением Правительства РФ от 12.02.2011 N 176-р «Об утверждении Плана мероприятий по переходу федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот»
12. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»
13. Fionova L.R. Actual questions in work of authority with electronic documents /Innovative Information Technologies: Materials of the International scientific-practical conference. Part 3/ Ed. Uvaysov S.U. – М. : HSE, 2014/ – P. 367-372.

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Цзи Кайси

аспирант кафедры рекламы и связь с общественностью факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва

В статье исследуются важность о развитии публичной дипломатии через образовательный обмен студентами. Автор считает, что основными действующими лицами образовательного обмена являются сами студенты, они являются естественными посланцами, осуществляющими настоящую публичную дипломатию.

Ключевые слова: публичная дипломатия, образовательный обмен.

18 июня 2011 г. на форуме, посвященном вопросам образования КНР и РФ, организованным Центром китайских студентов в Российском университете дружбы народов, российское правительство официально объявило о начале программы

по привлечению в Россию 100 тысяч иностранных студентов. 22-23 октября 2013 года, премьер-министр России Медведев прибыл в КНР с официальным визитом. Во время которого на 18-й периодической встрече было подписано двустороннее соглашение, еще раз подтверждающее намерение до 2020 года реализовать план по обмену 100 тысячами студентами между КНР и РФ [1].

Основными действующими лицами образовательного обмена являются сами студенты, они являются естественными посланцами, осуществляющими настоящую публичную дипломатию. В истории немало примеров, когда через иностранных учащихся осуществлялось развитие культурного диалога между государствами. Можно утверждать, что межгосударственный обмен учащимися – это важная форма публичной дипломатии. Более 1000 лет назад, во времена династии Тан в Китай прибыли первый корейский учащийся Цуй Чжюань и проучился там 8 лет на чиновника, и после возвращения на родину занял важный пост и сыграл важную роль в распространении китаеведения и развитии взаимоотношений между Китаем и Кореей [2, с. 33]. Это является классическим примером публичной дипломатии в развитии китайско-корейских отношений.

В российско-китайских отношениях также множество таких примеров. В начальный период развития Коммунистической партии Китая многие руководители партии обучались в Советском Союзе, а после возвращения на родину распространяли идеи коммунизма и руководили китайской пролетарской революцией, в результате которой была создана Китайская Народная Республика [3, с.71]. После образования КНР руководители, получившие образование в СССР заняли важные посты в партии и правительстве, и не только переняли и начали распространять и воплощать в КНР советскую политико-экономическую модель развития, но и активизировали культурное сотрудничество между двумя странами. Многие утверждают, что в то время получение советского образования являлось очень большим успехом и большинство китайцев знали хотя бы несколько русских слов.

По мере развития мировой глобализации в политике, экономике и культуре, межкультурный обмен стал непрерывной тенденцией. На фоне всеобщей глобализации, многие государства стали уделять пристальное внимание к развитию публичной дипломатии посредством обмена учащимися. В развитии публичной дипломатии через обмен учащимися можно выделить 2 уровня: целенаправленная государственная стратегия на отправку в иностранные государства большого количества своих учащихся, таким образом, учащиеся не только перенимают передовой технический опыт, но и естественным образом становятся посланцами своей культуры в стране обучения. Второй уровень – это привлечение большого количества иностранных учащихся в свою страну и воспитание из них дружественно настроенных граждан иностранных государств.

Согласно официальной российской статистике в 2013-2014 учебном году в российские вузы 33000 иностранных студентов, при этом в настоящее время в Китае учится примерно 15 000 российских студентов, а в России учится пример-

но 25 000 китайских студентов. Согласно подписанному в декабре 2012 г. «плану по реализации российско-китайского гуманитарного сотрудничества» оба государства намерены увеличить масштабы учебного обмена студентами, стимулировать поездки молодежи для получения образования и начать развитие публичной дипломатии через учащихся. Согласно статистике КНР, в конце 2013 учебного года около 450 000 китайских студентов обучалось в различных зарубежных странах [4].

По мере быстрого развития китайской экономики и повышения уровня жизни китайского населения, все большее количество китайских учащихся делает выбор в пользу продолжения образования за рубежом. Общий рост и культурный потенциал Китая также в свою очередь привлекает большое количество иностранных студентов для получения образования в китайских вузах. Если говорить о России, то непрерывный экономический рост, глубокая культурна и передовая наука и техника также привлекает все больше иностранных учащихся. Получение образования за рубежом перестало быть привилегией элиты и стало доступным для широких масс общества, а его роль в развитии публичной дипломатии проявляется более отчетливо. Обучение за рубежом – это общение культур лицом к лицу, а публичная дипломатия через такое общение оказывает самое глубокое, прямое и эффективное влияние на взаимоотношения государств.

Список литературы

1. Данные новости «international daily news»/ – Режим доступа: <http://www.chinesetoday.com/big/article/810230>
2. Лиан Мышу. Последние изменения и анализы стратегии просвещения иностранных студентов в Корее, – [J] исследование сравнения воспитания, 2007. – С. 33.
3. Мэн Юйхуа. Современная обстановка, проблема и выходы обучения за границей КНР, – [J] Современный форум образования, 2005.– С. 71
4. [4] Данные новости «Xinhuanet»// – Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/2013-11/02/c_117979322.htm

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЦЕНТРА МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Хазов К.Н.

аспирант кафедры социальных технологий Белгородского государственного
национального исследовательского университета,
Россия, г. Белгород

В статье в качестве одного из приоритетных факторов, влияющих на уровень и качество жизни людей, рассматривается совершенствование системы управления муниципально-го района. Становление четко отлаженной системы управления позволит существенно улучшить уровень и качество жизни населения, позволит, более результативно решать вопросы

местного значения непосредственно на местах, что является основой благополучного развития муниципального образования в целом.

Ключевые слова: социальная структура, управленческая функция, административный центр, муниципальный район.

В социальной структуре общества немаловажную роль играет управленческая функция, ведь такого рода деятельность в современных условиях выступает как один из важнейших факторов функционирования и развития социума, экономического сектора и иных общественных процессов.

В Философском энциклопедическом словаре управление определяется как «систематически осуществляемая сознательная и целенаправленная деятельность человека, основанная на познании объективных закономерностей и тенденций, способности к деятельности» [1, с. 704].

Управление административным центром на современном этапе развития общества должно преследовать следующие задачи: создание социальной инфраструктуры данного муниципального образования; стабилизация экономики центра; поддержание экологической обстановки; решение вопроса занятости населения.

Главная цель любой управленческой системы, в том числе и системы муниципального управления должна быть продиктована интересами населения, таким образом можно смело говорить о том, что главная цель – это повышение уровня и качества жизни населения.

Одной из особенностей организации местного самоуправления в современный период в административных центрах муниципальных районов является наличие двух параллельных систем субъектов местного самоуправления – поселения и муниципального района. Таким образом, новая модель местного самоуправления предусматривает некое «дробление» территории района [2, с. 54]. Еще 20 лет назад в структуре районной администрации было несколько специалистов, отвечавших за обеспечение управления районным центром. А в случае создания общей для них администрации это не потребовало бы выделения дополнительных структурных подразделений по одинаковым направлениям работы.

Однако на сегодняшний день районный (административный) центр был наделен статусом муниципального образования, избран глава, представительный орган и сформирована местная администрация.

В научных кругах и среди специалистов-практиков весьма распространено мнение об изначальной ошибочности модели местного самоуправления, закрепленной в некоторых положениях Конституции РФ [3, с. 19].

Основная проблема, по их мнению, заключается в том, что в Конституции РФ отражены принципы общественной теории местного самоуправления, в большинстве своем реализуемой в государствах англосаксонского права. Организация местного самоуправления в нашей стране, правовая система которой

относится к континентальному праву, в большей степени основывается на сформулированной еще в XIX в. государственной теории местного самоуправления, основная сущность которой заключается в осуществлении местного самоуправления не по собственному праву, а по уполномочию государства.

Несмотря на отсутствие достаточных экономических и организационных оснований, статусом муниципального образования на сегодняшний день наделены также административные центры муниципальных районов – городские (сельские) населенные пункты. В этих населенных пунктах помимо органов местного самоуправления муниципального района были образованы органы местного самоуправления поселения. Вместе с тем «оптимизация существующей управленческой структуры, прежде всего во взаимоотношениях между городом и районом» [4, с. 7] является актуальной проблемой.

В этой связи исследование отдельных проблем теории и практики организации местного самоуправления в административных центрах муниципальных районов, представляется актуальной задачей доктринальной науки.

Что такое административный центр муниципального района сегодня? Административное образование – сложносоставная юридическая конструкция, публично-правовая система, состоящая из элементов – субъектов и объектов местного самоуправления. К субъектам муниципального образования относятся территориальный публичный коллектив (граждан и местных сообществ), органы местного самоуправления, организации территориального общественного самоуправления. К объектам, являющимся элементами муниципального образования, – территория, очерченная границами; поселенческообразующий (градообразующий) инфраструктурный комплекс, находящийся в муниципальной собственности; средства местного бюджета; имущественные права муниципального образования; набор вопросов местного значения; власть. Однако, до настоящего времени остается нерешенным ряд проблем формирования и развития организационного потенциала государственного и муниципального управления.

Исходя из сказанного, необходимо отметить тот факт, что в настоящее время созрела потребность выработки нового подхода к организации местного самоуправления в административных центрах муниципальных районов. Возможен отказ от создания муниципальных образований в городских и сельских населенных пунктах, являющихся административными центрами муниципальных районов, за исключением тех населенных пунктов, которые имеют статус городских округов.

Таким образом, управление административным центром следует понимать, как сложный многоаспектный процесс, ведущий к радикальным изменениям в социальных структурах, поведении людей, общественных институтах.

Управление социально-экономическим развитием административного центра муниципального района направлено на обеспечение положительных изменений в различных сферах жизни населения, и в первую очередь на достиже-

ние определенного уровня развития духовной, экономической сферы, повышение уровня и качества жизни.

Список литературы

1. Философский энциклопедический словарь [Текст] / Гл. редакция Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов // Советская энциклопедия. – 1983 – 840 с.
2. Лукьянова Е. О возможном объединении Администраций района и города [Электронный ресурс] / Е.О. Лукьянова – Режим доступа: <http://www.valday.com/19.03.2011/4>
3. Дементьев А.Н. Теории местного самоуправления и их современные интерпретации [Текст] / А.Н. Дементьева // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 4. С. 18 – 24.
4. Медведев Д.А. Государство должно и будет уделять внимание расширению и поиску налоговых источников для местных бюджетов [Текст] / Д. А. Медведев // Муниципальная власть. – 2010. – № 4. С. 6 – 10.

СПЕЦИФИКА СТРУКТУРЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Черноятова А.В.

аспирантка кафедры консультационной психологии ЯрГУ им. П.Г.Демидова,
Россия. г. Ярославль

В статье рассматривается проблема психологического благополучия в контексте психологического консультирования. Проблема психологического благополучия начала широко обсуждаться со второй половины прошлого века в американской школе, начиная с работ Брэдбурна [1]. На наш взгляд, проблема психологического благополучия особенно актуальна в контексте психологического консультирования, поскольку конечная цель консультирования в разных школах – благополучие человека. Изучение данного феномена на разных возрастных этапах позволит решить ряд прикладных задач в области психологического консультирования. В частности, изучение структуры психологического благополучия в пожилом возрасте позволит более полно решать задачи, выдвигаемые клиентом, и подбирать инструментарий воздействия, соответствующий специфике именно этого возрастного периода.

Ключевые слова: структура психологического благополучия, удовлетворенность жизнью, смысло-жизненные ориентации.

В нашем исследовании мы опирались на определение психологического благополучия К.Рифф, которая определяет его как «интегральный показатель степени направленности человека на реализацию основных компонентов позитивного функционирования (личностного роста, самопринятия, управления средой, автономии, цели в жизни, позитивных отношений с окружающими), а также степени реализованности этой направленности, субъективно выражающейся в ощущении удовлетворённости собой и собственной жизнью» [2].

Целью нашей работы было выявление взаимосвязи психологического благополучия, осмысленности жизни и удовлетворенности ею в разных возрастных периодах.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методики:

- «Шкала психологического благополучия, К. Рифф»;
- «Шкала субъективной удовлетворенности, Diener».
- Методика СЖО (смысло-жизненных ориентаций) Д.А.Леонтьева.

Среди гипотез, поставленных и доказанных в ходе исследования, были следующие:

1. Разные возрастные периоды различаются по структуре психологического благополучия, смысло-жизненным ориентациям и удовлетворенностью жизнью;

2. Существует зависимость между психологическим благополучием, смысло-жизненными ориентациями и удовлетворенностью жизнью;

3. В разных возрастных периодах взаимосвязь между психологическим благополучием, смысло-жизненными ориентациями и удовлетворенностью жизнью различна и имеет свою специфику.

В исследовании принимали участие 4 выборки общей численностью 120 человек. Подбор выборки осуществлялся на основе периодизации психического развития Э. Эриксона:

1. Подростковый (юношеский) возраст (11-21 лет): выборка состояла из 30 человек.

2. Ранняя зрелость/молодость (21-40 лет): выборка состояла из 30 человек.

3. Средняя зрелость/зрелость (40-60 лет): выборка состояла из 30 человек.

4. Поздняя зрелость / старость (после 60 лет): выборка состояла из 30 человек.

В работе был проведен анализ:

- средних результатов по каждой методике;
- значимых различий между выборками по U-критерию Манна-Уитни;
- корреляционных связей как между шкалами внутри одной методики, так и между шкалами методик. (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена).

В начале анализа полученных результатов исследования мы обратились к динамике показателей уровня психологического благополучия на разных возрастных этапах. Если говорить об интегральном показателе психологического благополучия, то здесь можно проследить такую динамику: наиболее низкие показатели отмечаются в подростковом возрасте и в старости. А своего пика уровень психологического благополучия достигает в ранней зрелости. Такая динамика может быть объяснена тем, что уровень психологического благополучия в данном возрастном периоде складывается из тех компонентов, баллы по которым выше у этой выборки, а именно: «положительные отношения с окружающими», «личностный рост», «цель в жизни», «самопринятие». Эти параметры позитивного функционирования реализованы в ранней зрелости в большей степени, по сравнению с другими возрастными периодами.

Для того, чтобы посмотреть, какие параметры психологического благополучия связаны друг с другом в пожилом возрасте, из каких компонентов скла-

дывается структура психологического благополучия, мы обратились к анализу корреляционных связей между параметрами позитивного функционирования в старости внутри методики Рифф «Шкалы психологического благополучия». Результаты получились следующие.

Структура психологического благополучия в данной выборке (поздняя взрослость/старость) в корне отлична от более ранних периодов.

Шкала «Положительные отношения с окружающими» имеет положительные корреляции лишь с параметрами «Личностный рост» и «Цель в жизни». Эти связи означают, что в старости представители данной выборки могут реализовывать себя в отношениях с окружением, в частности, в собственной семье через помощь детям в воспитании внуков. Можем сказать, что наличие целей и личностный рост связаны в старости с освоением новых ролей, и, соответственно, новых функций в семье.

Зато у шкалы «Автономия» в этом возрастном диапазоне мы можем отметить положительную корреляцию с параметром «Управление окружением». Выявленная связь означает: то, насколько в старости человек чувствует себя уверенным и компетентным в управлении жизненными обстоятельствами, влияет на возможность регулировать собственное поведение и оценивать себя, исходя из собственных норм поведения, принципов, стандартов, не опираясь на мнение и оценки других.

«Управление окружением» положительно коррелирует со шкалами «Автономия», «Личностный рост» и «Цели в жизни». В старости связь между перечисленными параметрами означает, что возможность управлять самостоятельно жизненными обстоятельствами в соответствии со своими желаниями и потребностями способствует ощущению собственной независимости, заинтересованности жизнью и построению планов на будущее.

«Личностный рост» имеет положительные корреляции с такими параметрами позитивного функционирования как «Положительные отношения с окружающими», «Управление окружением», «Цель в жизни». Наличие доверительных отношений поддерживает ощущение того, что человек может изменяться, например, в связи с освоением новых функций и новых ролей, которые приходится осваивать в старости. Способность осуществлять задуманное и оказывать влияние на ту среду, в которой человек существует, может способствовать тому, что и в старости за счет этого человек может ощущать изменения в себе и реализацию собственного потенциала, а это, в свою очередь, дает основу для постановки новых целей.

У шкалы «Цель в жизни» мы наблюдаем связь с тремя параметрами позитивного функционирования: «Положительные отношения с окружающими», «Управление средой» и «Личностный рост». Корреляции между ними положительные, а это означает, что в отношениях с другими человек может реализовывать свои цели и планы; постановка целей способствует тому, что в старости человек организует среду по своему усмотрению, опираясь на собственные нужды, что дает возможность проявлять себя и реализовывать потенциал.

Что касается шкалы «Самопринятие», то здесь наблюдается интересная картина: она не коррелирует ни с одним из параметров позитивного функционирования в данной выборке. Это дает нам основание предполагать, что в данном возрастном периоде человек принимает себя не на основе той ситуации, которая складывается в настоящем, благодаря отношениям с окружающими, наличию целей, способности быть независимым от других и т.д., а на основе своей прошлой жизни, прошлых достижений.

Проанализировав связи внутри методики Рифф «Шкалы психологического благополучия», мы построили структуру корреляционных связей параметров психологического благополучия в поздней зрелости /старости.

На основе анализа данных мы можем сказать следующее. Структура психологического благополучия в данной выборке представлена семью связями разного уровня значимости. ИОС (индекс организованности системы) в этом возрастном периоде равен 7. Это говорит о том, что структура психологического благополучия у этой выборки организована достаточно хорошо, однако связи между всеми компонентами достаточно слабые.

Список литературы

1. Bradburn N. The Structure of Psychological Well-Being. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969. – 320 p.

2. Фесенко П.П. Что такое психологическое благополучие? Краткий обзор основных концепций // Научные труды аспирантов и докторантов. 2005*9 (46) / Факультет научно – педагогических кадров Московского гуманитарного университета; Ред. совет: Е.Д. Катульский и др.; Сост., научн. Ред. В.К. Криворученко. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. – Вып. 46. – 140 с. с. 35-48.

ПОТЕНЦИАЛ УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В КРАУДСОРСИНГОВЫХ ПРОЕКТАХ РЕГИОНА¹

Шановал Ж.А.

ст. преподаватель кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ»,
канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

Статья посвящена проблеме использования краудсорсинговых технологий в региональном управлении. Представлен анализ результатов социологического исследования по данной теме, проведенного в Белгородской области. Оценивается информированность респондентов о технологии краудсорсинга, уровень удовлетворенности информационной открытостью органов власти, а также потенциал участия граждан в краудсорсинговых проектах региона.

¹ Статья опубликована при финансовой поддержке РГНФ №14-13-31006/14. Тема проекта «Технологии краудсорсинга в региональном управлении: возможности и риски». Руководитель: Бабинцев В.П.

Ключевые слова: краудсорсинг, региональное управление, гражданская активность, народная экспертиза, гражданское участие, информированность граждан.

Понятие «краудсорсинг» (образовано от английских слов «толпа» и «аутсорсинг») обозначает передачу за вознаграждение части бизнес-процессов на обслуживание профессионалам. Краудсорсинг основан на предположении, что в обществе всегда присутствуют талантливые люди, готовые бесплатно или за символическое вознаграждение генерировать идеи, решать проблемы и даже проводить исследования в корпоративных или общественных целях. При этом главным стимулом для них является не вознаграждение, а возможность увидеть воплощение своей идеи в практической деятельности.

В настоящее время механизмы краудсорсинга используются практически во всех областях деятельности, за исключением некоторых сфер, требующих специальных знаний и особых профессиональных навыков. Привлекательным является применение нового инструмента не только в бизнесе, но и в государственном секторе для эффективного взаимодействия органов власти и гражданского общества [3].

В этом отношении технологии краудсорсинга выполняют несколько важных функций:

- во-первых, служат одним из важных каналов участия граждан в управлении обществом и защиты индивидуальных и групповых интересов;
- во-вторых, позволяют осуществить коррекцию управленческих решений, минимизирует возникающие при этом риски;
- в-третьих, служат факторами формирования гражданской и политической культуры, гражданского и политического воспитания населения [2, с. 56].

Для изучения мнения граждан о технологии краудсорсинга в региональном управлении в Белгородской области в 2014 году коллективом кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ» было проведено социологическое исследование¹.

Его результаты показали, что по мнению всего трети опрошенных в Белгородской области в настоящее время созданы благоприятные условия для участия граждан в управлении. Относительное большинство респондентов (41,8%) дали отрицательную оценку, четверть опрошенных затруднились с ответом.

С точки зрения опрошенных, к числу основных обстоятельств, препятствующих участию граждан в управлении регионом, относится, прежде всего, пассивность граждан (этот вариант выбрали почти половина респондентов – 47,88%). Также участники исследования указали на незаинтересованность высшего руководства региона в широком обсуждении решений и их осуществ-

¹ Социологическое исследование «Краудсорсинг в региональном управлении» проведено в марте 2014 г. (рук. – проф. В.П. Бабинцев) на территории Белгородской области методом анкетного опроса (N=1000).

лении (31.41%), недооценку чиновниками роли общественного мнения (29.65%), коррумпированность власти (22.94%).

Однако анализ распределения ответов респондентов, ответивших отрицательно на вопрос о том, созданы ли в регионе условия для участия граждан в управлении, дает несколько другие результаты. Так, относительное большинство опрошенных в качестве основной причины, препятствующей участию граждан в управлении, указали в первую очередь на незаинтересованность высшего руководства региона в широком обсуждении решений и их осуществлении (41.63%), и только потом – на пассивность самих граждан (39.00%). Также данная группа респондентов заметно чаще, чем в целом по выборке, выбирала такие варианты ответа, как коррумпированность власти (30.62% против 19.5% по выборке) и отсутствие системы предоставления населению информации о работе органов государственной власти (26.56% против 16.00%).

Анализ результатов исследования показывает, что проблемами управления областью по самооценке интересуется абсолютное большинство граждан – 80.10%. Всего лишь 13.8% ответили отрицательно, 5.2% затруднились с ответом. При этом основным источником получения информации для подавляющего большинства респондентов, интересующихся проблемами управления областью, является телевидение – данный вариант выбрали 68.91% опрошенных. На втором месте по популярности – интернет (43.82%), газеты (29.21%). Примерно каждый пятый указал на рассказы знакомых, друзей (21.85%), а также на повседневный опыт (21.22%).

Показатель удовлетворенности населения информацией о работе органов управления областью, как показало исследование, является относительно невысоким – доля удовлетворенных составила немногим более трети опрошенных – 36.4%. Неудовлетворенных информацией о работе органов управления заметно больше – 43.9%.

Примечательно, что полученные оценки удовлетворенности информацией в целом коррелируют с результатами другого исследования, проведенного в апреле 2014 года на территории Белгородской области, посвященного проблемам формирования солидарного общества¹. Так, по итогам упомянутого исследования, показатели удовлетворенности информационной открытостью власти заметно ниже, чем удовлетворенность ее общей деятельностью. Более всего жители Белгородской области удовлетворены информационной открытостью Губернатора – 49.60%, менее всего – органов местного самоуправления городских и сельских поселений – 13.90%.

Таким образом, удовлетворенность населения региона информационной открытостью органов власти различных уровней сравнительно низка. Только в

¹ Социологическое исследование «Оценка эффективности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного общества»» проведено в апреле 2014 г. (рук. – проф. В.П. Бабинцев) на территории Белгородской области методом анкетного опроса (N=1000).

отношении Губернатора области показатель приближается к 50%. Как показывает проведенное исследование, как правило, самый низкий уровень удовлетворенности демонстрируют сельские жители. Очевидно, что это обусловлено не столько объективным ухудшением в данной сфере, сколько несоответствием темпов изменения ситуации растущим запросам граждан. Возможно, сказывается также информационная некомпетентность значительной части населения – люди не знают об уже имеющихся средствах и технологиях получения нужной им информации или не могут ими воспользоваться по причине технологической неграмотности. Таким образом, необходимо не только продолжать деятельность по информированию граждан о принципах и процедурах деятельности органов власти, но и рекламировать имеющиеся «точки доступа» к важной для граждан информации [1].

По данным социологического исследования «Краудсорсинг в региональном управлении» основными причинами неудовлетворенности информацией о деятельности органов управления более чем для половины опрошенных является ее недостоверность – вариант «информация не отражает реального состояния дел» выбрали 51.25% респондентов. Кроме того, участники исследования указали на недостаточность информации – так ответил каждый четвертый. Примечательно, что только 16.17% респондентов указали на то, что такую информацию сложно получить.

По оценке только 30.8% респондентов деятельность органов управления в Белгородской области является достаточно открытой для населения. В свою очередь, в той или иной степени закрытой её считают 59.5% опрошенных (сумма вариантов ответа «недостаточно открыта», «скорее закрыта», «полностью закрыта»).

Немногим более трети респондентов (35.40%) слышали о краудсорсинге как о способе вовлечения граждан в процесс социального взаимодействия с органами управления и соучастия в процессе разработки и принятия решений, подавляющее большинство (64.60%) дали отрицательный ответ. При этом более половины опрошенных (53.31%) проявляли когда-либо гражданскую активность в интернете. Основными формами гражданского участия респондентов выступили: посещение сайтов партий, общественных (некоммерческих) организаций, политических лидеров (48.94%), участие в интернет-голосованиях по общественным вопросам (46.24%), высказывания по общественным и политическим проблемам в блогах, социальных сетях, на новостных сайтах (29.79%). В меньшей степени оказались востребованы респондентами такие формы гражданской активности, как пожертвования средств в благотворительные фонды, незнакомым нуждающимся людям (только каждый пятый опрошенный выбрал данный вариант), распространение информации об общественных и политических проблемах и событиях (каждый десятый респондент), размещение на централизованных сервисах информации о местных проблемах (всего 6.38%), участие в общественной экспертизе законопроектов (6.24%).

Таким образом, несмотря на то, что более половины опрошенных проявляют гражданскую активность в интернете, большая часть из них предпочитают такие формы участия, которые не требуют затрат времени и средств. В непосредственно краудсорсинговых проектах (общественная экспертиза, краудфандинг и др.) принимали участие лишь небольшая доля опрошенных.

Одной из задач анализируемого исследования являлось определение потенциала участия граждан в краудсорсинговых проектах регионального управления. В результате было выявлено, что абсолютное большинство опрошенных (73.00%) хотели бы на добровольной основе принимать участие в голосовании за те или иные региональные проекты; значительно меньшая, но тем не менее весомая часть респондентов (48.10%) хотели бы предложить собственные идеи о путях развития области; почти столько же граждан (47.00%) хотели бы принять участие в формировании коллективов для разработки необходимых в области проектов. Меньше всего оказалось желающих на добровольной основе участвовать в финансировании региональных проектов – всего 23.20%.

21.90% респондентов не хотят участвовать в краудсорсинговых проектах, поскольку считают, что этим должны заниматься государственные и муниципальные органы; каждый пятый опрошенный не верит в то, что его участие принесет реальные результаты; 17.80% заявили о том, что не имеют необходимых способностей; каждый десятый отметил, что результаты его участия будут присвоены другими.

Анализ результатов проведенного исследования выявил довольно высокий уровень готовности респондентов к объединению с другими людьми в целях решения общественных проблем – подавляющее большинство респондентов (77.60%) готовы к сотрудничеству. При этом анализ распределения ответов респондентов в зависимости от пола показывает, что мужчины демонстрируют более высокий уровень готовности к взаимодействию с другими людьми для решения общественных проблем, чем женщины (80.00% – мужчины; 75.43% – женщины).

Наиболее высокий уровень готовности к объединению с другими людьми для решения общественных проблем (81.23%) зафиксирован в самой молодой группе респондентов (18-29 лет). В других возрастных категориях значение показателя ниже, причем с увеличением возраста уровень готовности к взаимодействию с другими гражданами снижается. Так, среди респондентов 50-59 лет доля граждан, выразивших готовность объединению с другими людьми для решения общественных проблем, составляет уже 68.92%.

По мнению абсолютного большинства опрошенных (85.50%), участие граждан в делах региона является необходимым, только 5.50% дали отрицательный ответ. По оценке респондентов, ведущая роль в мотивации участия большинства людей в деятельности органов государственной власти принадлежит, прежде всего, осознанию общественной важности и значимости такого участия (на это указали относительное большинство респондентов – 45.80%). В

числе других мотивов участники исследования отметили материальную выгоду (так ответил почти каждый четвертый (23.80%), а также возможность самореализации (15.10%). При этом материальные стимулы оказались наиболее важны для самой молодой группы респондентов (18-29 лет): 35.02% представителей данной когорты выбрали данный вариант. Мотив осознания того, что принимаешь участие в чем-то важном для себя и общества оказался наиболее важен среди респондентов 30-39 лет (55.12%).

Таким образом, очевидно, что потенциал вовлечения граждан в краудсорсинговые проекты региона довольно высок, поскольку почти половина опрошенных хотели бы предлагать собственные идеи о путях развития области и даже принимать участие в работе проектных команд. Кроме того, подавляющее большинство опрошенных готовы к объединению с другими людьми для решения общественных проблем. Но вместе с тем, основным фактором, снижающим потенциал гражданского участия, является убежденность респондентов в том, что их от них ничего не зависит и их участие не принесет результата. В данной ситуации проявляется типичное для российских граждан пассивно-созерцательное отношение к социальной действительности, выражающееся в уверенности, что «от меня ничего не зависит».

В целом, проведенное исследование показывает, что по мнению большинства респондентов, в настоящее время в Белгородской области благоприятные условия для участия граждан в публичном управлении пока что не сформированы. Основными причинами, препятствующими участию граждан в управлении регионом, по оценкам опрошенных является, с одной стороны, незаинтересованность высшего руководства региона в широком обсуждении решений и их осуществлении, с другой – пассивность самих граждан. Тем не менее, проблемами управления областью по самооценке интересуется абсолютное большинство граждан, используя в качестве источника информации телевидение и интернет. Однако уровень удовлетворенность населения региона информацией о деятельности органов власти различных уровней сравнительно низок, что обусловлено по оценкам респондентов, прежде всего, ее недостоверностью и недостаточностью. Уровень информационной открытости органов управления, по мнению опрошенных, также является недостаточно высоким.

Сравнительно низкий уровень информированности свидетельствует, прежде всего, о том, что властные структуры пока еще с большим трудом переориентируются от традиционной для них установки на закрытость к открытой модели взаимодействия с населением. В то же время, коммуникативный процесс является двусторонним, и эффективность его зависит от позиции обоих контрагентов. Поэтому можно констатировать, что пока к нему в полной мере не готовы не только государственные структуры, но и значительная часть населения.

Список литературы

1. Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования «Оценка эффективности реализации Стратегии «Формирование регионального солидарного

общества»» / Бабинцев В.П., Заливанский Б.В., Реутов Е.В., Самохвалова Е.В. Белгород, 2014.

2. Технология краудсорсинга в региональном управлении [Текст] : монография / Под ред. Бабинцева В.П. – Белгород : КОНСТАНТА, 2014. – 236 с.

3. Шапигузов С.М., Сиягин А.К. Краудсорсинг в госсекторе: инновация с расчетом на гражданское общество [Электронный ресурс] / С.М. Шапигузов, А.К. Сиягин. – Режим доступа: <http://bujet.ru/article/193827.php>.

МЕДИЦИНСКАЯ АКТИВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Юрова И.Ю.

аспирант кафедры философии, гуманитарных наук и психологии
ГБОУ ВПО Саратовского ГМУ имени В.И. Разумовского Минздрава России,
Россия, г. Саратов

В статье представлен анализ медицинской активности сельского населения с профессиональными заболеваниями. На основании результатов отечественных исследований и авторского социологического исследования выявлен ряд факторов, влияющих на частотность обращаемости сельского населения за медицинской помощью. Отмечена интенсивность обращений жителей села с профессиональными заболеваниями в лечебные учреждения.

Ключевые слова: сельское население, медицинская активность, обращаемость, профессиональные заболевания.

Организация медицинской помощи сельским жителям основана на тех же принципах, что и медицинское обслуживание населения города, но имеет свои особенности, обусловленные спецификой жизни и труда сельского населения. Главной особенностью является этапность предоставления медицинской помощи, которая осуществляется посредством целого ряда медицинских учреждений от фельдшерско-акушерских пунктов, оказывающих доврачебную помощь, до областных больниц, предоставляющих полный спектр медицинских услуг. Наряду с необходимостью учета специфики оказания медицинской помощи на селе в целом актуальным представляется изучение медицинской активности сельского населения с профессиональными заболеваниями в связи с особенностями труда в агропромышленном комплексе, который по степени вредности и опасности факторов производственной среды, тяжести и напряженности трудового процесса классифицируется как вредный. Поскольку именно систематические, четко организованные меры, такие как посещение медицинских учреждений, профилактические осмотры и диспансеризация характеризуют индивидуальную позицию сельских жителей в отношении сохранения здоровья.

Материалом для анализа степени медицинской активности сельского

населения послужили данные отечественных исследований и проведенное в 2013 году в Саратовской области социологическое исследование методом анкетирования. Характеристика выборки: сельские жители с профессиональными заболеваниями, занятые в различных отраслях агропромышленного комплекса (N=224); возрастной диапазон: 45-60 лет; гендерное распределение: мужчины – 64,2%, женщины – 35,8%. Исследование проводилось на базе ФБУН Саратовского НИИ сельской гигиены Роспотребнадзора и ГБОУ ВПО Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского Минздрава России.

По мнению многих исследователей, предоставление качественной медицинской помощи сельскому населению отягощается территориальной удаленностью, малочисленностью сельских населенных пунктов, высокой текучестью медицинских кадров, низким уровнем обеспечения сельских медицинских учреждений современным медицинским оборудованием [4,6,7,9]. Низшее звено, фельдшерско-акушерские пункты, отвечает за предоставление минимального набора основных медицинских услуг. Каждое последующее структурное звено системы обеспечивает более широкий спектр квалифицированных медицинских услуг, чем предыдущее. Так, фельдшер осматривает больного, оказывает ему первую доврачебную помощь и, если это необходимо, отправляет на консультацию или лечение в сельскую амбулаторию или центральную районную больницу. Сложные случаи, требующие специализированного обследования и лечения, передаются в крупные областные клиники по различным направлениям. При этом, учитывая удаленность многих населенных пунктов, сезонность сельскохозяйственных работ и низкую мотивацию сельских жителей в отношении своего здоровья, можно говорить о значительном снижении медицинской активности сельского населения, что подтверждается рядом исследований. Результаты исследования В.П. Гордиенко и А.А. Вахненко показали, что доля городских жителей, регулярно проходящих медицинские осмотры, значительно выше – 58,2%, в то время как процент сельского населения составляет 40,7%. По мнению авторов, это связано с большей доступностью медицинской помощи в городах и ответственным отношением городского населения к состоянию своего здоровья, что свидетельствует о более высоком уровне медицинской активности городского населения в сравнении с сельским [4].

Важно подчеркнуть наличие возрастного фактора, влияющего на количество и частотность профилактических осмотров среди сельского населения. По данным Л.В. Шамановой, частотность прохождения медицинских осмотров наиболее высока в возрастной группе 18-40 лет – 58,3%, тогда как в возрастных группах 41-60 лет и 61-70 лет она составляет 27,7% и 9,8% соответственно [10, с.33]. Таким образом, автор констатирует снижение медицинской активности сельских жителей средней и старшей возрастной группы.

По результатам проведенного авторского исследования только у 42,8% респондентов с профессиональным заболеванием патология была выявлена на

обязательном медицинском осмотре, что может быть связано с низкой санитарной грамотностью сельского населения и недостаточной заинтересованностью в сохранении своего здоровья. Однако, именно регулярное прохождение профилактических медицинских осмотров способствует более раннему выявлению заболеваний, в том числе и профессиональных патологий, снижает риск потери трудоспособности в связи с инвалидностью.

Частотность обращаемости жителей села за медицинской помощью тоже характеризует степень их медицинской активности. Как указывает А.А. Евсюков, на одного сельского жителя в год приходится 3,8 посещения поликлинического отделения центральной районной больницы; 2,2 – сельской врачебной амбулатории и 3,6 – фельдшерско-акушерского пункта [5, с.26]. По данным Р.К. Гарипова, в течение года каждый респондент 3,3 раза обратился в поликлинику центральной районной больницы; 1,6 раза – в сельскую врачебную амбулаторию и 2,2 раза – в фельдшерско-акушерский пункт [2, с.21]. Т.В. Рыжонина констатирует, что при возникновении заболевания 25,6% опрошенных сельских жителей всегда обращаются к врачу; 44,4% обращаются не регулярно; 24,8% только изредка обращаются к врачу, а 4,8% респондентов не считают необходимым обращаться к врачу вообще [8, с.10].

Однако, согласно проведенному нами исследованию, 42,8% опрошенных регулярно посещают врача в связи со своим профессиональным заболеванием; 10,7% респондентов совсем не обращаются за врачебной помощью; 1,8% ответивших обращаются к врачам крайне редко. Основной причиной более высокой обращаемости за медицинской помощью сельских жителей с наличием профессиональных патологий является доступность получения квалифицированного лечения в специализированных медицинских учреждениях, так как реабилитация, плановая госпитализация и необходимые лекарственные препараты предоставляются таким больным бесплатно. Таким образом, анализ анкетных данных позволяет сделать вывод о том, что у респондентов, имеющих профессиональное заболевание, повышается медицинская активность.

Другими значимыми факторами, влияющими на уровень медицинской активности сельских жителей, являются: доверие населения к лечебным учреждениям; медико-правовая грамотность жителей села; сезонность обращений. С точки зрения Л.А. Горбуновой, среди сельских жителей отмечается низкий уровень доверия к лечебным учреждениям. По данным исследования, проведенного автором в Петровском районе Саратовской области, недоверие к медицинским услугам выразили 72,3% опрошенных [3, с.10]. Результаты исследования В.И. Зуева выявили, что число обращений к врачам на одного жителя села в 2 раза ниже, чем в городе [7]. Это подтверждается результатами анкетирования Е.А. Булавинова, который, наряду с низкой медицинской активностью (в 2,3 раза ниже, чем у городского населения) отмечает и низкую медико-правовую грамотность сельского населения (на 30% ниже, чем в городе) [1, с.8].

Л.В. Шаманова указывает и на сезонные факторы, обуславливающие изменение коэффициента обращаемости сельских жителей за медицинской по-

мощью. Так, наибольшее количество обращений приходится на холодное время года – около 30 %. В летний период количество обращений снижается до 20%, что связано с сезонной занятостью сельского населения и, соответственно, с отсутствием возможности обращения в период активизации сельскохозяйственных работ [10, с.34].

Таким образом, можно констатировать, что низкая медицинская активность сельских жителей обусловлена территориальной недоступностью квалифицированной медицинской помощи на селе; сезонностью сельскохозяйственных работ; определенной степенью недоверия к лечебным учреждениям; недостаточной медицинской грамотностью сельского населения. При этом, для жителей села с профессиональными заболеваниями характерен более высокий уровень медицинской активности в связи с доступностью для них квалифицированного лечения в специализированных медицинских учреждениях.

Список литературы

1. Булавинов, Е.А. Права сельских жителей как пациентов: медицинские потребности и социальные возможности [Текст] : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Е.А. Булавинов. – Волгоград, 2009. – 25 с.
2. Гарипов, Р.К. Медико-социальные аспекты состояния здоровья и организации медицинской помощи сельскому населению в условиях реформирования здравоохранения [Текст] : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Р.К. Гарипов. – Оренбург, 2012. – 25 с.
3. Горбунова, Л.А. Интеграция сельского здравоохранения в национальные стратегии российской медицины [Текст] : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Л.А. Горбунова. – Волгоград, 2009. – 25 с.
4. Гордиенко, В.П. Медико-социологическая оценка образа жизни и некоторых показателей онкологической помощи населению Амурской области [Электронный ресурс] / В.П. Гордиенко, А.А. Вахненко // Социальные аспекты здоровья населения: электронный журнал. – 2012. – № 4. – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/419/27/lang,ru>.
5. Евсюков, А.А. Медико-демографические и организационные основы медицинской помощи сельскому населению в современных экономических условиях [Текст] : автореф. дис. ... док. мед. наук / А.А. Евсюков. – Москва, 2010. – 50 с.
6. Евсюков, А.А. Медико-демографические показатели здоровья сельского населения в Республике Башкортостан: Монография [Текст] / А.А. Евсюков, Н.Х. Шарафутдинова, А.А. Калининская. – Уфа, 2010. – 250 с.
7. Зуев, В.И. Организация медицинской помощи на селе: социологический анализ [Электронный ресурс] / В.И. Зуев, Н.Г. Чевтаева, О.А. Шипиловская // Научный вестник уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. – 2009. – № 9. – С. 99-105. – Режим доступа: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2009/04/13>.
8. Рыжонина, Т.В. Оптимизация деятельности фельдшерско-акушерских пунктов, как фактор улучшения качества оказания медицинской помощи сельским жителям [Текст] : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Т.В. Рыжонина. – Санкт-Петербург, 2009. – 24 с.
9. Чернышкова, Е.В. Потребление медицинских услуг пожилыми людьми в контексте социального неравенства (на примере Саратовской области) [Текст] / Е.В. Чернышкова, Е.А. Андриянова // Саратовский научно-медицинский журнал. – 2011. – Т. 7. – № 1. – С. 139-141.
10. Шаманова, Л.В. Обращаемость пациентов за медицинской помощью в сельский терапевтический участок [Текст] / Шаманова Л.В. // Здравоохранение Российской Федерации. – 2011. – № 3. – С. 32-34.

СЕКЦИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

РЕФЕРЕНДУМ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Вашикидзе Г.Т.

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассмотрены аспекты правового регулирования института референдума, раскрыто понятие данного института, проведен анализ нормативно-правовых актов регулирующих референдумный процесс в Российской Федерации, рассказывается о роли института референдума в современной России.

Ключевые слова: референдум, референдумный процесс, избирательное законодательство, законодательство о референдумах.

Согласно основам конституционного строя, закрепленных в Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 года Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Высшим непосредственным выражением власти народа в современных демократиях являются референдум и свободные выборы [12, с. 13]. Несмотря на специфику этих институтов, их объединяет один признак: волеизъявление народа в каждом случае осуществляется посредством голосования.

Но в ходе выборов граждане голосуют за определенного человека, который будет представлять их интересы во властных институтах, в том числе поддерживая или нет те или иные политические решения, а на референдуме они напрямую выражают свое согласие или несогласие по какому-либо важному вопросу государственной или общественной жизни.

Референдум произошел от латинского *referendum* и представляет собой форму всеобщего, равного и прямого волеизъявления граждан по наиболее важным государственным и местным вопросам, в целях принятия общеобязательных решений, путем тайного голосования [3, с. 76]. В теории избирательного права референдум понимается как голосование граждан, имеющих активное избирательное право, по вопросам, которые в установленном законом порядке вынесены на референдум в целях получения от участников референдума четко выраженного однозначного ответа типа «да» или «нет», «за» или «против» [14].

Так же институт референдума, возможно, рассматривать и как [1, с. 56]:

– основу конституционного строя, высшее непосредственной формой выражение власти народа, определяющий принцип народовластия.

– конституционное право граждан Российской Федерации на участие в референдуме.

– конституционное полномочие только Президента Российской Федерации назначать референдум в порядке, установленном федеральным конституционным законом, и недопустимость такого полномочия у исполняющего обязанности Президента Российской Федерации.

– форму осуществления местного самоуправления.

– способ принятия новой Конституции Российской Федерации [13, ст. 4619].

– способ принятия и образования нового субъекта в составе Российской Федерации, изменение конституционно правового статуса субъекта Российской Федерации [15, ст. 137]. Так, в 2003–2007 в ряде субъектов прошли референдумы об их объединении.

Родиной референдума признано считать Швейцарию, где он был проведен впервые в 1439 году, и в которой до сих пор достаточно широко применяется этот институт непосредственной демократии. Ряд Европейских государств так же стали достаточно широко использовать пример Швейцарии и применять в своих государствах практику применения референдумов по наиболее значимым вопросам. Так, были проведены множественные референдумы в Норвегии, Франции, Финляндии, Италия, Дания и других европейских странах. Референдум проводился и во многих странах СНГ: Белоруссии, Украине, Казахстане. Что касается Российской Федерации, то, как преемницы СССР, история проведения референдумов по сравнению с европейским опытом не велика. Впервые понятие всенародного опроса появилось в Конституции СССР 1936 года – в ст. 49 указывалось, что «Президиум Верховного Совета СССР производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик» [8]. Далее было закрепление в Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г., которые предусматривали возможность проведения всенародного голосования (референдума) по наиболее важным вопросам государственной жизни. Фактически же референдумы не проводились [9].

Единственный в СССР всесоюзный референдум состоялся 17 марта 1991 года. На него был вынесен вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?». В референдуме приняло участие 75,44 % граждан СССР, имеющих право голоса. За сохранение СССР высказалось 76,4 % участников опроса. Это, однако, не помешало распаду СССР уже в декабре того же года.

В тот же день – 17 марта 1991 года прошёл первый всероссийский референдум о введении поста Президента Российской Федерации. В нём приняло участие 75,09 % граждан РСФСР, из них 69,85 % поддержало это предложение. Через три месяца, 12 июня 1991 года, первым Президентом Российской Федерации был избран Борис Ельцин.

25 апреля 1993 года, во время противостояния Президента и Верховного Совета Российской Федерации, прошёл референдум, на который были вынесены четыре вопроса. В референдуме приняли участие 64,51 % избирателей. На вопрос «Доверяете ли вы Президенту РФ Борису Ельцину?» ответило «да» 58,66 % голосовавших, на вопрос «Одобряете ли вы социально-экономическую политику, осуществляемую Президентом и Правительством РФ с 1992 года?» – 53,04 %. За досрочные выборы Президента высказалось 49,49 %, за досрочные выборы народных депутатов – 67,16 % от числа проголосовавших, но менее половины от общего числа избирателей. В итоге внеочередных выборов не проводилось, а Верховный Совет РФ был распущен в соответствии с указом Президента Бориса Ельцина № 1400 от 21 сентября 1993 года [6].

12 декабря 1993 года, одновременно с выборами в Государственную Думу первого созыва, прошло всенародное голосование по проекту Конституции России. В голосовании участвовало 54,79 % избирателей, из них 58,42 % поддержало новый Основной закон, который действует по настоящее время [2]. Так в действующей Конституции России имеются нормы, регулирующие референдумный процесс в России. Государством гарантируются свободное волеизъявление граждан Российской Федерации на референдуме Российской Федерации, защита демократических принципов и норм права, определяющих право граждан на участие в референдуме. Референдум Российской Федерации не может быть использован в целях принятия решений, противоречащих Конституции Российской Федерации, а также в целях ограничения, отмены или умаления общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, конституционных гарантий реализации таких прав и свобод [16].

Отдавая большую значимость данному вопросу, Государственной Думой был принят Федеральный Конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 28 июня 2004 года №5-ФКЗ в замену аналогичному ранее действующему Федеральному конституционному закону от 10 октября 1995 года. Новый закон конкретизировал отдельные положения касательно инициативы проведения референдума, касательно агитационной группы и многие другие положения.

Особенностью референдумного процесса в России является деление референдумно-правовых процедур на стадии.

Так, по мнению А.В. Иванченко, референдумный процесс включает в себя следующие стадии:

1) подготовка референдума: инициатива народа, информирование граждан, агитация, обсуждение вопроса выносимого на референдум.

2) проведение референдума: регистрация инициативной группы, назначение референдума, формирование комиссий, организация референдума, голосование, установление результатов голосования, подведение и опубликования итогов голосования.

3) реализация принятого на референдуме решения: вступление в силу, принятие правового акта, если принятие такого акта обязательно [5, с. 512].

Говоря о первой стадии, право инициативы проведения референдума принадлежит не менее чем двум миллионам граждан Российской Федерации, имеющих право на участие в референдуме, – при условии, что на территории одного субъекта Российской Федерации или в совокупности за пределами территории Российской Федерации находится место жительства не более 50 тысяч из них [16].

Реализация права инициативы граждан Российской Федерации происходит через образование инициативных групп, которые должны состоять из региональных подгрупп, создаваемых более чем в половине субъектов Российской Федерации, численностью не менее 100 участников референдума, место жительства которых находится на территории того субъекта Российской Федерации, где образована региональная подгруппа. Региональные подгруппы проводят общие собрания и формулируют вопрос, выносимый на референдум.

Однако, по мнению Л.А. Нудненко: «в некоторых ситуациях излишняя конкретизация может сделать федеральный закон фактически не действующим...». По её мнению, конкретизация отдельных положений в новом Федеральном конституционном законе «О референдуме Российской Федерации», значительно усложняет порядок реализации инициативы проведения референдума [11 с. 176-180]. Так установление численности инициативной группы в 100 человек для малонаселенных субъектов с некомпактным проживанием граждан трудновыполнимо. Кроме того не все лица могут входить в инициативные группы, участвовать в выдвижении инициативы, а так же голосовать по вопросам референдума. Данным правом обладают согласно статье 5 ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» от 28 июня 2004 года №5-ФКЗ Гражданин Российской Федерации, достигший возраста 18 лет [7].

Не имеет права участвовать в референдуме гражданин Российской Федерации, признанный судом недееспособным или содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда.

Так же законом четко установлен запрет вынесения на голосования следующих вопросов:

1) об изменении статуса субъекта Российской Федерации, закрепленного Конституцией Российской Федерации;

2) о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также о проведении досрочных выборов Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Со-

брания Российской Федерации либо о перенесении сроков проведения таких выборов;

3) об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации;

4) о персональном составе федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов;

5) об избрании, о досрочном прекращении, приостановлении или продлении срока полномочий органов, образованных в соответствии с международным договором Российской Федерации.

8) о принятии чрезвычайных и срочных мер по обеспечению здоровья и безопасности населения;

10) отнесенные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами к исключительной компетенции федеральных органов государственной власти [16].

Впрочем, по мнению Л.А. Нудненко, есть и положительные моменты в новом законе, так например, снижено допустимое минимальное количество подписей граждан в поддержку инициативы проведения референдума собираемого в одном субъекте до 50 тысяч [3, с. 76].

Осуществлять сбор подписей в поддержку инициативы проведения референдума принадлежит исключительно членам инициативной группы по проведению референдума, входящим в региональную подгруппу, зарегистрированную избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, на территории которого осуществляется сбор подписей [16].

По окончании сбора подписей, их число подсчитывается и направляется в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, которая осуществляет проверку не менее 40 процентов подписей. После чего о результатах проверки и решении о выдвижении инициативы проведения референдума оповещаются Президент Российской Федерации и одновременно палаты Федерального Собрания Российской Федерации [14].

Следующей стадией референдумного процесса является назначение референдума Российской Федерации. Данным правом обладает только Президент РФ. До назначения референдума, его проверку осуществляет Конституционный Суд. Президент РФ после поступления к нему решения Конституционного Суда издает указ о назначении референдума, в котором определяет дату его проведения. Голосование может быть назначено на любой выходной день, который должен быть воскресеньем, в период от 60 до 100 дней со дня официального опубликования решения о назначении референдума. Данная временная рамка, во-первых, обеспечивает надлежащий уровень подготовки референдума, а, во-вторых, препятствует затягиванию связанных с референдумом мероприятий.

Из данного порядка также есть исключения, так имеются исчерпывающие обстоятельства, исключающие назначение и проведение референдума, а именно:

1) не может назначаться и проводиться референдум в условиях военного или чрезвычайного положения, введенного на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, а также в течение трех месяцев со дня отмены военного или чрезвычайного положения.

2) референдум не проводится в последний год полномочий Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, а также в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации.

3) не может быть выдвинута инициатива проведения референдума в период между официальным опубликованием решения о назначении референдума и официальным опубликованием (обнародованием) его результатов.

5) не допускается в течение двух лет со дня официального опубликования результатов референдума, его повторное проведение.

На следующем этапе после принятия решения о назначении референдума Российской Федерации граждане Российской Федерации, а также общественные объединения вправе в любых допускаемых законом формах и законными методами беспрепятственно вести агитацию:

- 1) за или против проведения референдума Российской Федерации;
- 2) за или против участия в референдуме Российской Федерации;
- 3) за или против законопроекта, действующего закона или иного вопроса, выносимого на референдум Российской Федерации.

Агитация заканчивается в ноль часов по местному времени накануне дня, предшествующего дню голосования.

Здесь, так же, по мнению Л.А. Нудненко правило касательно того, что участник референдума, входящий в инициативную группу по проведению референдума, не может входить в инициативную агитационную группу является не логичным и не обоснованным, а так же нарушает право граждан на объединение, предусмотренное Конституцией России [11, с. 179].

Голосование по законопроекту (закону) или иному вопросу, вынесенному на референдум Российской Федерации, производится с 8 до 22 часов по местному времени в помещениях участковых комиссий по проведению референдума.

Каждый гражданин голосует лично, заполняя бюллетень. В бюллетене воспроизводится текст вопросов референдума на русском языке, и указываются варианты волеизъявления участника референдума словами "За" или "Против", справа от которых помещаются в пустые квадраты.

По истечении времени голосования участковая комиссия осуществляет подсчет голосов на участке, о чем составляется соответствующий протокол. Суммирование данных, содержащихся в указанных протоколах, осуществляют непосредственно члены избирательной комиссии субъекта Российской Федерации с правом решающего голоса. Избирательные комиссии субъектов Российской Федерации направляют протоколы об итогах голосования в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации. На основании протоколов об

итогах голосования комиссий субъектов Российской Федерации, протоколов участковых комиссий, образованных за пределами Российской Федерации, ЦИК РФ путем суммирования содержащихся в них данных не позднее чем через 10 дней со дня проведения референдума определяет результаты референдума Российской Федерации [4, с. 420].

Референдум признается состоявшимся, если в голосовании приняло участие более половины граждан, обладающих правом на участие в референдуме Российской Федерации. Решение, которое выносилось на референдум, считается принятым, если за него в целом по Российской Федерации проголосовало более половины граждан, принявших участие в голосовании. Если на референдум выносились альтернативные варианты вопросов и ни один из указанных вариантов не получил необходимого числа голосов, то все варианты считаются отклоненными.

Принятое на референдуме решение и итоги голосования в целом по Российской Федерации подлежат официальному опубликованию (обнародованию) не позднее трех дней после определения результатов референдума.

Решение, принятое на общероссийском референдуме, является общеобязательным и не нуждается в дополнительном утверждении. Оно действует на всей территории Российской Федерации и может быть отменено или изменено не иначе как путем принятия решения на новом референдуме Российской Федерации.

Решение, принятое на референдуме, вступает в силу со дня официального опубликования Центральной избирательной комиссией Российской Федерации результатов референдума.

Таким образом, такой институт непосредственной демократии, как референдум, обладает рядом положительных моментов, несмотря на пробелы в российском законодательстве о референдуме, несмотря на утрату качества правовых актов первичного характера о референдуме в ходе их детализации. Положительной стороной данного института можно выделить такие аспекты как: активно участие населения в общественно-политической жизни страны, возможность гражданам высказываться по поставленным вопросам и направлять деятельность органов власти и другие. Кроме этого, не могу так же не согласиться с Вязовченко Л.И. и с Л.А. Нудненко, которые справедливо отмечают, что законодательство в Российской Федерации о референдуме постоянно развивается как на федеральном, так и на региональном уровне.

Вместе с тем следует отметить и отрицательные стороны института референдума. Соглашаясь с Г.В. Мартьяновой, к ним можно отнести: высокая стоимость его проведения, отсутствие ответственности за принятое на референдуме решение, так как та часть населения, которая проголосовала против, либо воздержалась от голосования, но числа их голосов не хватило для принятия другого решения, вынуждена подчиниться большинству, в связи с тем, что закон распространяет свою силу на всех граждан страны.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: Материалы международной научной конференции. Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 2008.
2. Всенародное голосование по Конституции России 25.04.14 wikipedia.org
3. Вязовченко Л.И. Правовое регулирование института референдума в Российской Федерации. // «Государство и общество: вчера, сегодня, завтра» серия: Право, 2011 г., №6.
4. Иванченко А.В.. Гражданам об их политических правах // М.: Фонд «Либеральная миссия». —, 2006, 420 с.
5. Иванченко А.В. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации: / М., 1998. с. 512.
6. ИСТОРИЯ РЕФЕРЕНДУМОВ В РОССИИ 25.04.14http://rosreferendum.com/information/as-at-us.html,
7. Конституция Российской Федерации принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993/"РГ" – Федеральный выпуск №4831 21 января 2009 г.
8. Конституция СССР, утвержденная Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года.
9. Конституция РСФСР 1978 года принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 года.
10. Мартыанова Г.В. Проблемы правового регулирования организации и проведения местного референдума // Право: история, теория, практика. Брянск, №14, 2010 г. С. 44.
11. Нудненко Л.А., Законодательство о выборах и референдумах: детализация и совершенствование. Министерство юстиции Российской Федерации Уральская Государственная юридическая академия. 2009/1, с. 176-180.
12. Останков Д.Б. К определению понятия «Референдум» // «Черные дыры» в российском законодательстве. М. 2009 г., №3
13. Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52
14. ФЗ от 12 июня 2002 N 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"
15. ФКЗ от 17 декабря 2001 года № 6-ФКЗ «О порядке принятия и образования в её составе нового субъекта Российской Федерации»
16. ФКЗ от 28 июня 2004 №5-ФКЗ «О Референдуме Российской Федерации» РГ Допвыпуск №3514 30 июня 2004 г.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЛИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Демко О.С.

доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

Агарков А.Ф.

магистрант 3 года обучения заочной формы
Юридического института НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются основные элементы криминологической характеристики уличной преступности на примере Белгородской области. В работе также приведены стати-

стические данные и показатели, характеризующие состояние уличной преступности. Особое внимание в статье уделено методам и способам профилактики данного явления.

Ключевые слова: уличная преступность, криминологическая характеристика, профилактика уличной преступности.

Одним из проявлений преступности, активно прогрессирующей в современных условиях, выступают преступления, совершаемые в общественных местах, в том числе на улицах. В сферу общественных отношений, связанную с данным видом преступности, вовлечено большинство населения, что определяет его общественную опасность. Причем на продолжающийся финансово-экономический кризис в стране быстрее всего реагирует именно уличная преступность. Само явление уличной преступности можно определить как самостоятельный вид преступности, представляющий собой совокупность уголовно-наказуемых, общественно-опасных деяний совершаемых в населенных пунктах данного государства, вне пределов жилых строений, зданий и огороженных территорий государственных, производственных и иных учреждений, в тот или иной период времени [2,84]. Для наиболее тщательного изучения уличной преступности следует обратиться к географии преступности. Данная категория представляет собой науку, занимающуюся проблемами пространственно – временного распределения девиантности, деликвентности и преступности в государстве, в крупном городе, городском районе. В этой связи она позволяет изучить конкретные места совершения уличных преступлений, проблемы наличия чувства безопасности у населения на улицах перед преступностью, риска стать жертвой уличного преступления. География позволяет выяснить также влияние социальной структуры того или иного района на уровень и характер уличной преступности, установить пределы и направления перемещений преступника [3, 65]. География преступности, составленная с учетом специфика преступлений, совершаемых на улицах, может выявить наиболее криминогенные районы, улицы в конкретном населенном пункте. Также анализ статистических данных позволит установить распространенность определенного вида преступления на обособленной территории.

За 6 месяцев 2014 года на улицах города выявлено и зарегистрировано 1971 преступлений (АППГ – 2258), динамика составила – 12,7 %. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года наблюдается повышение количества тяжких и особо тяжких с 286 до 302, однако доля преступлений небольшой и средней тяжести соответственно меньше 1669 по сравнению с показателями 2013 года – 1972. Уменьшилось количество грабежей с 129 до 105, мошенничеств – с 228 до 109, краж с 1081 до 931, хулиганств с 6 до 5. При этом можно отметить снижение уровня убийств с 1 до 1. На прежнем уровне по сравнению с аналогичным периодом прошлого года осталось количество фактов вымога-

тельства – 6 [1]. Таким образом, наблюдается снижение уличной преступности в целом по городу. Анализ совершения уличных преступлений в течение суток по времени: с 00.00 до 04.00 – 710 преступлений (36 %); с 04.00 до 08.00 – 197 преступлений (10 %); с 8.00 до 12.00 – 138 преступлений (7 %); – с 12.00 до 16.00 – 177 преступлений (9 %); – с 16.00 до 20.00 – 355 преступлений (18 %); с 20.00 до 0.00 – 394 преступления (20 %). Из графика видно, что наиболее криминальное время суток в ночное время – с 00:00 до 04:00. По количеству совершенных уличных преступлений за 6 месяцев 2014 года среди дней недели выделяются пятница и понедельник (по 17 % и 16 % соответственно) [4]. К наиболее криминальным улицам г. Белгорода можно отнести: **1)** ул. 60 лет Октября – за 6 месяцев 2014 года совершено 18 преступлений: 7 краж, 3 грабежа, 1 разбой, 3 телесных, 2 убийства, 2 преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков; **2)** ул. Спортивная, на которой за 6 месяцев 2014 года совершено 16 преступлений: 10 краж, 4 грабежа, 2 преступления, связанного с причинением вреда здоровью различной степени. **3)** ул. Студенческая, на которой за 6 месяцев 2014 года совершено 22 преступления: 14 краж, 6 грабежей. Перечень опасных мест города Белгорода можно продолжать и дальше, однако анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что преступления корыстной направленности, в частности кражи, преобладают. География преступности, статистические данные, время совершения преступлений составляют общую группу объективных признаков криминологической характеристики уличной преступности. Наряду с данными признаками можно выделить и субъективный элемент криминологической характеристики: свойства личности преступника, мотив и цель преступления и свойства личности потерпевшего. В целом можно отметить, что рост преступности на территории области падает. Отчасти это заслуга правоохранительных органов: в УМВД по Белгородской области ежегодно осуществляется ряд мероприятий по обеспечению общественного порядка и безопасности на улицах. Однако и сами граждане должны быть бдительны и не проявлять виктимного поведения.

Список литературы

1. Выдержка из статистического отчета по Белгородской области за первое полугодие 2014 года «Сведения о зарегистрированных и предварительно расследованных преступлениях, совершенных в общественных местах и на улицах».
2. Криминология: Учебник [Текст] / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. Е. Ф. Эминова. – М., 2003. – 173 с.
3. Лозбяков В. П. Криминология и административная юрисдикция милиции. [Текст] М., ИНФРА – М, 2003. – 262 с.
4. Статистика ИЦ УМВД по Белгородской области

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ

Демко О.С.

доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ», канд. социол. наук,
Россия, г. Белгород

Потапенко М.Ю.

магистрант 3 года обучения заочной формы
Юридического института НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

В статье рассматриваются основные профилактические мероприятия, направленные на предупреждение преступлений корыстно-насильственной направленности таких как грабеж и разбой. В работе описаны конкретные примеры по применению профилактических мер, а также разработан ряд рекомендаций в данном направлении.

Ключевые слова: грабеж, разбой, профилактика, личность преступника, детерминант преступления.

Криминологическая характеристика любого преступления позволяет глубже проанализировать и изучить формы и связи преступности, её субъектов с другими социальными явлениями. Вполне очевидно, что без анализа результатов криминологических исследований, без глубокого изучения закономерностей и тенденций реальной криминологической обстановки невозможно на должном уровне решать уголовно-правовые, процессуальные, криминалистические и пенитенциарные проблемы, а также должным образом разработать систему профилактических мер по конкретной разновидности преступлений. Поэтому в данной статье мы попытаемся систематизировать основные направления по предупреждению разбойных нападений и грабежей.

Почти половину всех зарегистрированных преступлений (44,5%) составляют хищения чужого имущества. Конечно, основная доля преступлений корыстной направленности приходится на кражи – 584,7 тыс. (АППГ -3,9%), но и значительна доля грабежей – 51,7 тыс. (АППГ -17,3%), и разбоев – 9,2 тыс. (АППГ -14,0%). По статистическим данным, приведенным МВД РФ, каждый двадцать третий грабеж (4,4%), и каждое тринадцатое разбойное нападение (7,5%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище [3]. Разбои и грабежи – довольно распространенные преступления против собственности, имеют латентный характер, ведь регистрируется их значительно меньше, чем совершается. Зачастую данные преступления совершаются около дома потерпевшего, а также в переулках, улицах, где малолюдно. Если анализировать местность, на которой в основном совершаются

разбойные нападения, грабежи, то можно сделать вывод, что эти преступления характерны для городов, пригородных зон, крупных населенных пунктов. Анализ статистических данных позволяет прийти к выводу, что совершение разбоев и грабежей характерно для профессиональных преступников, иных представителей уголовной среды. Но данный вид преступлений против собственности совершается не только данными лицами, преступником может быть и гражданин, который никогда не занимался противоправными деяниями. В общем числе этих преступлений всегда велик удельный вес деяний несовершеннолетних и молодых людей [2,94]. Стратегия предупреждения таких преступлений заключается в локализации явлений, образующих причинный комплекс разбойной преступности, а также в предотвращении или смягчении последствий действия этих явлений. К числу мер, имеющих специальную направленность на предупреждение разбойных нападений и грабежей, относятся: создание экономических и правовых условий, исключающих криминализацию общества и всех сфер хозяйственной и финансовой деятельности, захват криминальными структурами производственных и финансовых институтов, их проникновение в различные структуры власти; экспертиза принимаемых решений по финансовым и хозяйственным вопросам с позиции их экономической безопасности, а также обязательное прохождение с той же целью экспертизы законодательных или иных нормативных правовых актов при их подготовке. Следует разработать ряд социальных предупредительных мер: правовая пропаганда деятельности правоохранительных органов; разработка мер по повышению уровня материальной базы сиротских, социально-реабилитационных и коррекционных учреждений; жилищных и бытовых условий многодетных и малообеспеченных семей; создание специальных служб для детей, оставшихся без средств к существованию; разработка и реализация мер по обеспечению социальной занятости подростков и молодежи, безработных и бездомных, беженцев и вынужденных переселенцев, ранее судимых и иных лиц, не имеющих постоянных доходов и иных средств к существованию; создание центров реабилитации для лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством; осуществление мероприятий по развитию сети учреждений для социальной помощи лицам, оказавшимся без определенного места жительства и занятий [1,73]. В Белгородской области проблема профилактики разбоев и грабежей также остается в центре внимания правоохранительных органов. В начале 2014 года в УМВД по Белгородской области был утвержден план профилактических мероприятий по предупреждению разбойных нападений и грабежей. Данные предупредительные меры были направлены на выявление криминогенных молодежных группировок, установлению мест их сбора и предупреждению антиобщественных действий с их стороны, осуществляя взаимодействие с участковыми уполномоченными полиции, путем личного сыска, наблюдения, бесед с представителями общественности и жильцами, через агентов в целях последующего разоблачения групп, обеспечению патрулирования сотрудниками ПСПП наиболее криминогенных мест и

т.п. [4]. Вышеперечисленные меры не являются исчерпывающими и должны применяться комплексно.

Список литературы

1. Васильчикова Н.В., Кухарук В.В. Криминология / Н.В. Васильчикова, В.В. Кухарук // Издательство: Юрайт-Издат, 2011 г. – С. 73
2. Криминология: Учебник [Текст] / Под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. Е. Ф. Эминова. – М., 2003. – 173 с.
3. Состояние преступности – январь-август 2014 года [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2534121>
4. Отчет ИЦ УМВД по Белгородской области.

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ В СЕМЬЕ

Зонтов Н.Н.

преподаватель ГБОУ СПО Московской области
«Ногинский торгово-экономический техникум»,
Россия, г. Ногинск

В статье рассматривается теоретический аспект современного понимания насилия, определения его социокультурной сущности; выделения семейного насилия, как результата влияния современных социокультурных трансформаций на положение детей.

Ключевые слова: дети, семья, правовая грамотность, нормативно-правовые основы защиты детей от насилия.

В настоящее время в нашей стране практически не существует системы оказания помощи детям, пострадавшим от различных форм насилия. Она переживает только начальный период своего становления, хотя уже имеется уникальный опыт отдельных разрозненных исследований, создания кризисных центров, убежищ и приютов для пострадавших женщин и детей, телефонов доверия. [3, с. 86].

Как и за рубежом, проблему насилия над детьми в нашей стране впервые подняли врачи. Российскими учеными выявлены «сензитивные к насилию» периоды жизни и развития ребенка, когда происходящие анатомо-физиологические, гормональные, эмоционально-личностные и психосоциальные изменения делают его наиболее травмируемым. Это, прежде всего, дошкольный и подростковый возрастные периоды.

Любой вид жестокого обращения с детьми ведет к самым разнообразным последствиям, но их все объединяет одно – ущерб здоровью ребенка или опасность для его жизни. Различают ближайшие и отдаленные последствия жестокого обращения и невнимательного отношения к детям [1, с. 54].

К ближайшим последствиям относятся физические травмы, повреждения, острые психические нарушения в ответ на любой вид агрессии. Ребенок охвачен острейшим переживанием страха, тревоги и гнева.

Среди отдаленных последствий жестокого обращения с детьми выделяют нарушения, физического и психического развития ребенка, различные соматические заболевания, личностные и эмоциональные нарушения, социальные последствия. Практически все дети, пострадавшие от жестокого обращения и пренебрежительного отношения, пережили психическую травму, в результате чего они развиваются дальше с определенными личностными, эмоциональными и поведенческими особенностями. Отрицательно влияющими на их дальнейшую жизнь.

Изучение зависимости между практикой семейного руководства и агрессивным поведением у детей сосредоточилось на характере и строгости наказаний, а также на контроле родителей поведения детей. В общем и целом выявлено, что жестокие наказания связаны с относительно высоким уровнем агрессивности у детей (Eron & Huesmann, 1984; Olweus, 1980; Trickett & Kuczynski, 1986), а недостаточный контроль и присмотр за детьми коррелирует с высоким уровнем асоциальности, зачастую сопровождающимся агрессивным поведением (Loeber & Dishion, 1983; Petterson & Stouthamer-Loeber, 1984).

Разработка стратегических путей решения проблемы насилия в обществе и в семье невозможна без определения уровня правовой грамотности родителей и детей и осведомленности их об институтах защиты от насилия. Необходимо решить ряд вопросов:

1. Выявить уровень правовой грамотности родителей и детей.
2. Объекты доверия подростков.
3. Информированность подростков о социальных службах города.
4. Нормативно-правовые основы защиты детей от насилия.

В периодическом докладе о реализации Российской Федерацией Конвенции о правах ребёнка говорилось, что семья в новых социально-экономических условиях испытывает проблемы адаптации, выражающиеся в общей дезорганизации, росте насилия в семье, расширении масштабов девиантного поведения, социальном сиротстве. Причины этих проблем отражены в исследованиях Т.Н. Дороновой, А.Е. Жичкиной, Л.Г. Голубевой. В них отмечается, что правовая и педагогическая культура большинства родителей в настоящее время находится на низком уровне [2, с. 6].

Большинство дел о насилии над детьми в семье не доходят и до милиции по разным причинам. Родители отказываются от показаний, кроме того очень низкая социальная ответственность соседей, родственников – всех тех, кто может увидеть или услышать как избивают ребенка. Да и сами дети считают, что любая семья лучше приюта, а также бояться потерять любовь немилосердных родителей [4, с. 8].

Эту проблему пытается решать и милиция, и школа и органы здравоохранения. Но физическое насилие есть лишь вершина айсберга, скрытыми остаются случаи психического насилия, насилия путем пренебрежения основными нуждами ребенка.

Список литературы

1. Джоунс, И., Вулли, Х. Насилие и плохое обращение с ребенком. В помощь детскому психологу [Текст] / И. Джоунс, Х. Вулли. – Владивосток, 2001.
2. Доронова, Т. Право на защиту и помощь [Текст] / Т. Доронова // Дошкольное воспитание. – 2001. – № 11. – С. 6.
3. Когаловская, А.С. Вопросы профилактики семейного насилия и жестокого обращения с детьми [Текст] / А.С. Когаловская // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – 2002. – № 3. – С. 86.
4. Тюнина, Л.И. Жестокое обращение с детьми и методы их реабилитации [Текст] / Л.И. Тюнина. – Самара, 2001.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Карасёва М.Ю.

доцент кафедры юриспруденции,
интеллектуальной собственности и судебной экспертизы
Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана,
канд. юрид. наук,
Россия, г. Москва

Данная статья отражает криминологическую характеристику субъекта, совершающего преступления по неосторожности. Данные преступления носят, как правило, бытовой характер, но и не исключается заранее обдуманное преступление. Данная категория преступлений характерна для возрастной группы 25 – 29 лет. Чаще всего данные лица не имеют высшего образования, определенного источника дохода и определенного занятия. Эмоциональная сфера субъекта преступления, совершающего преступления по неосторожности характеризуется наличием черт присущих насильственным преступникам. Данная информация о личности преступника помогает более эффективно предупреждать преступления этого вида.

Ключевые слова: криминологическая характеристика субъекта, преступления по неосторожности, мотив, хулиганство.

Преступления против жизни и здоровья, описанные в главе 16 УК РФ, представляют собой исключительную общественную опасность, наносят непоправимый ущерб. Несмотря на активную борьбу против данных преступлений, количество преступлений в данной сфере растет. От данного деяния ежегодно погибают тысячи людей. С каждым годом жизнь человека все более обесценивается. В стране – кризис, не хватает еды, жилья, низкая оплата труда, не оказываются должным образом медицинские услуги – но это ли повод лишать жизни человека?! Можно ли решать конфликты, не прибегая к насилию?! При этом данная ситуация происходит не только в России (дело Расула Мирзаева, «Блондинка с пистолетом», «Русский Брейвик»), но и приобретает мировую

тенденцию. Поэтому возникает вопрос – кто эти люди, субъекты преступлений, которые не умеют решать проблемы и конфликты мирным путем? Они решают их путем лишения жизни человека. Кто им дал право?! Адекватны ли меры наказания, применяемые к ним? Вне сомнения высокий уровень насильственных преступлений требует обсуждений и нововведений в УК РФ. Но в данной статье мне хотелось бы обратить внимание именно на криминологическую характеристику преступного поведения субъекта в ситуации причинения умышленного вреда здоровью повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, описанного в ч. 4 ст. 111 УК РФ [7].

Анализ судебной практики показывает, что данная категория преступлений, охватываемая ч. 4 ст. 111 УК РФ, носит, как правило, бытовой, ситуативный характер. Как правило, лица, создающие такие ситуации, изначально настроены агрессивно – насильственно, они порицаемы обществом и неправильно себя ведут с точки зрения общественной морали. В результате чего общество чувствует себя незащищенным от данных деяний, что подрывает веру в правоохранительные органы и возможность защиты от данных ситуаций. Очевидно, что можно в очередной раз сказать про кризис, про низкий уровень жизни, недостаточное материальное обеспечение – все это вне сомнения способствует агрессии, которая может провоцировать ситуации, влекущие за собой смерть человека. Поэтому необходимо изучить криминологический портрет преступника, совершающего преступление по ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) [3].

Хотелось бы обратить внимание на бытовые и ситуативные конфликты. Так же следует учитывать и искаженную статистику данных преступлений. Не секрет, что снижение числа регистрируемых покушений на убийство может быть переведено в состав умышленного причинения вреда здоровью, а оконченные убийства могут быть неверно квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Так же следует обратить внимание на то, что возросло количество безмотивных (по поводу или вообще без повода) преступлений. Эти преступления бессмысленны, поэтому особенно общественно опасны (скорее тут на лицо хулиганский мотив, так как хулиганам все равно, кого и за что убивать). Так же необходимо учитывать, что в России не только негативные изменения в социально-экономических, но и в демографических плоскостях.

Рассмотрим криминологическую характеристику преступника, совершающего преступление по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Первое, на что мне бы хотелось обратить внимание, – это социально-демографическая характеристика субъекта, совершающего преступление. Изучая судебную практику по ч. 4 ст. 111 УК РФ, выяснилось, что большинство субъектов, совершающих преступления по данной категории, – мужчины (90%). Проанализируем данный факт. Если рассмотреть традиционные понятия семьи, то по социальной роли женщина выполняет определенные функции [4]. Они, как правило, заняты домашними обязанностями

ми, воспитывают детей и т.д., соответственно, проводят большее время дома. Следовательно, возникновение конфликтных ситуаций меньше, чем у мужчин. Мужчины, как правило, меньше обременены домашним хозяйством, воспитанием детей. Так же надо учитывать тот фактор, что мужчины чаще употребляют алкоголь. Поэтому, если взять в сравнении с женщинами, вероятность попадания мужчин в конфликтную ситуацию больше. Как правило, и мотивы вступления в конфликт различные. Для женщины – это чаще всего ревность, месть, обида, зависть и т.д. Чаще всего преступление, совершаемое в быту женщиной, провоцирует поведение мужчины (избиение жены, детей, принятие спиртных напитков и аморальный образ жизни). Мужчины же зачастую вступают в конфликт с незнакомыми людьми, чтобы доказать свою правоту, превосходство и т.д.

Теперь обратим внимание на такую криминологическую характеристику, как возраст. Возраст, прежде всего, определяет физическое состояние организма. Это определяет потребности организма, стремление, желание получить от жизни какие бы то ни было материальные ценности. Очевидно, что с изменением возраста меняются привычки, потребности, так же вне сомнения появляется контроль над ситуациями, которые ранее было сложно контролировать. Поэтому в основном за преступления, указанные в ч. 4 ст. 111 УК РФ, привлекаются к ответственности люди молодого и среднего возраста (18-24 лет – 6,2%, 25-29 лет – 18,6%, 30-39 лет – 30%). Если проанализируем преступления, совершаемые несовершеннолетними (16-17 лет), то их роль не велика – всего 2%.

Проанализировав возрастную группу 25-29 лет и 30-39 лет, очевидно, что именно в этом возрасте решаются наиболее важные жизненные цели, попытка совершить «карьерный прыжок», обустроить быт и личные потребности. Поэтому возникновение конфликтных ситуаций велика как в быту, семье, так и на работе. А также вне сомнения надо учитывать роль антисоциального фактора.

Очевидно, что группа 25-29 лет имеет менее развитую возможность контролировать свои действия. Конфликты, как правило, происходят в компании, после посещения ночных клубов, то есть у лиц, ведущих антиобщественный образ жизни. Так же необходимо учитывать, что навык решения конфликта без драк и оскорблений приходит тоже с возрастом.

Можно обратить внимание, что для данной категории, как правило, характерны дерзкие, насильственные мотивы – например, хулиганские. Данному возрасту все еще свойственно «кучность» и дружеские компании, что нередко приводит к ощущению безнаказанности и личной не ответственности [2].

Далее необходимо обратить внимание на такую криминологическую характеристику, как образование. Уровень образования играет очень важную роль в социуме. Очевидно, что уровень образования играет роль в образовании целей, мотивов, жизненных ценностей, потребностей и путей их достижений, то есть формирует мотивы и цели, правила поведения в обществе, а также реакцию на разрешение конфликтных ситуаций. Хотя, если будем учитывать мо-

менты, привитые воспитанием, то становится очевидным, что прямой зависимости между образованием и антиобщественным поведением нет. Тем не менее, уровень образования играет роль и является важной составляющей криминологического исследования. Итак, высокий образовательный уровень далеко не всегда может служить фактором, который будет удерживать от антисоциальных поступков.

Теперь рассмотрим такую важную составляющую криминологической характеристики субъекта преступления, как социальный статус. Социальное положение личности является одним из важных показателей, характеризующих человека. Статус, занимаемый в обществе, играет огромную роль в формировании общественных отношений и умении без агрессии отстаивать своё мнение в конфликтной ситуации. Очевидно, что по антисоциальному положению первое место занимают лица без постоянного источника дохода и без определенных занятий (40%) [5].

Возможно, что асоциальное поведение в данной группе следует из того, что в стране кризис и сокращение рабочих мест. Также в настоящее время в связи с тем, что не выплачивается заработная плата или она достаточно низкая, приходится часто менять место работы. Отметим, что достаточно высокий процент преступников наблюдается среди работников, занятых в строительстве, торговле, бытовому обслуживанию, то есть те сферы, в которых не требуется высшее образование. Также нельзя не обратить внимание, что в крови задержанных были обнаружены алкоголь и наркотические вещества. Также важно учитывать, что во время конфликтов между описанными субъектами не известно, кто станет преступником, а кто жертвой.

Следующая криминологическая составляющая характеристики субъекта – это место жительства. Как правило, местом жительства осужденных является тот населенный пункт, рядом с которым было совершено преступление. В городах, как правило, совершается 73% преступлений, тем самым становится очевидно, что городские условия способствуют совершению данного преступления (ч.4 ст.111 УК РФ) [6]. Возникновение конфликтных ситуаций в городе гораздо больше, так как гораздо больше контактов между людьми, менее устойчивы семейные элементы, более высокий ритм жизни, который увеличивает психическую нагрузку, что и приводит к конфликтам в быту и на работе [1]. Также необходимо учитывать, что личные жизненные ситуации переносятся более остро в условиях городской жизни. Необходимо обратить внимание на лиц, которые недавно освободились из мест лишения свободы, образ жизни которых порождает конфликтные ситуации. Следует обратить внимание, что на фоне военных действий на Северном Кавказе (Чечня) увеличивается число беженцев, что способствует совершению данного вида преступления (ч.4 ст.111 УК РФ).

Следующая криминологическая составляющая нашего исследования – это семейное положение данной категории лиц. Исследования показали, что

73% процента преступников в браке не состояли. Женатых – 27% процентов. Однако, 17% процентов этих лиц с женой совместно не проживали, итак, по факту в браке – лишь 10% процентов. Очевидно, что отсутствие семьи и свободный образ жизни ведет к преступлению. Необходимо учесть аморальность поведения осужденных, которое так же является препятствием к созданию семьи. Можно сделать вывод, что семья является сдерживающим фактором в данном виде преступления. Очевидно, что данный вывод не будет касаться неблагополучных семей, где члены семьи не уважают друг друга, систематически скандалят, дерутся, употребляют спиртные напитки, что, как правило, приводит к разводу. С другой стороны развод может выбить человека из привычной жизненной колеи, и он становится на путь преступного поведения. Распад семей и массового увеличения разводов особо характерно для крупных городов. Отсутствие детей так же способствует антисоциальному поведению личности, время, которое может быть заполнено родительскими обязанностями, остаётся незаполненным, что повышает вероятность попадания в конфликтные ситуации [8].

Следующая составляющая нашего криминологического исследования – это употребление спиртных напитков субъектами данного вида преступления (ч.4 ст.111 УК РФ). Как правило, в состоянии опьянения человек плохо контролирует своё поведение, искажается привычная реакция на повседневные внешние раздражители. Человек теряет способность к самоконтролю, а также высвобождаются те качества, которые в трезвом состоянии обычно контролируются. Как правило, такие действия характерны в ссоре и драке, как правило, из хулиганских побуждений. Состояние алкогольного опьянения по-разному влияет на субъекта преступления. У одних появляется раздражительность, злобность, склонность к агрессивным действиям. У других наступает ослабление нравственных чувств, поражаются волевые способности.

Итак, проведя данное исследование, можно сделать следующие выводы:

1. Очевидно, что официальная статистика не даёт четких представлений о данном виде преступления (ч.4 ст.111 УК РФ). Искажение результатов происходит из-за высокой латентности данного вида преступления, а также за счет трудностей в квалификации данного вида преступления, так как оконченные убийства могут быть ошибочно квалифицированы по ч.4 ст.111 УК РФ так же, как и покушение на убийство.

2. Вне сомнения данный вид преступления во многом носит бытовой характер, хотя и не исключается заранее обдуманное преступление.

3. Также одним из факторов, влияющих на рост насильственных преступлений, является происходящий в России кризис, снижение уровня жизни людей, что приводит к агрессии и, соответственно, к совершению насильственных преступлений.

4. Исследование показало, что данный вид преступления, т.е. причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, характерно для возрастной группы 25-29 лет.

5. Чаще всего данный вид преступления совершают лица, не имеющие определенного источника дохода и определённого занятия.

6. Данный вид преступления характерен для лиц, не имеющих высшего образования, а так же для лиц, не находящихся в браке и ведущих асоциальный образ жизни.

7. Большинство преступлений происходит в крупных населенных городах.

8. Алкоголизм, как правило, ведет к деградации личности, что способствует совершению тяжких насильственных преступлений и поэтому представляет большую опасность для общества.

Список литературы

1. Вердеев, С.А. Личность насильственного преступления. – М., 2003. – 125 с.
2. Кон, И.С. Психология юношеского возраста. – М., 1979. – 109 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по делам об убийстве от 27 января 1999г. // Бюллетень Верховного Суда РФ № 9 1999 г.
4. Серебрякова, В.А. Преступления, совершаемые женщинами. – М., 1973. – 53 с.
5. Спиридонов, Л.И. Проблемы причинного комплекса преступности. Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. – М., 1981. – 46 с.
6. Тишков, С.В. Криминологическая характеристика сельской преступности по материалам Южного федерального округа : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 16 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. (в ред. Федерального закона № 307-ФЗ от 02.11.13, в ред. Федерального закона № 308-ФЗ от 08.11.11, в ред. Федерального закона № 312-ФЗ от 30.12.08). – М.: Проспект, 2013. – 224 с.
8. Шестаков, Д.В. Введение в криминологию семейных отношений. – Л., 1980. – С. 31-46.

УЧАСТИЕ АДВОКАТА В ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ

Лукьянчикова Е.Ф.

доцент кафедры уголовного права и процесса
Юридического института НИУ «БелГУ», канд. юрид. наук,
Россия, г. Белгород

Криволапов Д.М.

Юридический институт НИУ «БелГУ»,
Россия, г. Белгород

Участие адвоката в процедуре медиации в данной статье рассматривается в качестве одного из приоритетных направлений развития отечественного уголовно-процессуального законодательства. Данный институт позволит обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, соблюдению баланса интересов обвиняемого и потерпевшего.

Ключевые слова: адвокат, медиация, альтернативное разрешение спора, институт медиации в уголовном судопроизводстве.

Согласно п.2 ст.2 Федерального закона N 193-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения [4]. Считаем, что медиацию следует рассматривать как самостоятельное средство разрешения правового конфликта между сторонами при содействии независимого и беспристрастного третьего лица. Медиатор не дает юридических консультаций по существу дела и не обладает полномочиями по разрешению спора.

На сегодняшний день особо значимым вопросом, обсуждаемым в научных кругах, является возможность дальнейшего развития института медиации в России. Сама идея внедрения примирительных процедур в разрешение различного рода правовых конфликтов не вызывает сомнения даже среди противников названного института. Проблемы возникают не только в виду наличия законодательных пробелов и противоречий, но и по поводу отсутствия действенных механизмов реализации правовых норм, закрепленных в Федеральном законе N 193-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Особенно остро дискутируется проблема применения процедуры медиации в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что процедура медиации в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрена, стороны при наличии их желания после консультаций со своими адвокатами вправе прибегнуть к данной процедуре с участием независимого посредника.

Учитывая сложность и характер уголовно-правового спора, адвокат должен придерживаться правил, определяемых законодательством. Следует учитывать и ряд тактических аспектов, поскольку адвокат будет взаимодействовать не только со своим доверителем, но и с адвокатом и доверителем противоположной стороны, а также самим медиатором. Выработка правильной линии поведения, направленной на снижения негативных влияний уголовно-правового конфликта или их устранение, требует знание адвокатом концептуальных основ восстановительного правосудия, а также специальной подготовки в данной области знаний. Закон о медиации содержит положение о том, что медиацию можно проводить как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Мы убеждены, что в случае внедрения института медиации в уголовный процесс, процедуру медиации должен проводить только профессиональный медиатор.

Прекращение уголовных дел (уголовного преследования) за примирением сторон, содержит констатацию виновности лица в совершении инкриминируемого ему преступления. В то же время, институт прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям не противоречит презумп-

ции невиновности, так как предполагает признание человека виновным без каких – либо юридических последствий на стадии досудебного производства, а не именем государства и только с согласия признающего себя виновным лица. Причем инициатива может исходить как от обвиняемого, так и от потерпевшего [1, с. 8].

Более приемлемым представляется проявления инициативы к примирению со стороны виновной стороны. Однако и потерпевший может выступать заинтересованным лицом. Например, потерпевший, узнав о раскаянии лица, привлекаемого к уголовной ответственности, может самостоятельно изъявить намерение провести примирительную процедуру в целях представления каждой из сторон возможности поделиться своими чувствами и переживаниями, снижения психологической напряженности, получения от виновного извинений и адекватного материального возмещения [3, с. 182].

Учитывая то обстоятельство, что медиация процедура добровольная, адвокат потерпевшего или обвиняемого не должен оказывать давление на стороны, роль адвоката состоит в даче рекомендаций, он обязан разъяснить возможности и перспективы медиации, чтобы доверитель самостоятельно и взвешенно принял решение о проведении примирения с участием профессионального медиатора.

Адвокат должен выяснить намерения второй стороны относительно процедуры медиации. Чтобы встреча прошла продуктивно, необходимо обеспечить сторонам состояние психологической защищенности. Выбор медиатора является залогом успеха предстоящих переговоров. Полагаем, что с учетом специфики уголовно-правового конфликта следует привлекать медиаторов, обладающих юридическими знаниями в области уголовного права, процесса и криминологии.

После того, как стороны выбрали медиатора, начинается процедура медиации. Законодательство не содержит запрет на участие представителей сторон в медиации, однако из тактических соображений ее следует проводить только с участием доверителей, если стороны не заявят об обратном. Следует помнить и о принципе равноправия сторон. Так, психологически будет сложно проводить примирительные переговоры, если одна из сторон изъявит желание, чтобы присутствовал его представитель, а у другой стороны такой возможности нет, а в привлечении адвоката по назначению он не видит смысла. Задача медиатора в этом случае сложней. Он должен уравнивать положение договаривающихся лиц, с помощью психологических и иных инструментов создать условия комфорта и защищенности. В свою очередь адвокат – представитель одной из сторон не должен играть активную роль в процедуре медиации. Необходимо проявлять такт и выдержку в общении с клиентом, также он не вправе давать консультации в присутствии медиатора и второй стороны.

Следует помнить, что медиация направлена на восстановление нарушенных прав потерпевшего и заглаживание причиненного вреда. Адвокат должен

четко придерживаться этого правила. Роль адвоката сводится к контролю переговорного процесса между сторонами в целях недопустимости оказания психологического давления на доверителя либо нарушения его прав и законных интересов.

Важно, чтобы адвокаты понимали, что главная цель медиации – не выиграть, а прийти к взаимопониманию. Адвокат может не только участвовать в процедуре медиации на стороне одного из спорящих, но и предупредить судебное разбирательство. В западных странах в последние годы прослеживается тенденция участия адвокатов в роли медиаторов. Поэтому роль адвоката в процессе медиации заключается в возможности проконсультировать свою сторону о правовой сути конфликта, представление доверителю полной информации о его правовых последствиях, которые возникнут в случае обращения к судопроизводству, выявить правовые коллизии спора, а также помочь в формулировании содержания медиативного соглашения.

На последующих этапах роль адвоката может выражаться в предложении способов и различных вариантов заглаживания вреда и восстановления нарушенных прав. Вопросы гражданского иска в уголовном процессе регулируются нормами гражданского права. И здесь потребуется помощь доверителю с точки зрения знания гражданского законодательства, чтобы облегчить стороны в поиске компромиссного решения. Не обладая юридическими знаниями, доверитель может неверно сформулировать требования либо формулировать требования, не основанные на законе. Способы возмещения морального, физического, имущественного вреда сформулированы в нормах Гражданского кодекса РФ. В этой связи адвокат призван помочь доверителю определить оптимальный способ заглаживания вреда. В случае достижения примирения роль адвоката сводится к помощи составления медиативного соглашения, обратив внимание на признание вины нарушителем, его раскаяние, способах и сроках возмещения вреда.

Таким образом, участие адвоката в процедуре медиации по уголовным делам имеет первостепенное значение. Это будет способствовать грамотной защите прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, соблюдению баланса интересов обвиняемого и потерпевшего. Успешность института медиации в уголовном процессе будет зависеть от квалификации медиаторов, готовности участников правовых споров разрешать противоречия с помощью медиации и организационных мероприятий, проведенных адвокатским сообществом [2].

Список литературы

1. Большаков И.В. Прекращение уголовного дела (уголовного преследования) публичного обвинения в связи с примирением сторон в современном уголовном процессе [Текст] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Большаков. – Кемерово, 2007. – 8 с.
2. Калачева Е.Н. К вопросу об участии адвокатов в процедуре медиации // Информационно-аналитический портал «Предпринимательство и право» / Калачева Е.Н. – URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=134> (дата обращения: 18.09.2014).

3. Панасюк А.М. Медиация и адвокат: новое направление адвокатской практики. М.: Информтрупик Медиа, 2012. С. 182-186.

4. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ, 02.08.2010, N 31, ст. 4162. (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013).

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В РУССКОЙ ПРАВДЕ

Мирошниченко Н.В.

заведующая кафедрой права

ФГБОУ ВПО «Ставропольский государственный аграрный университет»,

канд. юрид. наук, доцент,

Россия, г. Ставрополь

В статье с позиций современных представлений об отраслевом строении права и системе отраслевых видов ответственности анализируются нормы Русской Правды устанавливающие ответственность лиц, за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. Автор делает вывод о том, что эта ответственность не имела характера публично-правовой уголовной ответственности; возможное причинение вреда при нарушении профессиональных обязанностей влекло за собой ответственность по обязательственному праву.

Ключевые слова: Русская Правда, профессиональные обязанности, ответственность.

Генезис уголовного права на Руси традиционно восходит к преданиям, обычаям и верованиям славянских племен, к житейским представлениям о добре и зле, справедливости и несправедливости [2, с.38-39]. Именно здесь располагаются истоки обычного права, ставшего фундаментом и одновременно содержанием первых письменных правовых документов, наиболее известный из которых – Русская Правда [3].

Этот памятник древнерусского права и иные близкие к нему по времени документы не содержат норм, которые можно позиционировать в качестве прообразов современных предписаний о нарушении профессиональных функций, хотя сама Русская Правда фиксирует относительно развитую систему профессий: ремесленники, купцы, тиуны, огнищанины, повара, конюхи и др.

Анализ этих профессий и контекст упоминания о них в правовом источнике позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, возникновение государства в древнерусском обществе с необходимостью привело к появлению особой группы лиц, профессионально занятых управлением (в данном случае не имеет принципиального значения тот факт, что функции управления раннегосударственным обществом как правило, совпадали с функциями управления княжеским домом и хозяйством [1, с.43-

44]) и соответственно к условному разделению профессий на производственные и служебно-управленческие. В связи с этим можно было бы предполагать, что с момента появления управленцев возникают служебные злоупотребления. Очевидно, они и существовали. Однако древнерусское общество и его право еще не могли в полной мере осмыслить эти злоупотребления как нарушения особых профессиональных обязанностей, поскольку сама государственная служба рассматривалась в большей степени как личная служба князю (понятие «публичного» было еще слишком слабо).

Второй значимый тезис состоит в следующем: о какой бы разновидности профессий не шла речь (производственников или управленцев), профессиональный статус лица во многом был связан с его личным статусом (определял его и определялся им одновременно), в связи с чем ответственность за нарушение собственно профессиональных обязанностей была неотличима от ответственности за нарушение личных обязательств человека, что, по сути, было гораздо ближе к области регулирования гражданского, нежели уголовного права.

Так, исследуя ремесленное производство Древней Руси, Б.А. Рыбаков приходит к выводу о том, что, по меньшей мере до XIII века, продукция ремесленников была настолько малочисленна, а районы ее сбыта незначительны (а в отношении некоторых видов продукции сбыт вообще неизвестен), что есть значительные основания усматривать в организации ремесла не безличное массовое производство (насколько это выражение применимо к докапиталистическим отношениям), а работу на заказ, то есть ремесло «в чистом виде» [4, с.438]. Очевидно, что при такой организации труда отношения в связи с качеством и безопасностью производимой лицом продукции или оказываемой услуги справедливо рассматривать как отношения обязательственные, а возможный в связи с нарушением обязательств вред (будь то вред, связанный с неисполнением обязательства или вред, связанный с некачественной продукцией или услугой) необходимо рассматривать как вред, причиненный частному лицу в рамках цивилистических отношений. В любом случае, ненадлежащее выполнение ремесленником своих обязательств по договору не могло влечь уголовно-правовой реакции.

Так, Русская Правда умалчивает об ответственности ремесленников. Но содержит весьма интересные для нас положения об ответственности купцов. Согласно ст. 54 и ст. 55 Пространной редакции Русской Правды, купец обанкротившийся, или утративший взятые в долг деньги, или могущие расплатиться за приобретенный товар, не мог быть привлечен к уголовной ответственности. Ему предоставлялась возможность погасить свои обязательства в рассрочку, за исключением случаев, когда капитал был утрачен им в результате пьянства или иных предосудительных действий. Но и в этом случае судьба купца полностью зависела от кредиторов, которые могли либо требовать уплаты долгов, предоставив рассрочку, либо требовать продажи имущества купца в погашение долгов. Как видим, ответственность купца перед кредиторами – исключительно

гражданско-правовая, поскольку его профессиональные обязательства – есть обязательства личные.

Связь ответственности за нарушение профессиональных функций и личного статуса наглядно прослеживается и при анализе положений Русской Правды о закупах – особой категории наемных работников, имевших не только имущественные, но и личные обязательства перед нанимателем (он же кредитор). В статьях 57, 58 Пространной редакции Русской Правды значится, что закупы несли ответственность за порчу имущества нанимателя, которым они пользовались, лишь в том случае, когда вред был причинен во время выполнения ими своей работы (работы на себя, а не на господина) и в связи с ней, например, при небрежном отношении к имуществу; в противном случае (когда работы выполнялись на нанимателя, когда вред был причинен в отсутствие самого закупа) они не несли ответственности за гибель или повреждение имущества нанимателя. Поскольку отношения личного найма в статусе закупа преобладают над отношениями экономическими, то ответственность его перед нанимателем предстает как исключительно обязательственная, не уголовная.

Таким образом, анализ норм Пространной редакции Русской Правды позволяет отметить в качестве общей характеристики тот факт, что эта ответственность не имела характера публично-правовой уголовной ответственности. В виду тесной связи профессионального статуса лица с личным правовым статусом, а также в виду специфики организации экономического производства и государственной службы, возможное причинение вреда при нарушении профессиональных обязанностей влекло за собой ответственность по обязательственному праву.

Формулируя такой вывод, необходимо вместе с тем специально подчеркнуть, что он отражает оценку прошлого с позиций современных представлений об отраслевом строении права и системе отраслевых видов ответственности. В русском праве X – XIII веков (и даже позже) жесткого противопоставления уголовной ответственности иным видам правовой ответственности все же не существовало, равно как не существовало однозначного различия между преступлениями и иными правонарушениями.

Такое положение вещей корреспондировало общей логике развития уголовного права и его ключевых категорий. Как верно замечает А. Чебышев-Дмитриев, в рассматриваемую эпоху русское право еще не вышло из того периода, когда «уголовная и гражданская неправда смешивались между собою» и «безразлично влекли за собою одинаковые последствия и одинаково вызывали реакцию со стороны всего общества» [5, с.78]. Ситуация изменится позже, когда в XV – XVII столетиях на смену нормативной трактовке преступления как личной обиды придет понимание преступления как сознательного нарушения общественного, публичного порядка, как конфликта одного со многими и прежде всего, с государством.

Список литературы

1. История государственного управления в России. Учебник / Под ред. В.Г. Игнатова. Ростов-на-Дону, 1999.
2. Кулыгин, В.В. Этнокультура уголовного права [Текст] / В.В. Кулыгин – М., 2002.
3. Российское законодательство X – XX веков. В 9 томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В.Л. Янин. М., 1984.
4. Рыбаков, Б.А. Ремесло Древней Руси. [Текст] / Б.А. Рыбаков – М., 1948.
5. Чебышев-Дмитриев, А. О преступном действии по русскому допетровскому праву. [Текст] / А. Чебышев-Дмитриев – Казань, 1862.

ТЕОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИСПАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Туманова Е.В.

адвокат Московской столичной коллегии адвокатов,
аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права РУДН,
Россия, г. Москва

Статья посвящена теории преступления, которая является «ядром» уголовно-правовой науки. Изучение зарубежного опыта необходимо для ее дальнейшего развития в отечественной науке. Автором анализируется история развития теории преступления в Европе (в особенности в Испании), ее место в уголовно-правовой науке, составляющие ее элементы и их сущность согласно испанскому уголовному праву.

Ключевые слова: уголовное право зарубежных стран, теория о преступлении, элементы преступления, уголовная ответственность.

Уголовное право запрещает и наказывает такое поведение, которое наносит серьезную угрозу существованию общества. Так, если бы убийство, грабеж, изнасилование не являлись бы преступными и не влекли за собой наказание, то есть общество относилось бы к ним безразлично, то такое общество было бы неспособно к существованию. Именно поэтому за совершение таких деяний, которые носят название «преступлений», их авторы несут наказание. Однако, этому (назначению наказания) предшествует привлечение данных лиц к ответственности, то есть провозглашение их ответственными за вред, причиненный обществу. В этом и состоит суть теории преступления в юридической науке.

Путем привлечения к уголовной ответственности устанавливается, что 1) было совершено деяние; 2) такое деяние противоречит юридическому порядку, установленному в обществе; 3) виновность лица в совершении такого деяния. Таким образом, индивидуум должен нести ответ за совершаемые им действия, в следствие чего, ему может быть назначена мера наказания. Это объясняет, почему на протяжении веков краеугольным камнем юридической мысли являлась проблема установления кто, как и за что несет ответственность перед уголов-

ным законом, во избежание привлечения к ответственности невиновных или несоразмерности ответственности совершенному деянию.

На протяжении истории применялись различные правила и критерии привлечения к уголовной ответственности, наложения наказаний, их смягчения и ужесточения. В испанском уголовном праве теория преступления представляет собой сведенные в единую систему правила и критерии привлечения к ответственности, так как группирует категории и концепции, являющиеся базой для уголовной ответственности.

Однако то, что сегодня принято называть «теорией преступления» является определением достаточно современным, зарождение которого относится к концу 19 века, когда преподаватели уголовного права начали вводить в систему обучения систематическое и упорядоченное изучение общей части уголовного кодекса. В частности, в Германии после принятия Уголовного Кодекса 1871 года такими авторами как Ф. фон Лист (1851-1919) и Э.Л.Бэлинг (1866 – 1932). С тех пор уголовно-правовая доктрина начала разрабатывать институт уголовной ответственности, причем те категории, которыми пользовались ученые последней половины девятнадцатого века не отличаются от современных.

С древних времен и по сей день категории, лежащие в основе привлечения к ответственности едины как в этике и морали, так и в философии. В подтверждение данного довода приведем следующий пример: некое лицо для спасения собственной жизни причиняет смерть другому лицу. Описываемая ситуация имеет много общего со случаем, описанным древнегреческим философом-платоником Карнеадом: в результате кораблекрушения два моряка взбираются на остающийся на плову плот. Однако плот так мал, что если они оба будут находится на нем, то неизбежно он пойдет ко дну. Поэтому один из моряков сбрасывает другого с плота, чтобы не утонуть самому. Также и Аристотель в одном из своих трех этических сочинений « Никомахова этика» приводит примеры, когда лицо не может нести ответственности за совершенный поступок. Заслуга теории преступления в уголовной науке состоит в том, что этим правилам и категориям придается исключительно юридически значимый характер и системность.

Начиная со своего зарождения в конце XIX века в Германии, теория преступления проходит различные стадии развития, которые нашли свое отражение в испаноязычной правовой литературе. Влияние немецкой правовой доктрины настолько велико, что труды правоведов, которые будут приведены ниже, были переведены на испанский язык и опубликованы в качестве учебных пособий: Ф. фон Лист « Трактат об уголовном праве» в трех томах, переведенный Хименесем дэ Асуа и изданный в трех томах (1914- 1929); «Трактат об уголовном праве» Мезгера в переводе Родригеза Муньоза и изданный в Мадриде в 1935 году; «Трактат об уголовном праве» Мауруха, переведенный Кордобой Рода и изданный в Барселоне в 1962 году; «Уголовное право Германии» Вельцеля; « Уголовное право. Общая часть. Структура теории преступления»

Роксина, пережившее два издания в 1994 и 1997 году; « Уголовное право. Общая часть. Основы и теория уголовной ответственности» Якобса, изданная в Мадриде в 1997 году.

Итак, после завершения того или иного противоправного действия задача уголовного права установить и оценить его юридические последствия. Для достижения этой цели необходимо установить кто и при каких условиях нарушил уголовный запрет. Таким образом, «привлечь к уголовной ответственности» означает, что 1) было совершено *деяние* (факт его совершения); 2) деяние противоречит установленному в обществе правопорядку, то есть *противоправно*; 3) такое противоправное деяние вменяется в упрек лицу, совершившему его (*признак виновности, упречности*).

Теория преступления изучает эти три признака необходимые для привлечения к уголовной ответственности. Первым шагом является не просто установление факта совершения действия или бездействия, но попытаться увидеть его в его волевом преломлении (по направленности воли при совершении деяния). Следующий шаг – это установление соответствия такого деяния правопорядку или противоречие ему. Этот шаг будет являться конечным в случае, если деяние не нарушает существующий правопорядок. Но если деяние противоправно, то необходимо установить лицо, которому это «вменяется в упрек», то есть виновного в совершении такого деяния.

Исходя из вышеизложенного, *преступление определяется как противоправное виновное деяние.*

Теория преступления в испанском уголовном праве состоит из трех элементов: 1) деяние и его признаки, волевая направленность; 2) противоправность; 3) упречность (виновность).

Первый элемент – деяние должно быть волевым, то есть речь идет не просто о физическом действии или бездействии, но о наличии его направленности, его принадлежности чьей-то воле. Преступное деяние не может быть неконтролируемым телодвижением или совершаться под угрозой насилия, так как в таком случае не исходит от самого субъекта, а обусловлено обстоятельствами извне. Также деяние должно быть выражено вовне – то есть получить физическое выражение (никто не может нести ответственности за мысли). Деяние также должно контролироваться со стороны субъекта, то есть исключаются произвольные телодвижения, инстинктивные реакции и т.п.

Второй элемент – противоправность есть соответствие деяния преступному «типу» указанному в законе. Как только мы оказываемся перед действием или бездействием значимым с уголовно-правовой точки зрения, следующим шагом является определение является ли такое действие «уголовным типом», описанным нормой Особенной части Уголовного Кодекса. Кроме этого, согласно «принципу опасности» (*principio de lesividad*) преступление должно в существенной степени наносить вред охраняемым законом благам. Поэтому деяние противоправно, если нарушив положения уголовно-правовой нормы,

наносит вред или ставит в опасность благо, защищаемое уголовным законом. Как указывает Кинтеро Оливарес, действие является преступным не в силу того, что уголовным кодексом установлена его наказуемость, но в силу того, что такое действие имеет негативную социальную и правовую оценку [1, с. 280]. Из этого следует, что из всех деяний, запрещенных законом, противоправными являются не все, а те из них, которые в зависимости от обстоятельств дела, не имеют оснований для освобождения от уголовной ответственности.

Последним составляющим элементом теории преступления является виновность («упречность»), под которой понимается ситуация, в которой находится лицо, которое имело возможность действовать иначе при заданных обстоятельствах, но не сделало этого и потому заслуживает уголовно-правового порицания, упрека, выражающегося в привлечении его к ответственности и назначении наказания.

Необходимыми предпосылками виновности являются: дееспособность лица; наличие формы вины в виде умысла или неосторожности; законодательное требование определенного поведения или запрет на совершение определенных действий. При отсутствии одного из вышеназванных элементов отсутствует признак виновности.

Такое понимание преступного деяния отразилось на всех институтах уголовного права Испании:

1. Бездействие рассматривается как разновидность действия, направленного на невыполнение той или иной обязанности.

2. Существует только один вид поведения, не представляющий уголовно-правовой релевантности в силу отсутствия волевого элемента – поведение человека в условиях непреодолимой силы.

3. Типичность, как один из важнейших признаков преступления, приобретает особое значение в определении преступности совершенного действия, поскольку она связана с положением о том, что определенное человеческое поведение может быть признано в качестве преступления лишь в том случае, если оно соответствует типу, описанному в законе.

4. Тип выполняет две основные функции: гарантирующую и познавательную. Гарантирующая функция заключается в том, что закон посредством типа точно и ясно описывает все признаки, касающиеся как самого уголовно-наказуемого деяния, так и его юридических последствий. В этом смысле тип способствует выполнению свойственной принципу законности гарантирующей функции.

5. «Финальность» действия позволяет провести грань между различными преступными «типами».

6. В действующем УК Испании нет общего понятия вины, также как и нет определения умысла. Разработка этих вопросов является прерогативой судебной практики и доктрины уголовного права.

7. В теории испанского уголовного права преобладает нормативная концепция виновности, согласно которой вина отождествляется с упречностью (*reprochabilidad*) и включает в себя не только психическое отношение лица к совершенному им деянию, но и оценочное суждение об этом психическом отношении, выносимое от имени общества судебной властью.

Список литературы

1. Quintero Olivares, G.: Manual de Derecho Penal. Parte General, 2010 Editorial Aranzadi, S.A.

БЕЗОПАСНЫЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Щербинина И.В.

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
ГОУ ВПО Московский государственный областной гуманитарный институт,
канд. юрид. наук,
Россия, г. Орехово-Зуево

В статье рассматриваются сложившиеся подходы к определению содержания объекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, с уточнением в необходимых случаях специфики применительно к нарушению правил, обеспечивающих безопасность учебно-воспитательного процесса, и с учетом распространения ст. 143 УК РФ на случаи причинения вреда учащимся и воспитанникам образовательных учреждений.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана здоровья обучающихся наравне с охраной безопасных условий труда, жизнь и здоровье учащихся, несчастные случаи в образовательных учреждениях должны квалифицироваться по ст. 143 УК РФ.

Суть преступления, его основная характеристика во многом определяется объектом посягательства, т.е. теми ценностями, которым причиняется вред в результате совершения преступления и ради охраны которых сформулирован конкретный уголовно-правовой запрет.

Теория уголовного права традиционно различает понятия общего, родового (специального) и непосредственного объектов преступления, которые относятся к так называемой классификации «по вертикали», так как деление производится по родовидовым признакам от общего к частному. Трехступенчатая классификация объектов преступления соответствовала структуре прежних уголовных кодексов (УК РСФСР 1926 г. и УК РСФСР 1960 г.), Особенная часть которых делилась только на главы. Структурное деление Особенной части УК РФ 1996 г. не только на главы, но и на разделы (объединяющие отдельные главы) позволяет вспомнить о четырехступенчатой классификации [10, с. 152].

В понятии «общего» объекта выражено представление о том, на что посягает, чему причиняет вред преступление как социальное явление. В связи с тем, что в роли общего объекта выступает вся совокупность охраняемых уголовным законом благ (интересов), в рамках настоящего исследования интерес представляет, прежде всего, изучение родового, видового и непосредственного объектов.

Родовой объект – это та или иная область, сфера социально значимых ценностей, интересов, благ, на которые посягает однородная группа преступлений. Принципиальная значимость родового объекта преступления состоит в том, что в основу кодификации и классификации норм Особенной части на разделы положен именно родовый объект.

Состав преступления, предусмотренный ст. 143 входит в раздел 7 УК РФ «Преступления против личности» [3]. В этот же раздел попадает и статья о причинении смерти и вреда здоровью человека. Таким образом, родовым объектом преступных нарушений правил охраны труда является личность как человек, рассматриваемый в системе социальных ролей и общественных отношений, являющийся одновременно и биологическим существом, и носителем определенных прав, обязанностей, свобод и социальных благ. С учетом специфики применения рассматриваемого состава преступления к сфере образования, считаем возможным, выделить разновидность родового объекта, которым будет личность учащегося. Сразу оговоримся, искусственное выделение в роде «личность» такого вида как «личность учащегося» имеет важное значение, в частности, для правотворчества. Утверждая родовым объектом личность учащегося, законодатель должен учитывать отягчающие последствия деяния за нарушение правил охраны труда и правил, обеспечивающих безопасность образовательного процесса, выражающиеся в причинении по неосторожности вреда здоровью или смерти несовершеннолетнему.

Видовой объект можно обозначить как подгруппу близких, сходных социальных благ, на которые посягают преступления, нормы об ответственности, за совершение которых располагаются в пределах одной главы. Видовой объект – это объект вида (подгруппы) очень близких по характеру преступлений [7, с. 152]. Поместив ст. 143 УК РФ в главу 19 Уголовного кодекса РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», законодатель отнес нарушение правил охраны труда к преступлениям, которые представляют собой предусмотренные уголовным законом общественно опасные деяния, посягающие на права и свободы граждан, провозглашенные Конституцией РФ. Следовательно, видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие соблюдение провозглашенных Конституцией РФ основных прав и свобод человека и гражданина, указанные в гл. 19 УК РФ.

По нашему мнению, обучение в плане охраны жизни и здоровья обучаемых и воспитанников приравнено к охране труда, а ст. 143 УК РФ является

нормой, охраняющей, в том числе жизнь и здоровье учащихся образовательных учреждений. Несмотря на то, что в конституции Российской Федерации право на безопасные условия труда и право на образование (последнее гарантировано ч. 1 ст. 43 Конституции) записаны в разных статьях, тем не менее, мы считаем, что в плане охраны жизни и здоровья участников этих видов деятельности данные нормы имеют точки соприкосновения. Раздельное их закрепление в основном законе страны вполне понятно. Законодатель, прописывая конституционные нормы, основное внимание уделял функциям рассматриваемых важнейших процессов для человека, общества и государства: в процессе труда – функциям труда, в процессе образования – функциям воспитания и обучения. Но когда мы говорим об охране жизни и здоровья участников указанных сфер жизни, в этом отношении различия уходят на второй план, и мы концентрируем внимание только на сходстве.

В ч. 1 ст. 43 Конституции РФ закреплено право каждого человека на образование [2]. «Каждый человек имеет право на образование: образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам» – сказано в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека [1]. Право на образование – это право гражданина на получение определенной суммы знаний, культурных навыков, профессиональной ориентации, необходимых для нормальной жизнедеятельности в условиях современного общества. Образование есть целенаправленный процесс обучения в интересах человека, общества, государства, сопровождающийся констатацией достижения гражданином (обучающимся) установленных государством образовательных уровней (образовательных цензов) [11].

Образование в Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2012 N 273–ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об образовании в Российской Федерации» [4], иными законодательными актами, а также нормами международного права. Указанные нормативно–правовые акты относят здоровье учащихся к приоритетным направлениям государственной политики в области образования. В связи с этим можно сделать вывод, что, закрепляя в Конституции право на образование, государство гарантирует именно безопасное образование и в первую очередь главным участникам образовательного процесса – учащимся. Таким образом, ст. 143 УК РФ является уголовно–правовой гарантией не только ч.3 ст. 37, но и ч.1 ст. 43 Конституции Российской Федерации.

Конституционное право граждан Российской Федерации на образование относится к категории социально-культурных прав и свобод. Оно тесно связано с другими социальными и социально-экономическими правами, в частности с правом на труд, включая право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, и правом свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности [12]. С этой позиции

представляется правильным размещение ст. 143 именно в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

Дальнейшая конкретизация объекта достигается с помощью определения непосредственного объекта преступления. Непосредственный объект – конкретное благо, на которое непосредственно направлено посягательство, то общественное отношение, которому причиняется вред в результате совершения определенного преступления. Непосредственный объект является обязательным признаком каждого состава преступления и имеет практическое значение для квалификации преступлений, так как позволяет в ряде случаев отграничить преступление от других однородных с ним преступлений.

При переходе к уровню непосредственного объекта сразу становится заметной разница между преступлениями, предусмотренными ст. 143 УК РФ и ч. 2 ст. 109 УК РФ, а также ч. 2 ст. 118 УК РФ. Применительно к ст. 143 УК РФ основным непосредственным объектом являются безопасные условия труда и обучения, а дополнительным – здоровье и жизнь человека. В статьях 109 и 118 УК РФ на первый план выходят жизнь и здоровье, а на второй (для ч. 2 той и другой статьи) – безопасные условия жизнедеятельности человека, охраняемые правовыми нормами, которые регламентируют профессиональные обязанности. Поэтому, в принципе, возможна законодательная конструкция, при которой состав преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, расформировывается и перемещается в соответствующие части ст. 109 и 118 УК РФ. Однако, в таком случае теряется специфика преступления, уменьшается профилактический потенциал специальной нормы, в которой конкретизируются профессиональные обязанности применительно к конкретной сфере жизнедеятельности (в данном случае в сфере охраны труда и безопасных условий обучения). Поэтому мы считаем более обоснованным не перемещение состава ст. 143 УК РФ в рамки ст. 109 и ст. 118 УК РФ, а напротив, дополнение диспозиции ст. 143 УК РФ указанием на признаки нарушения безопасных условий обучения. В таком случае, будет проводиться более обоснованная, на наш взгляд, дифференциация уголовной ответственности применительно к однотипным по своему характеру нарушениям.

В настоящей работе мы рассматриваем сложившиеся подходы к определению содержания объекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, с уточнением в необходимых случаях специфики объекта относительно нарушения правил, обеспечивающих безопасность учебного процесса. В связи с этим, представляется, что непосредственный объект намного шире определений, традиционно даваемых специалистами, и распространяемых только на производственную сферу.

Сравним такие термины как «труд» и «учеба». Труд – это «прежде всего процесс... в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [9, с. 188]. В разных источниках приводятся различные определения термина «обучение».

В большинстве определений в различном виде встречаются словосочетания «целенаправленный процесс», «взаимодействие ученика и учителя», «формирование ЗУН (знаний, умений и навыков)».

Учеба – это совокупность организованных мероприятий, направленных на получение знаний, умений, приобретение опыта. В общественном сознании традиционно содержатся представления об учебе как труде, имеющей свои специфические черты, и, соответственно, определенный статус и количественное измерение. Учеба сопровождается активной работой мозга, затратами нервов, физических сил человека. В процессе обучения развивается имеющийся у учащегося интеллектуальный потенциал, кругозор, эрудиция. Итогом обучения является гражданин, обладающий определенным спектром качеств. Познание есть тоже форма деятельности, а деятельность, это труд. Часто в обиходе можно встретить следующие высказывания: «учеба – это трудная интеллектуальная работа»; «трудная учеба» и т.д. Бесспорно, «труд» и «трудный» – слова родственные, однокоренные.

Сопоставим труд учащегося, студента и производственный труд рабочего. Если работник соединяет свою рабочую силу со средствами производства, и это соединение факторов производства обеспечивает ему в дальнейшем возможность использовать результаты своего труда, то в работе учащегося потребление ресурсов «образовательные услуги» приводит к созданию нового интеллектуального продукта – специалиста высшей квалификации применительно, например, к студенту. Потребление интеллектуального продукта, т.е. реализация полученных знаний, и, соответственно, получение отдачи от своего труда, занимают достаточно продолжительный период времени. В процессе общественного производства рабочий временно отчуждает свою рабочую силу и в конечном итоге обменивает свой труд на заработную плату или предметы потребления. У учащегося в процессе обучения не происходит ни отчуждения рабочей силы, ни его труда. Обучаясь, т.е. затрачивая свою рабочую силу, учащийся получает ее вновь с определенным приращением, т.е. в процессе обучения он наращивает свой интеллектуальный потенциал, создавая, таким образом, свой «человеческий капитал» [6, с. 75].

С учетом вышесказанного можно резюмировать, что существует еще один блок общественной жизни, тесно связанный с трудом, трудовой деятельностью, но в другом аспекте. Речь идет о процессе получения учащимися знаний в образовательных учреждениях. Значит, обучение также охраняется ст. 143 УК РФ, а непосредственный объект данного преступления можно разделить на две составляющие: общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия труда и общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия обучения и воспитания.

Нередко преступление посягает не на один непосредственный объект, а сразу на два. Такие преступления называются двуобъектными и подлежат классификации «по горизонтали». В таких случаях обычно различают основной,

или главный, и дополнительный объекты преступления. Разграничение это проводится не по степени значимости объекта, а по его связи с родовым объектом преступлений данной группы. В литературе по поводу дополнительного объекта преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ высказаны диаметрально противоположные мнения. Одни авторы в качестве такого объекта по ч.1 ст. 143 УК РФ называют здоровье человека, а по ч. 2 этой статьи – жизнь человека [8, с. 26]. Некоторые ученые в качестве дополнительного объекта рассматривают общественную безопасность [14, с. 11]. Отдельные же специалисты считают, что выделение здоровья и жизни гражданина в качестве дополнительного объекта является необоснованным [5, с. 10].

Отраслевой стандарт ОСТ – 01 – 2001 определял обеспечение безопасности образовательного процесса как систему сохранения жизни и здоровья обучающихся и воспитанников в процессе их образовательной деятельности, включающие в себя правовые, социально – экономические, организационно – технические, санитарно – гигиенические и иные мероприятия. Утвержденный Приказом Минобразования РФ от 14 августа 2001 г. N 2953 Отраслевой стандарт «Управление охраной труда и обеспечением безопасности образовательного процесса в системе Минобразования России. Основные положения. ОСТ–01–2001» был разработан в целях совершенствования организации работы по охране труда и обеспечению безопасности образовательного процесса в органах управления образованием всех уровней и образовательных учреждениях всех типов и видов. К сожалению, Приказом Минобразования РФ от 24 июня 2002 г. N 2360 настоящий приказ отменен в связи с отказом в государственной регистрации. Так как новый нормативный акт, также подробно регулирующий вопросы обеспечения безопасности обучения не принят, мы посчитали возможным привести текст указанного приказа в качестве образца подхода определения понятия охрана труда и обеспечение безопасности образовательного процесса.

В связи с указанным выше, считаем возможным выделить второй обязательный объект преступного нарушения правил охраны труда в образовательных учреждениях, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть гражданина, – жизнь и здоровье воспитанника или учащегося, которые признаются потерпевшими.

Таким образом, основной объект отражает направленность на конкретную область охраняемых уголовным законом общественных отношений, указывает на сферу вредоносного влияния. В качестве же дополнительного объекта выступают интересы, общественные отношения, которые терпят ущерб наряду с основным объектом причинение вреда. Хотя без причинения тяжкого вреда жизни и здоровью работников организации или участников образовательного процесса нарушение правил охраны труда и правил, обеспечивающих безопасные условия обучения и воспитания, не образует состав преступления.

Дополнительный объект, в свою очередь, может быть как необходимым (обязательным), так и факультативным. В рассматриваемом составе преступления жизнь и здоровье в результате причинения ему тяжкого вреда – всегда необходимые дополнительные объекты преступления, поскольку без посягательства на личность не может быть уголовно наказуемого нарушения правил охраны труда.

Факультативному же объекту вред может и не причиняться, либо он может быть не поставлен под угрозу причинения вреда. Факультативный объект не входит в конструкцию состава преступления [13, с. 112]. В результате преступного нарушения правил, обеспечивающих безопасные условия обучения и воспитания, повлекшего наступление указанных в ст. 143 УК РФ последствий, может причиняться вред интересам потерпевшего (расходы на лечение на период временной нетрудоспособности, затраты родственников на похороны, моральный ущерб) и ущерб образовательному учреждению (повреждение зданий и оборудования, снижение престижа конкретного учебного заведения и как следствие, создание отрицательного отношения в обществе к существующей системе образования в целом и т.д.), но это не влияет на квалификацию преступления.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. – 1995. – N 67 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=120805>.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6–ФКЗ, от 30.12.2008 N 7–ФКЗ, от 05.02.2014 N 2–ФКЗ, от 21.07.2014 N 11–ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – N 31. – Ст. 4398 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=2875>.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2014) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162812>.
4. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273–ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – N 53 (ч. 1). – Ст. 7598 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=165984>.
5. Бессонова, И. В. Нарушение правил охраны труда в уголовном праве России [Текст]: автореф. дис ... канд. юрид. наук. / И. В. Бессонова – М., 2002. – 28 с.
6. Гарафутдинова, Н.Я. О полных затратах на подготовку специалистов высшей квалификации [Текст] / Н.Я. Гарафутдинова // Вестник Омского университета. – 1998. – Вып. 3. – С. 73–76.
7. Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении (под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф.Кузнецовой, кандидата юридических наук, доцента И.М.Тяжковой). [Электронный ресурс] / Автор главы Пашковская А.В. – М.: ИКД "Зерцало–М", 2002. – Режим доступа: [Система ГАРАНТ].
8. Лопашенко, Н.А. Преступные нарушения трудового законодательства [Текст] / Н.А. Лопашенко // Трудовое право. – 2003. – №4. – С. 24–29.

9. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Т. 23. [Электронный ресурс] – Москва: Политиздат, 1960 – Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t23.pdf>.
10. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций: в двух томах [Текст] / А.В. Наумов – М.: Юридическая литература, 2004. – 496 с.
11. Научно–практический комментарий к Конституции Российской Федерации / Отв. ред. В.В.Лазарев. [Электронный ресурс] / Автор комментария к ст. 43 Конституции Российской Федерации – А.П. Герасимов – М., 2007. – Режим доступа: [Система ГАРАНТ].
12. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / Под общ. ред. В.Д. Карповича. [Электронный ресурс] – М.:Юрайт – М; Новая Правовая культура, 2002. – Режим доступа: [Система ГАРАНТ].
13. Российское уголовное право: в 2 т. Т.1 [Текст] / Под ред. А.И. Рарога. – М., 2001. – 872 с.
14. Яблоков, Н. П. Проблемы расследования и предупреждения преступлений в области охраны труда и техники безопасности [Текст] : автореф. дис ...д–ра юр. наук / Н. П. Яблоков – М., 1972. – 36 с.

Научное издание

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Сборник научных трудов
по материалам
III Международной научно-практической конференции

г. Белгород, 30 сентября 2014 г.

В пяти частях
Часть III

Все материалы публикуются в авторской редакции

Подписано в печать 17.10.2014. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 9,30. Тираж 100 экз. Заказ 48.
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Петрова М.Г., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а